

Записки Кочевника

Анвар Амангулов

Содержание

Об авторе	3
Часть первая - Киргизские этюды	4
Запах Дыни	4
Джиргала	8
Тропою Манаса	16
Часть вторая - Записки Кочевника	37
Je me souviens: квебекские эскизы	37
Еще одно чудо	54
Нежные краски и жесткое плоскогорье	61
Последний фронтир	70
Последний Дикий Запад	80
Часть третья - Вымыслы и Домыслы	89
Об именах	89
Срочность	102
Парадокс Англии	111
Несоответствия	118
"Божественное возмездие" - размышления о патриотизме	125

Об авторе

Автор, Анвар Амангулов, родился и вырос в городе Фрунзе (ныне Бишкек). Окончил механико-математический факультет Новосибирского Государственного Университета (Новосибирск, Россия) и отделение информатики CDI College of Business and Technology (Барнаби, Канада).

На персональных веб страничках в Интернете публиковался под псевдонимами «Амин» и «Амин Алаев».

Ныне живет в городе Ванкувер (Британская Колумбия, Канада), где работает разработчиком программного обеспечения. Увлекается бегом на длинные дистанции и литературным творчеством.

Данная книга состоит из трех частей. Первая часть так или иначе связана с Кыргызстаном. Вторая часть отражает впечатления автора от посещений разных уголков Северной Америки (Квебек, Нью Йорк, Аризона, Аляска и остров Ванкувер). Третья часть содержит авторские размышления в форме эссе на разные темы и рассказ о жизни ванкуверского программиста («Срочность»).

Аннотация:

Как складываются отношения людей в первобытной дикости киргизского Тянь-Шаня и какая разница между киргизскими дынями и дынями в Канаде? Почему Гранд Каньон в Аризоне иногда напоминает Чайна таун и случаются ли все еще чудеса на 34-й улице в Нью Йорке? Почему в английском эпосе «Беовульф» почти нет упоминаний об Англии? Анвар Амангулов, канадский писатель киргизского происхождения, размышляет над подобными вопросами на страницах этой книги в форме рассказов, очерков-травелогов и аналитических эссе, предлагая читателю неожиданный ракурс рассмотрения темы и оригинальные авторские суждения.

Часть первая - Киргизские этюды

Запах Дыни

Это произошло совершенно случайно. От знакомых, вернувшихся из Бишкека, мне в руки попала киргизская газета. На одном из ее разворотов была фотография кинотеатра «Алатоо». Цветная, четкая фотография на которой можно было с легкостью разглядеть мельчайшие подробности фасада этого, пусть не шедеврального, но и неординарного порождения советской архитектуры. Я долго не мог отвести взгляда от изображения здания, которое часто видел воочию много лет назад, когда город, на центральной площади которого оно расположено, назывался Фрунзе, а на утренний сборник мультфильмов в этом кинотеатре можно было сходить всего за десять копеек.

Я сидел у окна обычной ванкуверской кофейни и листал эту газету. Хлестал проливной дождь. Ветер истерично трепал по осеннему красные и уже не густые шевелюры кленов, аккуратно высаженных вдоль тротуара. Дама, вышедшая из фруктовой лавки через улицу напротив, не успев раскрыть уронила зонтик. Глядя на дождь, упавший зонтик и фотографию в газете я не мог перестать спрашивать себя – а что же все таки Бишкек, как место на планете, значит для меня, человека, который там родился и провел изрядную часть детства?

Есть города опозитизированные синемаграфом и литературой. Такие как Нью Йорк например. Не надо посещать Маленькую Италию на Манхэттене, чтобы знать в деталях чем она живет и дышит. Коппола, Пьюзо и Скорсезе (среди прочих) сделали очень многое для того, чтобы донести это знание до самых удаленных уголков мира. Есть города в которых так много истории, что их даже трудно воспринимать как собственно города. Как то раз в Лондоне я был вынужден сделать большую петлю идя куда-то по делам из-за того, что в центре города в очередной раз раскопали культурный пласт времен императора Юстиниана. В таких города часто чувствуешь себя как в музее, где надо быть очень осторожным, чтобы не чегонибудь случайно не разбить. Бывают города где ощущаешь себя очень легко и раскованно, почти овощем на грядке, которую заботливо пропальывают и поливают. К таковым можно отнести Лас Вегас, а также разморенные солнцем курортные местечки на Кипре и в Мексике.

Бишкек трудно отнести к любой из этих категорий.

Город в котором рождаешься, он как родители, которых не выбирают. Он может быть милым и уютным, а может суровым и холодным.

Я знал человека, чей родной город был заполярный Певек на Чукотке. Во время полярных ночей, длящихся в тех краях по полгода, жители города его, этот город, даже толком и не видят. Самое яркое воспоминание которое мой знакомый мог предложить о том, какой он, этот Певек, был очень эмоциональный эпизод о вкусной консервированной черешне, венгерской или болгарской, которую доставляли кораблями во время летней навигации (зимой водные маршруты намертво замерзали). Быть ребенком в Заполярье совсем не то же самое, что гденибудь в средней полосе,

и черешня была тем немногим, что по настоящему скрашивало долгую, нудную, темную полярную ночь.

Другой мой знакомый родом из Шанхая. Шанхай это гигантский мегаполис с населением настолько большим, что многие страны просто бледнеют своей численностью перед ним. Для него родной город это прежде всего люди. Гигантские потоки людей. Потоки в которых отдельный индивидуум рискует очень просто раствориться и исчезнуть как пресловутая иголка в стоге сена. Узнав, что я родом из страны с численностью менее пяти миллионов человек, он отреагировал немного неожиданно:

- У вас такая маленькая нация... Вы наверное все друг друга знаете в лицо!

Он не шутил. Он был искренен в своем непонимании.

Дождь слегка поутих. Ручейки воды, стекающие по стеклу окна стали узкими и нерешительными. Я отхлебнул свой крепкий кофе.

Тогда, много лет назад, когда он еще назывался Фрунзе, кофе я практически не пил. Чай, чаще грузинский, но иногда и индийский, был главным напитком горожан моей возрастной группы. Его пили с сахаром, с молоком, иногда добавляя сливочное масло (по совету бабушки из горной деревушки с "чайным" названием Чаек), реже с лимоном. Его пили из полусферических сосудов пиал с затейливым азиатским орнаментом. Можно было долго размешивать сахар чайной ложкой, глядя как чаинки, повинувшись законам гидродинамики, послушно вращались вокруг невидимого столбика жидкости. Чай пили все, всегда и везде. Вне зависимости от национальности или социального статуса. Для фрунзенцев той эпохи, больших и маленьких, чай был больше чем просто напиток. Он, как швы на одежде, соединял в одно целое события и людей, горе и радость, пустяки и важности. Чай и Фрунзе той поры для меня так же неразделимы как Париж и Эйфелева башня.

Детьми мы играли во дворах после уроков. В альчики, в лянгу, в футбол. Альчики, эти косточки из бараньих ног, были до невозможности разнообразны. Какие то больше, какие то меньше, окрашенные в разные цвета, сточенные от постоянного использования в играх, иногда залитые свинцом для тяжести. Редко попадались альчики от архаров. Партия в альчики могла тянуться бесконечно долго, если играющие были примерно одинакового класса – тогда только наступившие сумерки прекращали состязание. Все менялось, когда в игру вступал настоящий мастер. Такие мастера собирали гигантские коллекции альчиков, глядя на которые мне иногда вспоминалась картина Верещагина «Апофеоз войны».

Игра же в лянгу была менее материальной – все что требовалось это собственно лянга. Обычно это был комок из узко нарезанных и связанных между собой тряпичных лент, реже – кусочек кожи с шерстью, утяжеленный опять же свинцовым слитком. Игра эта требовала известного атлетизма – совершить пять виртуозных прыжков подряд, выполняя «люры», мог далеко не каждый. Отчего то было принято считать, что лянга может вызвать недуг с жутковатым названием – грыжу. Несмотря на это, в лянгу играли все и никто не заболел.

Футбол был любимой дворовой игрой, где уже был командный дух и если кто то обладал задатками лидера, они быстро проявлялись. Интерес к футболу резко возрастал, когда шли по настоящему крупные турниры. Чемпионат мира в Мексике, помнится мне, отодвинул на задний план все остальное и пацаны проводили долгие часы в обсуждении была ли игра рукой у Марадоны и почему Сократес не забил пенальти. Игра в футбол была чревата травматизмом из за того, что травяных полей практически не было, а падение на пол бетонного бассейна, никогда не знавшего воды, или на пыльную каменистую поверхность школьного стадиона почти всегда означало как минимум разодранные колени. Это никого не останавливало и выдавшие виды мячи продолжали поднимать пыль по вечерам.

Осенью была еще одна забава – собирать райки. Райки, эти маленькие, почти дикие яблоки, росли прямо в городе, но самое удивительное, что они безо всякого ухода плодоносили так, что порой ветви ломались от изобилия небольших кисловатых яблочек. Много лет спустя я узнал, что родина яблочек как аграрной культуры это долины Тянь Шаня; теперь, в ретроспективе, совершенно не возникает сомнений почему, даже без данных генетического анализа яблонь. Раек было много по городу, но особенно в той части, где жил я. Лазая по деревьям, мы собирали их в большие пластиковые пакеты. Обычно они съедались просто так, свежими, но кое кто готовил из них компоты или даже варенье.

По прежнему глядя в окно на серый осенний день я почти почувствовал давно забытый вкус этих фрунзенских раек. Во фруктовой лавке через улицу райки наверняка не продавались. Из за дождя покупателей почти не было и хозяин заботливо поправлял свой товар. В каждой секции была пластиковая тарелка с аккуратно нарезанными образцами того или иного фрукта, чтобы покупатели имели возможность попробовать прежде чем класть товар к себе в корзинку.

На фрунзенских базарах советского периода тоже было много фруктов. Иногда их было так много, что кажется просто невероятным, что Советский Союз, как государство, во многом угас из-за экономических причин. Где-то в конце августа на рынках, как официальных, так и спонтанно возникавших там, где была более-менее ощутимая проходимость народа, появлялось немислимое количество арбузов и дынь. Мы, мальчишки, бывало даже делали «шабашку» помогая разгружать эти бахчевые, получая в качестве оплаты арбуз на выбор. Дыни же, привозимые откуда то с юга (Узбекистана или Ферганской долины), были зачастую гигантских размеров. Их, по форме напоминавших торпеды, ставили вертикально друг к другу, покрывая большие площади желтой ароматной массой. Казалось, что это были вовсе не дыни, а кладки яиц муравьев исполинских размеров.

Металлическим переливом зажурчал мой сотовый телефон. Встреча, ради которой я пришел в эту кофейню, отменялась. Я допил кофе, взял недочитанную киргизскую газету и зонтик и вышел на улицу. Все еще капал дождик. Я решил забежать в эту лавку напротив и купить яблочек. Хозяин магазинчика, увидев меня, заулыбался и протянул мне только что нарезанные им фрукты. Спустя несколько мгновений я с четкостью осознал, чем для меня является Бишкек. Я должен сделать небольшое отступление, перед тем, как объяснить почему.

Об этой истории я слышал давно, когда еще был студентом. Произошла она в Южной Америке, в Аргентине в конце 19-го века. Тогдашняя Аргентина, в той ее части, что зовется пампой, не сильно отличалась от Дикого Запада, описанного Майн Ридом, Фенимором Купером или Элмором Леонардом – те же колонисты, на свой страх и риск селящиеся вблизи владений индейцев, и те же индейцы, беспрестанно вступавшие в конфликты с колонистами. Дело было где-то на далеком от огней больших городов фронтире, где индейцы то и дело совершали набеги на поселенцев. Во время одного из таких рейдов пропал ребенок, малыш, едва научившийся говорить. Едва не сошедшие с ума родители, много лет искали его по всему фронтиру. Однажды до них дошли слухи об индейце необычной внешности, живущем в удаленном племени. Каким то образом родители смогли сделать так, что индеец этот оказался в их доме. Он уже не понимал того языка, которому родители учили его до исчезновения. Бесстрастно разглядывая антураж дома, он вдруг радостно вскрикнул и побежал куда-то внутрь, где залез куда-то в угол, что-то приподнял и извлек на свет игрушку, которую спрятал незадолго до похищения, два или больше десятилетий тому назад.

Когда хозяин лавки протянул мне нарезанные на пробу фрукты я почувствовал приятный нежный запах. Это была дыня. Привезенная откуда то далеко с юга, быть может из Калифорнии, а может и еще южнее. Аккуратно нарезанная маленькими дольками, она источала аромат, вдыхая который я пережил то, что возможно пережил этот «индеец», нашедший в родном доме игрушку, спрятанную давным давно ребенком. Тогда, много лет назад, я, будучи совсем маленьким, пошел с кем то из родственников на базар. Не на Ошский и не на Орто-Сайский. А на другой, названия которому я никогда не знал, но помню, что располагался он в той части города, где теперь находится площадь Победы. Был очень жаркий день. Базар ломился от фруктов. В основном это были именно дыни. Много, очень много дынь. Мне, как ребенку, казалось что это желтый, восхитительно пахнущий океан, с парящими осами вместо чаек. Помнится, дедушка с белоснежной бородой в тюбетейке на входе продавал нугу. К автоматам с газированной водой стояла очередь из изнуренных жаждой горожан. Кое кто носил большие широкополые шляпы, типа сомбреро. Стоял обычный торговый гудеж, кто то громко сетовал на дорогие цены, кто то говорил на непонятном мне наречии. Мы купили дыню и продавец, молодой парень с аккуратно подстриженными усами, дал мне попробовать кусочек. Дыня был невыносимо сладкая и ароматная. От ее сока всю дорогу домой руки у меня были липкими.

Вдохнув этот запах во фруктовой лавке, расположенной немислимо далеко от того фрунзенского рынка как во времени, так и в пространстве, я вспомнил этот эпизод из далекого детства, который настезь открыл шлюзы в плотине моей памяти. Воспоминания о Бишкеке как цунами захлестнули меня – проигрыши и выигрыши в альчики, турниры в лянгу перед и после уроков, пинание разодранного в нескольких местах мяча с одноклассниками по вечерам, сбор раек осенью, бесконечные чаепития по поводу и без повода, арбузы и дыни на базарах, посещения кинотеатра «Алатоо» с одноклассниками и братьями, школа из розового кирпича, сирень, цветущая вокруг нее весной, арыки с ледяной водой и многое, многое другое. Подобно тому, что та игрушка, ждавшая похищенного ребенка столько лет, я понял, что Бишкек для меня это тот незабываемый аромат дыни, что висел над уже давно несуществующим рынком в один из тех жарких летних дней моего детства много лет назад.

Я взял ломтик дыни с тарелки, протянутой мне хозяином лавки и попробовал. Вкус этой дыни был совершенно другим.

Джиргала

В тот октябрьский вечер ветер был силен как никогда, но Гульбахра все равно поднялась на ближайший пригорок после того, как дневная рутина уже закончилась, а вечерняя еще не началась. Сумерки сгущались и она до рези напрягала глаза, пытаясь разглядеть всадников в каменистом ущелье за несколько километров от лагеря. Всадников не было. Над ущельем начинали сверкать звезды; небо в это время года было почти всегда ясное и поэтому после захода солнца холодно становилось очень быстро. Гульбахра спрятала озябшие от ветра ладони в рукава кофты, но занемевшие пальцы все равно плохо слушались. Она поднималась на этот пригорок каждый вечер, чтобы первой увидеть возвращающихся с охоты мужчин. Так она говорила всем женщинам, работавшим в лагере, хотя все понимали, что первой ей хотелось увидеть только Джумабая.

Гульбахра совсем продрогла, когда Сергек, огромный серый волкодав с отрубленным наполовину хвостом, возбужденно залаял. Через несколько мгновений в сгущающемся мраке стали заметны приближающиеся силуэты. Вскоре послышался топот копыт и свист камчей. Сергек надрывался от лая. Гульбахра, забыв про продрогшие ладони, радостно замахала, понимая, что скорее всего всадники ее не увидят. Каурый мерин Джумабая с валящим из ноздрей паром, первым появился на вершине пригорка и устало фыркнул, почуяв Гульбахру. К его седлу была приторочена туша крупного волка с окровавленной в нескольких местах шерстью. Джумабай улыбнулся и, сняв с рук засаленные перчатки, потрепал Гульбахру по непокрытой голове. Она обхватила продрогшими руками старый кирзовый сапог Джумабая, не боясь испачкаться волчьей кровью. Этой встречи она ждала весь день.

Мужчины провели целый день на охоте, но трофеями были только два подстреленных по случаю волка. Вот уже третью неделю они не могли выследить архара с рогами нужной величины и Ганс Рогге, богатый торговец недвижимостью из Германии, приехавший на Тянь Шань за этими рогами, начинал нервничать. Зачем Гансу Рогге нужны были рога и почему он был согласен заплатить большие деньги и провести несколько недель вдали от цивилизации никто из киргизов толком не понимал. Скитание по диким Тянь Шанским горам в поисках архара нужных параметров было для них рутинной. Такой же рутинной как для Гульбахры было, например, снятие шкуры с волков – ловко орудуя ножом она вместе с Айшой быстро отделила уже совсем не теплые шкуры от таких же нетеплых и изуродованных пулевыми отверстиями туш и, разложив шерстью вниз, обильно посыпала их крупной солью. Джумабай устало курил, присев на валун неподалеку. Стало совсем темно. Гульбахра отправила Айшу в юрту вручив ей нож и пакет с остатками соли.

- Устал? – спросила она Джумабая, стряхивая соль с окончательно замерзших ладоней.

- Устал, - ответил тот и забычковал недокуренную сигарету.

Он поднялся с валуна, подошел к Гульбахре и обнял ее. Та уткнулась в его плечо, держа руки навесу. Плечо пахло потом, но запах не был ей неприятен.

- У тебя руки в буквальном смысле по локоть в крови, - засмеялся Джумабай.

Гульбахра не знала что ответить. Ей было холодно от порывов ветра, противно от липкой волчьей крови на руках, неприятно от остатков соли на потрескавшихся ладонях и в то же время невыносимо хорошо на пахнущем потом плече Джумабая.

Лагерь, расположенный в небольшой долинке, был со всех сторон окружен скалами, за которыми начинались покрытые жухлой травой горы. С одной стороны текла небольшая речушка с ближайшего ледника, вода в которой была головокружительно прозрачной и Гульбахра каждое утро переплетала свою вороную косу глядя в нее как в зеркало, напевая тягучую киргизскую песню о джигите, умчавшемся за Запад вместе с молодостью любившей его девушки. Лагерь состоял из нескольких юрт и старой саманной мазанки. В юртах и мазанке жили люди, у лошадей конюшни не было – неприхотливые коренастые лошади проводили ночи под открытым небом, иногда убредая от лагеря на приличное расстояние и утром Джумабаю приходилось пригонять их обратно. Одна из юрт была нарочито аляповатой с ярким орнаментом на когда-то белоснежном войлоке - в ней жили приезжавшие на несколько недель богатые искатели трофеев из далеких, загадочных и совершенно неизвестных большинству местных горцев стран. Искателям трофеев были позарез нужны рога как можно большего размера страшно редкого даже в этих местах архара Марко Поло¹. Почему архар носил имя Марко Поло никто из киргизов не знал, но один американец, приезжавший пару лет назад сказал Джумабаю, что Марко Поло был одним из первых охотников в этих местах, правда очень давно, задолго до того, как дунгане откочевали в Кыргызстан, а уйгуры утратили независимость. Джумабай частенько упоминал про этот факт после тяжелых охотничьих будней за вечерним куурдаком.

- Так говорил мистер Борелли, - всегда одинаково заканчивал свое объяснение Джумабай, быстро хмелевший от айрана и усталости, вызывая хихиканье у слышавших эту историю в сотый раз Айши и других девушек.

Гульбахре тоже было смешно и она тоже улыбалась. Стараясь сесть как можно ближе к Джумабаю на выдавшем виде ширдаке она была готова выслушать эту историю еще миллион раз, равно как и все другое, что говорил словоохотливый порою Джумабай.

Измотанные за день охотники быстро засыпали, иногда даже не снимая обуви и Гульбахра, выждав для верности с полчаса, украдкой пробиралась сквозь лежащие на ширдаках тела к углу, где обычно спал Джумабай, укрывшись старым дырявым чапаном. Залезая к нему под чапан, она

¹ Марко Поло (1254-1324) - средневековый итальянский предприниматель, первым из европейцев описавший Центральную Азию во время коммерческого вояжа ко двору монгольского хана Хубилая.

дергала его за мочку уха и Джумабай моментально просыпался. Заниматься любовью под старым, дурно пахнущим чапаном в присутствии полудюжины храпящих тел было делом неудобным, но Гульбахра об этом даже не задумывалась. Иногда ктонибудь из мужчин просыпался и шел на наружу облегчиться, в эти мгновения Гульбахра, прижавшись к Джумабаю всем телом, затаивала дыхание, что не выдать своего присутствия. Неудобство было и в том, что все приходилось делать молча, чтобы никого не разбудить. Молчать Гульбахре было особенно тяжело – сказать хотелось так много. Гульбахра часто не высыпалась. Лежа рядом с полусонным Джумабаем меньше всего на свете ей хотелось думать о том, что пора уходить, потому что завтра с раннего утра ему, Джумабаю, вместе с Гансом Рогге и другими, надо отправляться на поиски архара, а ей, Гульбахре вместе с Айшой и другими женщинами, заниматься изнурительными хлопотами в лагере. Нередко от этих мыслей Гульбахра тихо плакала, и поэтому утром проводила у речушки дольше обычного, обильно умывая опухшее от ночных слез лицо обжигающе холодной водой с ледника.

Жизнь в трехстах километрах от ближайшего населенного пункта, в первозданной дикости Тянь Шаньских отрогов, была мучительно однообразной. Будни ничем не отличались от выходных и праздников, горы и скалы каждый день выглядели также как и накануне и даже беркуты, парящие над лагерем, делали это настолько одинаково, что казалось, на ночь они никуда не улетают, а так и парят себе сутки напролет. К полудню, когда у Гульбахры появлялась свободная минутка, она была настолько уставшей, что сил у ней хватало лишь на то, чтобы взобраться на скалу, с которой открывался на редкость живописный вид на пойму речушки, чтобы глядя вдогонку неторопливо текущим водам мечтать о том, что будет с ней и Джумабаем после этого охотничьего сезона, когда горы покроются снегом, все иностранцы улетят в свои непонятные далекие страны, а они с Джумабаем поедут в Нарын или даже в Бишкек и несколько месяцев ей не надо будет украдкой пробираться к нему сквозь храпящие тела, а главное можно будет говорить не боясь кого то разбудить. От этих мыслей ей становилось настолько хорошо, что она забывала о времени и частенько Айше приходилось кричать ей, чтобы та возвращалась в лагерь, где сотни разных дел требовали ее личного присутствия. Как то раз, за мытьем горы посуды после ужина накануне, Гульбахра рассказала Айше о своих мечтах.

- А как же Джиргала? – удивленно спросила Айша.

- Джумабай порвал с Джиргалой, - ответила Гульбахра.

- Что то я об этом не слышала, - возразила Айша, скептически хмурясь.

- А чего тебе то об этом слышать? У них нет больше ничего общего.

Гульбахра понимала, что то, что у Джумабая нет больше ничего общего с Джиргалой, его невестой из Каракола, не более чем ее домысел, в который она хотела верить сильнее, чем во что либо еще. Ее, Гульбахры, отношения с Джумабаем, заставляли ее слепо верить в истинность этого домысла, но в то же время она понимала, что рано или поздно ей придется задать ему этот вопрос. Она посмотрела на свои покрытые шрамами руки – год назад, когда стало ясно, что Джумабай собирается жениться на Джиргале, Гульбахра, после многодневных переживаний пыталась вскрыть себе вены. Сделала она это весьма неумело, причинив куда больший вред

своей, едва не сошедшей с ума матери, чем себе. С тех пор Джумабай все еще не женился, но и о намерениях своих больше никому не рассказывал.

Через несколько дней внезапно перестал работать генератор. Гансу Рогге стало очень неудобно пить вечерами коньяк в темноте и Карабек, старший в лагере, отправил Джумабая в Нарын за новым генератором.

- Вернусь послезавтра, - шепнул на ухо Гульбахре Джумабай, перед тем как уехать на старом, чудовищно грохочащем УАЗике вниз вдоль покрытой валунами поймы реки.

Два дня прошли в обычных хлопотах. Мужчины весь день верхом слонялись по горам, женщины занимались работой в лагере. Волчьи шкуры просолились и подсохли от ветра и солнца; Ганс Рогге был доволен. Увидев вечером, что обработкой шкур занимаются Гульбахра с Айшой, он показал им фотографию на которой были изображены он и странное существо, чем то похожее на волка, но с намного более неприятной мордой и шкурой в крупных неровных пятнах; существо было мертвым, а Ганс Рогге выглядел улыбающимся и счастливым. Айша с интересом смотрела на фотографию. Кроме непонятного существа на фотографии были также диковинное дерево, отдаленно похожее на очень большой саксаул, выгоревшая трава в человеческий рост и странные искривленные столбики.

- Точно не Тянь Шань, - шепнула Айша Гульбахре на ухо.

У Ганса Рогге было еще несколько фотографий. Девушки с интересом смотрели на никогда не виденных ранее зверей и пейзаж.

- Это он на охоте в Серенгети, - сказал Сейтек, переводчик немца, - это в Африке. Гиену подстрелил. А вот это, - он тыкнул пальцем в странные столбики, - термитники.

- Что такое термитники? – с неподдельным удивлением спросила Айша.

- Это такие гигантские муравьиные юрты, - ответил Сейтек, пряча улыбку в редких усах.

Ганс Рогге с улыбкой наблюдал за диалогом. Он вытащил еще одну фотографию, на которой были двое маленьких пятнистых зверят с большими невеселыми глазами и что то сказал.

- Это щенки гиены, которую он подстрелил, - перевел Сейтек.

Щенки выглядели очень трогательно и совсем не были такими же отталкивающими как их, умертвленная пулей Ганса Рогге, мать. У щенков были маленькие торчащие ушки и совершенно по-детски безобидные выражения мордашек.

- Оми! – запричитала Айша, глядя на щенков.

- Что с ними стало? – спросила Ганса Рогге Гульбахра.

Ганс что то ответил.

- Он не знает, - перевел Сейтек.

Гульбахра с Айшой весь остаток дня обсуждали увиденных щенков гиены и строили догадки насчет того, что же все таки с ними стало, а на следующее утро в лагерь вернулся Джумабай и первое, что услышала Гульбахра проснувшись было щенячье тьяканье. Зайдя в мазанку Джумабай приблизился к все еще остававшейся под одеялом Гульбахре и вытащил из за пазухи своего ватника крошечного щенка овчарки. Щенок деловито обнюхал Гульбахру и вновь начал тьякать, забавно вращая хвостом. Джумабай поцеловал Гульбахру в щеку, та схватила его за рукав ватника.

- Как тебе тайган?² Мне пора, - сказал Джумабай, - все уже собрались, только меня и ждут. Карабек чует, что сегодня мы вернемся с архаром.

- Ты же полночи был за рулем! – воскликнула та.

Джумабай пожал плечами и направился к выходу.

- Как зовут щенка? – крикнула ему вслед Гульбахра.

- Джиргала, - с улыбкой ответил Джумабай и вышел из комнаты.

Как обычно вечером, когда сумерки начинали сгущаться и звезды вновь становились невыносимо яркими, Гульбахра, несмотря на ледяной ветер, ждала всадников на пригорке. В этот вечер ей было теплее, чем обычно – за пазухой теплым комочком лежал щенок, привезенный Джумабаем. Иногда он высовывал мордочку, но почував холод вновь прятался в складки кофты Гульбахры жалобно скуля. Гульбахра поочередно грела ладони, засовывая их с тепло между щенком и кофтой, поглаживая щенка по мягкому пузу. Вдруг истошно залаял Сергек. Через несколько минут Гульбахра услышала топот копыт. Щенок с любопытством высунул мордочку, энергично шевеля ушками и влажным носом. Силуэт одного из всадников был неожиданно большим и через мгновение Гульбахра увидела, что каурый мерин Джумабая кроме него самого был также нагружен большим архаром с красивыми спиральными рогами. Глаза архара сохраняли то отрешенное выражение, которое всегда можно видеть у недавно умерших копытных, будь то домашний баран или дикий козел теке – казалось, большие черные глаза равнодушно застыли в смиренной покорности перед смертью, принесенной пулей человека или клыками волков. Джумабай спрыгнул с лошади и мерин выдохнул густым паром от облегчения.

- Ганс счастлив, - сказал он Гульбахре, - архара с такими большими рогами нет ни у кого во всей Европе.

² Разновидность собак в Кыргызстане о чистоте породы которой среди экспертов нет общепринятого мнения.

Гульбахра обняла Джумабая, стараясь не причинить боли щенку за пазухой, и поцеловала его в заросшую жесткой щетиной щеку. Джумабай потрепал по голове Гульбахру и погладил высунувшегося щенка. Послышался свист.

- Идем, - сказал он Гульбахре, - Карабек с Гансом ждут.

Они неспешно шли по узкой каменистой тропинке к лагерю. Джумабай рассказывал как Карабек выследил стадо архаров, как они преследовали его на протяжении нескольких часов и как, разделившись на две группы, устроили засаду, погнав самого крупного архара прямо под пули Ганса Рогге, как Ганс Рогге не мог попасть в него с первого раза и только третий выстрел был удачным. Гульбахра молча слушала Джумабая, хотя время в пути между пригорком и лагерем были пожалуй единственным временем суток, когда она оставалась с Джумабаем наедине и могла позволить себе сказать все то, что тщательно скрывалось от ушей остальных. Метров за сто до ближайшей юрты Джумабай озабоченно спросил:

- С тобой все в порядке? Что то ты молчаливая сегодня.

Гульбахра, взяв Джумабая за руку, глубоко вздохнула и сказала.

- Я хочу чтобы у щенка было другое имя. Давай назовем его Кундуз. Хорошее имя для овчарки.

Джумабай остановился и внимательно посмотрел на Гульбахру. Гульбахре стало неуютно от его колючего пронизательного взгляда. Посмотрев, он молча пошел к юрте, резко дернув за узду своего мерина.

- Ну так что, Кундуз? – с надеждой в голосе вновь сказала Гульбахра.

- Нет, - не оборачиваясь твердо ответил Джумабай.

Ганс Рогге был вне себя от счастья и бедный Сейтек совсем измучился переводя уже десятки раз сказанные фразы о том, как его, Ганса Рогге, охотничий клуб в далеком Дюссельдорфе будет потрясен размером рогов добытого сегодня архара и что главный приз клуба в этом году наверняка достанется ему, после того как рога и шкура архара будут обработаны таксидермистом. Джумабай с Карабеком стащили тушу архара с лошади и Ганс бросился с рулеткой мерить размеры рогов, что то оживленно бормоча. Высыпавший из юрт и мазанки народ трудолюбиво создавал атмосферу восхищения и ликования удачью Ганса; в нищете киргизских гор щедрость заморских охотников была тем единственным источником дохода, на который им приходилось рассчитывать. Спустя полчаса возбужденного Ганса наконец увели в юрту и Гульбахра с Айшой стали свежевать мясо. Карабек развел огонь и принес старые металлические шампур, кое-где тронутые ржавчиной. Шашлык из печени и жира только что добытого архара был вполне логичным дополнением к старательно подогреваемой радости немца. Женщины резали мясо, нанизывали его на шампур и жарили на сияющих от постоянного ветра углях. Чую запах, все собаки собрались вокруг огня, выжидательно глядя на людей. Приходящий за готовыми

шашлыками Карабек иногда бросал куски мяса собакам, смеясь над тем, как те с рычанием отпихивали друг друга от желанной подачи. Щенок овчарки сидел рядом с Гульбахрой, поскуливая и дрожа от пронизывающего ветра.

- Красивый щенок, - сказала Айша, бросив щенку кусочек мяса, - как Джумабай его назвал?

Гульбахра, стиснув зубы, с силой рассекла бедро архара большим ножом с широким лезвием. Ей не хотелось говорить на эту тему с Айшой. Реакция Джумабая ее расстроила и рассердила одновременно; вот уже два года продолжалось ее странное и ожесточенное соперничество с женщиной по имени Джиргала, которую она даже никогда не видела и последние несколько месяцев она искренне полагала, что соперничество это осталось за ней и что Джиргала ушла в небытие как тот джигит и молодость его девушки из старой киргизской песни, но загадочная настойчивость Джумабая резко перечеркнула эту уверенность. В какой то момент Гульбахру даже затошнило от осознания того, что возможно отношение Джумабая к ней было вовсе не таким, каким ей казалось все это время и что все ее прожекты на те месяцы, когда Тянь Шань скует ледяной холод и охотники перестанут приезжать до следующего мая, так же эфемерны как и редкие, быстро разгоняемые непрекращающимися ветрами облака над отрогами гор. От всех этих мыслей Гульбахре захотелось плакать; сделав неловкое движение ножом она порезалась, после чего сразу разрыдалась. Слезы и кровь тонкими струйками стекали по лицу и ладоням Гульбахры и Айша, уверенная в том, что Гульбахра плачет от боли, бросила работу и, перемотав кровоточащую ладонь носовым платком, обняла Гульбахру, поглаживая ее по голове.

- Щенка зовут Джиргала, - сквозь слезы обреченно сказала Гульбахра.

Привезенный Джумабаем генератор так и остался лежать в машине – на радостях никто не удосужился установить его до наступления темноты, а потом Ганс Рогге настолько захмелел от коньяка и радости, что даже не заметил, что вечерняя трапеза, сопровождаемая оживленной беседой с Карабеком, прошла при тусклом свете свечей. Карабек с Гансом и Сейтеком были в юрте, все остальные набились в саманную мазанку; жареное мясо архара, айран, водка и бесконечные рассказы о том, как прошла охота были в избытке, как и долгожданная легкость от того, что скоро все они смогут поехать вниз, в долину, до следующего охотничьего сезона. Охотники пили за удачный сезон, за щедрость иностранцев, за Карабека, всегда выходившего на след нужной привередливым иностранцам добычи; многие предвкушали как они будут проводить зиму с ждущими их в долине семьями и на что будут потрачены трудно заработанные деньги. Через несколько часов оживление пошло на спад – уставшие за день люди притихли, кто то уснул, а те кто еще бодрствовал, отрешенно наблюдали за трепыханием пламени свечей, слушая жутковатые рассказы старой Бахыткан-апы про чудищ-дэвов, живущих в горных пещерах и питающихся душами заблудших, про говорящих волков, с золотыми когтями и способностью вызывать снегопады, и про девушку-призрака с окровавленным элечеком³, что раз в год появляется

³ Киргизский женский головной убор из хлопка и бархата.

в каждой юрте от Кунгей Алатоо и до самого Гиндукуша. За стенами мазанки выл ветер, делая рассказы старухи еще более страшными и поэтому когда дверь распахнулась и на пороге появилась Гульбахра с закатанными рукавами у многих вырвался возглас от испуга и неожиданности. Гульбахра молча вошла, налила себе пиалу айрана и неторопясь выпила ее.

- Как ты? – спросила ее Айша, глядя на ее порезанную недавно ладонь, - где Джиргала?

- У Джумабая нет с Джиргалой ничего общего, - вдруг сказала Гульбахра, - уж теперь то я знаю точно.

Народ начал расходиться и Бахыткан-апа погасила все, кроме одной, свечи. Для Гульбахры ночь обещала быть такой же как и десятки ночей до этой, с резко и заунывно воющим ветром, когда сквозь его стон иногда можно было слышать лай Сергека и изредка ржание лошадей. Единственным отличием было то, что это была первая ночь за весь сезон, когда Гульбахра не пришла к Джумабаю под его дырявый чапан.

Утром выпал снег. Речушка, текущая с ледника, почти полностью покрылась коркой льда и когда Айша пришла с большой алюминиевой канистрой за водой ей пришлось ломать лед, чтобы зачерпнуть воды. Идя обратно она обратила внимание, что что то не так на том пяточке, где они с Гульбахрой свеживали мясо. Рассмотрев поближе, Айша в ужасе бросила канистру с водой и с воплями понеслась к юртам. Выскочившие на крики Айши Карабек с Джумабаем, бежали ей навстречу на ходу заряжая ружья. Гульбахра тоже слышала крик Айши. Слышал его и Ганс Рогге, также выскочивший из юрты и посеменивший в сторону пяточка.

В тот момент, когда Ганс приблизился к пяточку, Джумабай, ругаясь вперемешку по-киргизски и по-русски ворвался в мазанку, где была Гульбахра и наотмашь ударил ее по лицу. Гульбахра упала. Схватив ее за волосы Джумабай стал отвешивать ей пощечины.

Увиденное Гансом Рогге заставило его вырвать – рядом с просоленными волчьими шкурами была растянута шкура щенка овчарки, привезенного Джумабаем пару дней назад. Эмоции Ганса по поводу увиденного мало отличались от эмоций Айши и Карабека. Но Гульбахре теперь было все равно что думает по поводу увиденного Ганс Рогге, Айша, Карабек или даже сам Джумабай. Накануне Гульбахра четко поняла, что ей очень не хотелось пережить то, что она пережила год назад и она просто сделала все, чтобы этого избежать. Она неумело пыталась уклониться от ударов взбешенного Джумабая. С уходом припадка первой ярости, Джумабай гневно спросил Гульбахру:

- Может ты чтонибудь хочешь объяснить?

Гульбахра молчала, хотя у ней было объяснение. Она была согласна провести еще много сезонов в Тянь Шанских горах, согласна терпеть неопределенность в отношениях с Джумабаем, согласна молчать ночами под дырявым чапаном; не согласна она была лишь с одним - с присутствием имени Джиргала в ее, Гульбахры, жизни.

Тропою Манаса

Посвящается Данияру

Граница

Внизу что-то зашуршало, как будто по полу неторопливо перекатывали что-то очень легкое. Я посмотрел под ноги. Не до конца еще оперившийся куренок важно шагал скрытый неуклюжими конструкциями проходной. Иногда он терся о то, что можно было бы принять за стену и редко, но серьезно токал. Его можно было бы считать упитанным, что нельзя было сказать о грязном рыжем коте, мирно спавшем чуть поодаль. Куренок подошел к коту, и видимо обнюхал его, хотя я и не уверен, есть ли у кур обоняние. Кот не шевелился. Куренок стал по хозяйски озираться вокруг.

Громкий хлопок заставил меня отвлечься от наблюдений за местной фауной. Пограничник от души поставил штамп в моем паспорте, но прежде чем отдать его мне, бросил на меня долгий и недобрый взгляд. «У них работа такая», подумал я, как бы оправдывая его, хотя от взгляда было не совсем по себе. За мной, в очереди к окошку бурчал народ, шурша документами и внушительными баулами. Не желая задерживать весь этот по виду торговый люд, я сгреб в охапку мои бумаги и, поблагодарив пограничника, двинул вперед. Впереди было государство, в котором я не бывал вот уже более десятилетия. Пройдя несколько шагов вперед я оглянулся, чтобы еще раз посмотреть на проходную. Кот по-прежнему безмятежно спал. Куренок же важно шагал в противоположную от меня сторону. Теперь его и меня разделяла государственная граница между Казахстаном и Киргизией. Спящий же кот видимо пребывал на нейтральной полосе.

Курдайский перевал, сквозь который можно было лихо промчатся на машине безо всяких остановок во времена моего детства напоминал теперь замысловатый гибрид между гигантской автомобильной пробкой, залом ожидания в какомнибудь Курском железнодорожном вокзале в Москве, пяточком-барахолкой, где торгуют всякую мелочь и помещением УВД с большим количеством людей в форме, но не в милицеской, а в пограничной. Отрезок дороги и мостик через пограничную реку Чу это две линии фортификаций и сложный механизм взаимодействия между страждущими пересечь границу и охраняющим ее персоналом. Граница эта очень непохожа на ту привычную, что разделяет Британскую Колумбию и штат Вашингтон. Неважно в какую сторону ты едешь – оформлять документы придется в погранпунктах обеих стран, Казахстана и Кыргызстана. Кроме машин, медленно ползущих в длинной очереди к заветному шлагбауму, по дороге бредет вереница пешеходов, почти все нагруженные сумками и разноцветными китайскими баулами. Тут же шатается и порою горланит крупный и мелкий рогатый скот. Пыль, яркое сентябрьское солнце и давно забытые запахи создают чувство легкого опьянения, особенно после почти суток без сна в пути.

- Да уж, вижу, что граница на замке, - говорю я Улану.

- Сам ты на замке, - лениво отвечает он, - все можно решить, было бы желание.

Я не спорю.

Мимо нашей машины, пытящей в очереди, устало бредет коричневая корова. Чуть подальше бульдозер, поднимая клубы пыли, ровняет землю для пристройки к зданию, которое визуально является чем то вроде киргизской погранзаставы. Казахский пограничник в новеньком камуфляже просит спички у проходящего мимо дедушки в длинном синем чапане. «Жок, балам», отвечает дедушка, едва замедлив шаг. Пограничник тут же повторяет просьбу обращаясь к идущей следом высокой блондинистой женщине в давно вышедшей из моды турецкой кофте. Та протягивает ему зажигалку и пограничник с удовольствием закуривает. Радио в машине настроено на «Европу Плюс».

- Дай водички, - прошу я Улана.

Тот протягивает мне бутылку. «Back to the future»⁴, думаю я про себя, делая глоток. Наличие границы и большое количество иномарок в очереди это все то, что отличает текущий антураж от того, что был типичным для этих мест десятилетие назад.

Скорее ненужный, чем несчастный

Я поправил колпак, сползавший от тряски на нос.

- Долго еще?

- Нет, уже недалеко.

Вдоль дороги то и дело попадались спонтанные торговые точки с дынями и яблоками аккуратно выложенными в рядки для хорошего обзора проезжающих. Рядом с ними стояли аляповато одетые продавщицы. Было не по осеннему жарко. «Хорошо бы дыню купить», подумал я и дернулся от того, что машина въехала в очередной ухаб. Колпак опять съехал на нос. Целью поездки однако была отнюдь не дыня.

Впереди дорога разветвлялась. Слева стояла новенькая мечеть с ярко- серебристым куполом, справа же был большой рекламный щит с портретом президента Кыргызстана на фоне жизнерадостного горного ландшафта. Пейзаж был очевидно весенним – горы были нежно зелеными, а вокруг президента пестрели яркие цветы. Строгий официальный костюм и галстук выглядели несколько не к месту, но в принципе представления о правильных сочетаниях (как я уже давно понял, живя среди эмигрантов со всего света) могут быть крайне полярными. Рядом с

⁴ «Back to the future» (англ.) - «Назад в будущее» - известный голливудский блокбастер об увлекательных путешествиях во времени.

главой государства была изображена девочка лет десяти. «Дети – наше будущее!» гласил незамысловатый слоган.

- Тут вот его и убили, - сказал мне байке⁵, ведущий машину и показал в сторону мечети.

- Кого? - опешил я.

- Ну кого, Рысбека.

- Кто это?

Байке неодобрительно посмотрел на меня в зеркало заднего обзора. Я почувствовал себя неловко, как школьник у доски не могущий вспомнить почему же все таки Герасим утопил Муму. Байке же уже не раздраженно добавил:

- Ну, вообще говоря, неизвестно был ли это он. Поговаривают, что мог быть двойник.

Я промолчал. Очевидно, что прошедшее десятилетие было богатым на события самого разного характера.

Мы заправились на бензоколонке с безошибочно узнаваемым логотипом главного локомотива российского бизнеса.

- В Канаде бензин почем? – спрашивает байке.

- По разному. Цена колеблется постоянно. Последний раз была доллар тридцать где-то.

- У, *атан!* – восклицает он даже не интересуясь курсом канадского доллара к киргизскому сомму и шумно хлопает дверью.

Я снял куртку и кинул ее на заднее сидение. Безумные бишкекские пробки остались позади и мы ехали почти не тормозя. Урбанистический пейзаж городской окраины с его бесчисленным количеством торговых предприятий и грязно-серых панельных «коробок» сменился родным дощелением в сердце ладшафтом, известным миру (точнее, той его части, что когда-то этим интересовалась) по картинам Чуйкова и прозе Айтматова. Горы подступали к дороге все ближе и ближе и через полчаса езды она превратилась узкую ложбинку, серпантинном вьющуюся по величавым громадам северного Тянь-Шаня. Именно в ложбинку ибо дорогой в этом месте ее уже назвать было нельзя.

- Смотри горы какие. Давно их не видел? У вас там горы есть?

- Да, есть. Но не такие высокие конечно.

- Конечно не такие! Настоящие горы только в Кыргызстане.

- А на Памире, что не настоящие? – поддел я разошедшегося байке.

⁵ Байке – форма уважительного обращения к старшему по возрасту мужчине в Кыргызстане

Он взял паузу. Пришлось затормозить из-за того, что большая отара баранов беспечно брела по проезжей части по ходу нашего движения. Самое неприятное когда въезжаешь в хвост отары, поскольку бараны не разбегаются, уступая дорогу, как было бы если они шли навстречу, а наоборот - стараются сгрудиться в кучу прямо по центру. По горному свежий воздух сотрясало блеяние паникующих животных. Байке вполне отчетливо выругался по киргизски. Через несколько нервных минут ему удалось прорваться сквозь почти однородную грязно желтую массу бараньих тел.

- Ну, на Памире тоже киргизы живут, - продолжил он прерванный бараньей пробкой диалог.

Мне вспомнилось как пару лет назад я смотрел документальный фильм о скитаниях по миру одного из киргизских племен, выходцев с Памира. Хан Рахманкул (настоящий был хан между прочим) увел своих соплеменников из неприветливых объятий советской власти в долгие скитания по миру - сначала в Китай, потом в Пакистан, а потом в Турцию. В Турцию эти памирские киргизы попали по приглашению турецкого правительства, хотя у них был еще один вариант - обосноваться на Аляске, куда их тоже приглашали. Соображения этнической и лингвистической близости побудили Рахманкула предпочесть турецкий вариант, и теперь все они в буквальном смысле турецко-подданные. Расселили их в восточной провинции Ван, обезлюдившей после кровавых событий 1915 года. Живут себе киргизы в почти полном одиночестве, пытаются разводить яков (плохо получается – климат далеко не памирский) и даже наверное не подозревают, что до них тут была многовековая армянская цивилизация, срубленная под корень младотуркским мракобесием.

Мы едва не съехали в глубокий арык, бежавший параллельно дороге. Мой колпак слетел с головы и я случайно наступил на него при встряске. Грязное серое пятно размазалось по белоснежному войлоку. Трасса стала совсем не похожа на собственно дорогу в привычном понимании этого слова. Асфальтовое покрытие напоминало исполинскую ленту неровно размотанной наждачной бумаги в обрамлении выжженной на солнце травы. Выбоины и трещины становились все более устрашающими с каждым километром, иногда полностью вытесняя собой цельную поперечность. Байке уверенно между ними лавировал, поругиваясь порою, но было видно, что дело это для него вполне привычное. Древнюю, как гумбез Манаса, «копейку» кидало на выбоинах словно вагончик на американских горках. Неужели шляющиеся стадами по асфальту бараны могут так сильно его искорезить? «Ралли», подумал я смотря по сторонам, «Натуральный Париж-Дакар». В реальности же началом и концом нашего путешествия были Бишкек и Иссык Ата.

Постепенно, почти прямо пропорционально ухудшению качества дороги, на пути перестали встречаться населенные пункты. Ландшафт вокруг становился все более диким и казалось, что в изобилии встречающиеся там и сям лошади это дикие мустанги, никогда не знавшие седла. Впрочем, встречались не только лошади, но и коровы с баранами. Если бы не потрескавшийся асфальт и четкое понимание того, что эти бараны и коровы не могут быть дикими, все окружающее можно было принять за своего рода киргизский Серенгети со своими стадами копытных и многочисленными снежноголовыми Килиманджаро, величаво возвышающимися куда ни кинь взгляд. Байке был прав – с горами в Киргизии полный порядок. Вокруг Ванкувера да и

вообще в Британской Колумбии гор тоже много, но они не такие высокие и воспринимаются совершенно иначе, поскольку почти полностью скрыты под покрывалом густого хвойного леса. Тут же они были сами по себе, без какого либо камуфляжа, если не считать давно выгоревшей под летним зноем травы и нечастых скоплений валунов. Глядя на них вспоминаются такие пышные геофизические термины как тектонические разломы и литосферные плиты. Даже тряска в машине не мешала появлению сложных чувств при виде этого уголка Тянь-Шаня. Смесь благоговения с подавленностью, так наверное их можно описать. А может быть просто давно не бывал в этих местах, только и всего.

Одолев очередной перевал, мы стали съезжать по крутому серпантину в небольшую долинку в центре которой приветливо зеленели тополи. Тополь самое типичное для Киргизии дерево. Не такое экзотическое как карагач, не имеющее такой экономической ценности как яблоня или абрикос, не такое легендарное как орех. Но зато самое распространенное и наверное наиболее неприхотливое. В любом аиле или городке обязательно будут высокие тополи, даже если вокруг почти что марсианский пейзаж. Оазис тополей и удивительно красивая горная речка это то, что бросается в глаза в первую очередь на подъезде к Иссык Ате.

- Камни для бани только из этой реки надо брать, - важно говорит мне байке, видимо заметив, что я с интересом гляжу в сторону речки.

У меня нет сомнений, что камней на дне бурного потока хоть отбавляй. Их, правда, не видно из-за того, что вода постоянно пениться, делая поток ослепительно белым.

- Почему? – спрашиваю я.

- Камень для парилки гладкий должен быть. А тут такой поток – вода камень шлифует, они потом почти что отполированные. Так то.

Я понимаю, что никогда не обращал внимания на форму и гладкость камней в бане, что странно, поскольку смотреть в парилке кроме как на эти камни в общем больше не на что – обнаженные мужские тела и веники не в счет. Отшлифованные водой, которая, как известно, камень точит, за многие десятки тысяч лет, камни со дна речки Иссык Ата перекачывают в бани и несут радость парильщикам. Быть может в умении этих камней генерировать пар как то особенному кроется некая термодинамическая справедливость – они мерзнут сотни тысяч лет в холоде ледниковой воды, чтобы потом наконец то как следует согреться, создавая заодно комфорт посетителям парилки.

- К нам даже из России за этими камнями приезжают, - добавляет байке, - покупают. Хорошие камни.

Обогнув речку, мы проехали городок и взобрались на пригорок неподалеку. Грубовато сработанный домик, выкрашенный прямо как в Греции в ярко-белый цвет, и ряд грязных кошар неподалеку. Огромный желтый волкодав с черными подпалинами лежащий перед кошарами навостряет уши при нашем появлении. Псы поменьше лают и резво бегают вокруг машины.

- Ну вот, приехали, - удовлетворенно говорит байке.

Мы выходим из машины. Собаки с интересом нас обнюхивают. Желтый волкодав встает и, потянувшись, тоже приближается к нам. Я немного встревожен, но байке абсолютно спокоен. Волкодав приближается, обнюхивает нас и возвращается на свое прежнее место не проронив ни звука. Еще по детству я помню, что, чем больше собака в горах, тем более она молчалива. Дует довольно свежий горный ветер. Я поеживаюсь. Шерсть молчаливого волкодава изящно колышется под дуновением. И чего они такие молчаливые, эти грозно выглядящие киргизские овчарки? Верно экономят энергию для схваток с волками, которые время от времени зарятся на основной компонент благосостояния любого сельского жителя – баранов.

Женщина в пестром платке гонит к кошарам небольшую отару. Заметив нас, она ускоряет шаг. Подойдя почтенно здоровается. Пока байке разговаривает с ней я фотографирую волкодава и закат в горах. Получается неплохо.

- Токтосун сейчас твоего пригонит. Идем чай пить.

Пока мы проходим внутрь дома, я силюсь понять кого же это моего пригонит Токтосун. Греческий мотив неожиданно продолжается потому, что все двери внутри выкрашены в небесно голубой цвет. Это, конечно же, случайность – обычно их красят тоже в белый. Мы проходим и садимся в комнате с типично киргизским убранством вокруг: сундуки с бесконечно высокими стопками пестрых одеял торжественно стоят вдоль стен, на полу расшитые затейливым легко узнаваемым узором ширдаки. Мы садимся на прямо на пол, у достаркана - скатерти на которой разложены лепешки, орехи, абрикосовое варенье в маленьких пиалушках. Женщина приносит кипящий чайник и наливает нам чай в такие же пиалушки. Байке пододвигает ко мне блюдо с орехами. Это грецкие орехи, каких много в Киргизии на юге, там где Арсланбоб, или на западе, там где Сары-Челек. Жестом он дает мне понять, чтобы я попробовал.

- Умнее будешь, - серьезно говорит он, прихлебывая чай.

- Почему? – спрашиваю я, с удовольствием хрустя.

Байке выбирает почти целую половинку ореха и показывает мне.

- Видишь, выглядит как человеческий мозг. Это неспроста. Все кто орехи ест, становится умнее.

Я беру орех у него из рук и внимательно рассматриваю. Он действительно напоминает головной мозг, что рисуют в какой-нибудь *Gray's Anatomy*⁶ или других учебниках. Я вспоминаю, что в самолете читал статью о синдроме Альцгеймера – там упоминалось, что грецкие орехи крайне рекомендуют употреблять в пищу в качестве профилактического средства, поскольку в них много веществ, улучшающих память. Старое киргизское поверье вдруг внезапно перекликнулось с современной медициной. Я уверенно съедаю орех и беру еще.

⁶ *Gray's Anatomy* – классический английский учебник анатомии, выдержавший более 40-ка изданий

В комнату входит другая женщина и что-то говорит байке. Он дает мне понять, что пора идти. Мы выходим из дома. На крыльце стоит небритый парень лет тридцати в замусоленном кафтане. «Токтосун наверное», думаю я. Мы идем в кошару, проходя мимо волкодава, который все так же лениво лежит, обдуваемый ветром. Останавливаемся перед выдавшей виды дверь. Байке о чем то разговаривает с Токтосуну. Чувствуется резкий запах шерсти и навоза.

- Вот тот твой, - говорит мне байке, показывая на отару почти что идентично выглядящих баранов, загнанных в кошару.

- Какой? – переспрашиваю я.

- Ну вон тот же!

Токтосун открывает дверь и мы все входим внутрь. Животные начинают разбегаться. Не понимая что надо делать и почему какой-то из баранов мой, я, как робот, начинаю повторять то, что делают байке и Токтосун. Через мгновение до меня доходит, что мы ловим этого барана. Ловля барана в кошаре – занятие нервное. Спустя несколько минут нужная особь поймана; ей бесцеремненно связывают ноги капроновым жгутом и довольно грубо швыряют в багажник «копейки». Баран как то виновато блеет, но замолкает когда крышку захлопывают. Обратно мы выезжаем уже затемно.

- У вас в Канаде что, баранов нету? – спрашивает байке, лавируя между ямами в асфальте. Очевидно, что вопрос спровоцирован моей неловкостью в ловле животного.

- Почему нету, есть. Нет только курдючных.

- Курдючных нет? Как же так? А чего не разводят?

- Они в Британской Колумбии жить не могут. Вымирают. Кто из Средней Азии мучаются без курдюка. И кто из Ирана тоже.

Байке что-то бурчит себе под нос. Потом добавляет:

- Видишь, ты так давно не был дома, поэтому надо барашка зарезать, бешбармак⁷ приготовить, отпраздновать. А то когда еще приедешь. Сколько лет ты в Бишкеке не бывал?

- Больше десяти.

- За десять лет много изменилось.

Остаток дороги мы молчим. За десять лет в Киргизии была одна настоящая революция, парочка почти настоящих, один страшный городской погром, изрядный процент населения «откочевал» за пределы страны (Россия и, почему-то, Бельгия самые популярные направления), были открыты две военные базы - американская и российская, уникально расположенные всего в сорока километрах друг от друга, нашлось и потом кончилось золото на Кумторе и появилось огромное

⁷ Бешбармак – праздничное киргизское блюдо из баранины, теста и лука

количество мечетей. Произошли также мириады других, менее растиражированных в средствах массовой информации событий, о многих из которых мне еще только предстояло узнать.

Полночи я с братьями и друзьями «пьянствовал водку» в каком то кабаке, оживленно наверстывая упущенное за годы общение. Шел разгар исламского поста рамадан, который в Киргизии называется орозо. Отношение к нему, хотя и без преувеличения уважительное, никак не сказывалось на объемах потребления как пищи так и алкоголя.

Я проспал 14 часов кряду – сказала занявшая почти сутки дорога через половину земного шара. Проснувшись, я вышел во двор и налил из под крана чашку воды, дабы облегчить испепеляющий сушняк от обильных возлияний ночью. Под старой грушей с уже почти полностью пожелтевшими листьями, лежал свернувшись калачиком (если так можно выразиться) привезенный вчера с гор баран. Опущенные уши и кроткие глаза вызвали жалость. Вспомнился борхесовский Яромир Хладик, чувствовавший себя незадолго перед расстрелом «скорее ненужным, чем несчастным». Ненужность и несчастность эмоции близкие, зачастую переплетающиеся или порою сливающиеся в одно целое. Последующие три недели общения с жителями Бишкека сделали очевидным, что частенько чувствуя себя ненужным, почти никто из них не был несчастным. Революции, погромы, отключения света, коррупция, рост цен на все и вся – все это не более, чем нюансы жизни, данность не имеющая ничего общего с ощущением счастья или отсутствием такового. Проблема же ненужности решалась банальной миграцией в Казахстан, Россию или, при удачном раскладе, в Бельгию, Германию или Англию. Откуда у них, киргизстанцев, среди которых прошло мое детство и юность, столько ментальной упругости, не переставал я спрашивать себя. *Tough Cookie*, так бы называли их в Канаде.

Баран повернул голову и безучастно посмотрел в мою сторону. Вечером его должны были резать.

Реликт

- Аллаху акбар! Аллаху акбар! Бисмилла иль рахим иль рахман!

Голос сельского молдо был многократно усилен мощными динамиками. Я приоткрыл глаза и поежился от утренней свежести, сменившей тепло от стены у которой я лежал. Стена примыкала к уже остывшей печи, которую мы топили пол-ночи дровами. Было неудобно – сон на полу требовал если не тренировки, то некоторого привыкания. Молдо продолжал с энтузиазмом вещать на всю округу вперемешку на киргизском и арабском. Едва светало. «Сюрреализм какой-то», подумал я в надежде вновь провалиться в сон. Последний раз, когда я ночевал в этом доме, народ в округе был по советски глубоко атеистичным, а мечетей не было в принципе. Но теперь все было иначе. С независимостью в Киргизию пришла (кроме всего остального) зачастую неискренняя, но почти повсеместная религиозность. Наступал первый день после рамадана, мусульманский праздник Орозо Байрам, и поэтому призыв молдо к правоверным был значительно длинее, чем обычно.

Похоже голос служителя культа разбудил только меня – все остальные мирно сопели лежа тут же рядом на развернутых ширдаках и бараньих шкурах, прикрытые разноцветными стеганными одеялами. В комнате висел бесноватый запах сигарет, водки, свечей и затхлости – в доме никто не жил вот уже несколько лет, бывая лишь наездами. Наконец стало тихо. Я начал было дремать, как тишину вновь разрезал резкий неприятный звук, казавшийся до невозможности знакомым. Через несколько мгновений я понял, что где то совсем недалеко истерично завопил ишак. «Бисмилла», непроизвольно сказал про себя уже я сам, вспомнив старое поверье, что если орет ишак, то где то рядом обязательно находится джинн, причем неясно добрый или злой.

Я вышел во двор. Влажный горный воздух почти пьянил, хотя повод чувствовать себя пьяным был значительно менее поэтичным. Елка, посаженная десятилетие назад, вымахала метров на восемь в высоту, яблони почти не изменились, разве что стали чуть более разлапистыми. Больше всего вырос тополь (или что-то тополеподобное), который даже и не сажали, а просто воткнули в землю срубленную ветку лет пятнадцать назад – ствол стал удивительно толстым, а ветки разрослись настолько, что Джакып был вынужден срубить парочку, чтобы проходить рядом не сгинаясь в три погибели.

- Ну как спалось?

Сигарета в зубах и опухшие глаза Джакыпа говорили о том, что вопрос был скорее риторическим. Распитие алкоголя ночью при свечах (в этом Иссык-Кульском селе, как и всей Киргизии, наярнги с электричеством), игра в карты, затяжные разговоры и едва не вылившаяся через край молодецкая удаль с мордобоем плохо гармонировали с полноценным сном.

Это село у восточной оконечности Иссык Куля принято считать вотчиной калмыков, хотя по сути своей это не более чем историческая условность. Калмыки (или калмаки, как их тут называют) практически полностью растворились в океане киргизского этноса, утратив язык и переняв ту ненавязчивую форму ислама, что распространена в Киргизии, взамен своего традиционного буддизма. Принято считать, что калмыки, как и киргизы, посвящают много времени скотоводству, однако здешний стержень, на котором зиждется нехитрая сельская экономика, это фрукты, прежде всего яблоки. Замысловатая конфигурация горных хребтов вокруг обеспечивает отличный климат для их выращивания и к октябрю-ноябрю вся округа завалена тем сортом яблок, что в англоязычном мире называется *Red Delicious*. «Стаканчики», так мы называли их в детстве из-за формы, чем то отдаленно напоминающей граненный стакан. Другая статья фруктового дохода это черная смородина. Карагата (это местное название смородины) бывает так много к концу лета, что продают ее только большими ведрами. Ну и конечно делают варенье, прекрасно скрашивающее чаепития долгими зимними вечерами как тут, так и в Бишкеке.

- Кельгиле, ичкиле!

Соседи позвали нас завтракать. Мы сидим на ширдаках и пьем чай с вареньем и боорсоками. Боорсоки это такая выпечка, распространенная в примерно одинаковой форме по всей Средней Азии. На самом деле их не пекут, а жарят в масле, поэтому они получаются очень жирными, с золотистой хрустящей корочкой. Страшно даже подумать сколько там должно быть холестерина,

но они неотразимо вкусные. Боорсоки, чай и варенье, чаще всего абрикосовое, это стандартный завтрак в иссык-кульских аилах.

- Давно уже в Канаде? – спрашивает Алтынай-эже, подливая мне обжигающе горячего чаю.

- Уже десять лет, - отвечаю я, прихлебывая и стараясь не обжечься, - а как вы сами?

- Старость не радость, - вздыхая отвечает она.

Если бы не молдо с его призывами на утренний намаз и новенькая, построенная на саудовские деньги мечеть, то можно было бы сказать, что жизнь тут замерла в советской стадии образца середины 80-х. Яблоки, боорсоки, сады, разбитые дороги, кизяк, аккуратно сложенный в горки для просушки под солнцем – все было абсолютно также как я видел это тут будучи тинейджером. Для полного совпадения не хватало только бесперебойной, как в советское время, подачи электричества.

Айдар спрашивает Алтынай-эже насколько сложен калмыцкий язык. Ни он, ни я, ни Джакып никогда его не слышали, поскольку говорить на нем перестали задолго до нашего рождения, хотя кое кто из старшего поколения слышал его в детстве и имеет представление о том, как он звучит. Алтынай-эже говорит, что он совсем не похож на киргизский, хотя и переполнен тюркскими заимствованиями. Калмыцкий из Калмыкии, там где правит Кирсан Илюмжинов и все играют в шахматы, отличается от местного примерно также как киргизский от казахского. В свете былинных похождений и подвигов эпического героя киргизов богатыря Манаса это кажется немного странным по одной причине – в том упрощенном изложении эпоса, который каждый из нас листал в детстве, нигде не упоминаются лингвистические трудности взаимодействия киргизов и калмаков.

Манас, который всегда с тобой

Сейчас Иссык-Кульские калмаки малочисленны и миролюбивы. Если верить эпосу «Манас» все было совсем не так в те далекие времена, когда киргизы кочевали от Алтая до Памира, мир был населен драконами и саблезубыми чудищами тайбасами, а кудесникам-аярам ничего не стоило превратить целую орду воинов в заросли камыша. В ту седую старину киргизы и калмаки пребывали в жестком антагонизме друг к другу, что постоянно сопровождалось вооруженными конфликтами. В эпосе Манас и его соратники постоянно ведут боевые действия, причем в основном против калмаков. Калмаки платят им той же монетой. В целом Манас успешен как полководец и на какое то, весьма непродолжительное надо полагать, время Киргизия оказывается огромной супердержавой, раскинувшейся от Кавказа до Пекина. Манас и киргизы вынуждены общаться с большим количеством народностей, говорящих на уйме разных языков, но вот чудеса – переводчики никому не нужны. Возможно в тогдaшнем мире существовала какая то *лингва франка*, подобная латыни средневековой Европы или английскому сегодняшних реалий, но эпос об этом умалчивает. Но возможно логичнее, если можно так выразиться, все списать на

мифическую исключительность Манаса и его соплеменников. В эпосе каждого народа главные герои наделены сверхчеловеческими способностями. «Манас» как эпос отличается от других похожих произведений по сути только одним – своим гигантским объемом. Если верить оценкам специалистов, то «Илиада» с «Одиссеей» вместе взятые меньше «Манаса» в 20(!) раз.

«Манас» по глубине метафор в одном ряду со скандинавскими сагами, но в нем куда больше волшебства и чудес. Причем современные, с позволения сказать, технологии, типа огнестрельного оружия, зачастую соседствуют с магией как бы между прочим, совсем не противореча самой концепции чуда как такового. Но не технологии, ни чары Манасу в конечном итоге нипочем. Как бы не колдовали его соперники и какие бы полчища не выставляли против его воинства, он всегда выходит победителем. Впрочем, это удел эпических героев любого народа.

Мы едем по разбитой сельской дороге в сторону Каракола, ближайшего городка, в советское время называвшегося Пржевальском в честь русского исследователя Азии Николая Михайловича Пржевальского. В честь него также названа лошадь и горный хребет. Все открытое Пржевальским куда то пропадает со временем, оставляя лишь едва заметные следы: знаменитое озеро Лобнор в Синцзянь-Уйгурском округе Китая уменьшилось в несколько раз, лошадь Пржевальского практически исчезла как вид благодаря разного рода антропогенным факторам, и даже сам город на Иссык Куле, Пржевальск, где знаменитый географ похоронен, переименован в Каракол. В этих местах много истории и не только эпической со времен Манаса. Помнится ребята с исторического факультета в университете где я учился, ездили в экспедиции в Пржевальск собирать ритуалы и обычаи российских старообрядцев, удивительным образом закинутых волею судьбы на восток Киргизии в стародавние времена. Тут же, в районе Тюпа, был обнаружен и раскопан средневековый армянский монастырь, где, если верить некоторым данным, хранились мощи Святого Матфея. Когда Олжас Сулейменов назвал Среднюю Азию перекрестком цивилизаций, он наверное имел ввиду эти края.

Айдар тормозит, чтобы пропустить косяк гнедых лошадей, резво перебегающих через дорогу. За закрытыми стеклами немолодого Мерседеса дробь копыт по разбитому асфальту едва слышна. Мерседес (а вовсе даже не Фольксваген, пардон за каламбур) это самая «народная» машина в Киргизии – такого количества Мерседесов я не видел нигде, хотя могу предположить что их может быть больше где нибудь в Баварии (там где их делают) или в Охотном Ряду в Москве. Мерседесы в Бишкеке крайне разношерстны - на иной не взглянуть без слезы, смотря на другие становится страшновато от мыслей сколько они стоят и кто сидит за тонированными стеклами. Автомобильный ландшафт Ванкувера крайне непохож в этом смысле на бишкекский. Но обилие Мерседесов, мягко говоря, слабо отражает социальную стратификацию граждан Кыргызстана; неработающие светофоры на центральных проспектах Бишкека отражают ее куда адекватнее.

- А «Манаса» в Канаде читают? – спрашивает меня Айдар, безразлично глядя на лошадей.

Я вспоминаю, что единственный раз в Канаде, когда я вступал с кем либо в диалог о Манасе был, как это ни странно, на армянском хаше. Хаш необычная кавказкая традиция, аналога которой нет в Средней Азии – мужчины собираются рано утром (чем раньше, тем лучше) и вкушают говяжий

отвар с большим количеством водки. Как то раз речь зашла о мифологии разных стран и оказалось, что друзья эмигранты из Армении знают о Манасе, называя его киргизским Давидом Сасунским. Давид Сасунский герой сродни Манасу, только воевал он не с калмаками и китайцами, а с арабами. Почитается он с таким же благоговением и даже памятник ему в центре Еревана похож на бишкекский монумент Манасу, тот что водружен перед городской филармонией Бишкека.

- Нет, не читают. Нет перевода на английский. – отвечаю я.

Строго говоря, может быть он и есть, но на *Amazon.com*, самом большом книжном магазине в мире, поиск по ключевому слову «Манас» выдает лишь один результат, имеющий отношение к теме – некий труд бывшего главы государства Аскара Акаева, свергнутого в результате так называемой «революции тюльпанов». Но труд этот посвящен Манасу опосредовано, имея главную тему государственность Кыргызстана как таковую. Отсутствие перевода «Манаса» на английский становится немного понятнее в контексте феноменального объема этого произведения. Какой издательской компании захочется связываться с колоссальными работами по переводу, да еще и с такого экзотического языка, как киргизский? В условиях развитого капитализма, где чтению как таковому уделяется все меньше времени, Манасу, Давиду Сасунскому и прочим героям старины места почти не осталось. Исключение составляет лишь Беовульф, да и то потому, что будучи древнегерманским эпическим героем он был переведен на английский задолго до того, как капитализм стал развитым.

Интересно, что флагман российской книготорговли, вебсайт *Ozon.com*, имеет лишь одну ссылку на Манаса, хотя и уместную. Советский писатель Семен Израилевич Липкин еще в 1947 году написал прозаическое изложение эпоса под названием «Манас Великодушный». Увы, книга эта не переиздавалась и продается лишь как антиквариатный раритет того же, 1947 года издания.

Мы кружим по Караколу в надежде найти пункт обмена валюты, который бы уже открылся. Но открыты только продуктовые магазины и ларьки, торгующие всякой мелочью типа зажигалок и «Сникерса». Зажигалка вещь в Киргизии весьма нужная. Во-первых, надо зажигать свечи, когда ночью нет электричества. Во-вторых курят практически все. Пару лет назад я читал в одном британском журнале статью о рынке сигарет, в которой утверждалось, что у «Филипп Морриса» и ему подобных корпоративных грандов осталось лишь два растущих рынка – Россия и Китай. Первые сутки в Бишкеке убедили меня в том, что автор забыл включить в этот список Кыргызстан. Мало того, что курят все – курить при этом можно везде. В это отношении Кыргызстан на противоположном полюсе со штатом Вашингтон, где курение едва ли не приравнено к преступлению. Как то раз я заблудился в Редмонде в лабиринте необъятного кампуса Майкрософт и остановился спросить, как выехать на хайвей у двух, по виду, пареньков-программистов, стыдливо дымящих почти у самой дороги. Прежде чем они успели мне ответить, из близлежащего здания выскочила разгневанная особа с видом мелкого администратора и резко указала парням на то, что они находятся недостаточно далеко от здания, чтобы курить. Ребята виновато сделали еще шаг-другой в сторону дороги. Суровые законы этого штата предписывают курильщикам отходить на приличную дистанцию от ближайшего помещения, то ли на 15 то ли на 20 футов и

только там отдаваться своей вредной привычке. В Бишкеке же курить можно внутри практически любого помещения. Все это с охотой делают и похоже это вообще никак не регулируется никаким законодательством. Не будучи курильщиком, я постоянно подкашливал в первые несколько дней (пока, видимо, не привык) из-за того, что везде приходилось вдыхать дым сигарет. Был это в основном любимый Пелевиным «Парламент» - это ему принадлежит наблюдение, что история парламентаризма в России увенчивается тем простым фактом, что слово «парламентаризм» может понадобиться разве что для рекламы сигарет «Парламент». В Кыргызстане парламент называется Жогорку Кенеш, однако сигареты не адаптированы под местный рынок и продаются именно как «Парламент». Стоят они дешево и дистрибуция у них почти стопроцентная. Что касается истории парламентаризма в Кыргызстане, то она непохожа на аналоги в России или других странах. Люди знающие поговаривают, что во времена хана Ормона киргизы жили почти что при демократии и парламент играл весомую роль в той форме государственности (гибрида феодализма с демократией), что была на тот момент. Какова же роль парламента на нынешнем этапе истории Кыргызстана вопрос, волнующий жителей Кыргызстана куда меньше, чем лавинообразный рост цен на растительное масло или веерные, как их называют, отключения. Для большинства кыргызстанцев парламент как государственная структура (а не сигареты) и его необходимость обществу понятия такие же далекие и эфемерные как жизнь на Марсе.

Айдар идет к ближайшему ларьку купить сигарет.

- Зажигалку возьми, - бросает ему вдогонку Джакып.

Через несколько минут Айдар возвращается с пачкой «Парламента» и ярко-оранжевой зажигалкой.

- Гляди какая, - показывает он мне ее, - с фонариком.

Эта китайская зажигалка действительно сконструирована так, что в ней умещается крошечный фонарик, прямо как у того комарика, что спасал Муху-Цокотуху. Безвестные индустриалисты Поднебесной (местного производства зажигалок в Киргизии нет) мгновенно среагировали на конъюнктуру рынка, истерзанного энергетическим кризисом, и теперь каждый киргизский курильщик готов встретить неожиданную тьму во всеоружии. Но самое удивительное в этой зажигалке даже не ее рыночная востребованность, а ее цена – стоит зажигалка буквально копейки. Жутковато представить кем и в каких условиях производятся эти зажигалки, которые, достигая розницы в другой стране, пройдя через несколько оптовых рук, сохраняют способность продаваться, что называется, «на полу». Цена такой зажигалки в Кыргызстане как свидетельство (пусть даже косвенное) нарушения прав человека в Китае куда более красноречивое, чем любой гневный пресс-релиз американского госдепа.

Мы выезжаем из Каракола на трассу, чтобы поехать по северному берегу Иссык-Куля до Чолпон-Аты. Начинает накрапывать мелкий дождик, однако из машины видно, что в живописных горах с правой стороны, там, где густой ельник и красные скалы царапают серые громады облаков, ненастье куда более суровое. С левой стороны видна бескрайняя гладь Иссык Куля, который, за его величину, называют киргизском морем. В солнечную погоду поверхность озера ярко-голубая,

но сейчас она серая. Голубизна обусловлена тем, что озеро это соленое (из-за этого оно даже не замерзает зимой – отсюда и название Иссык-Куль, «горячее озеро»). Океан около Ванкувера не бывает таким синим даже в яркие солнечные дни. Британская Колумбия лежит на севере и хоть климат в районе Ванкувера мягкий, вода недостаточно солена, чтобы быть такой лазурной как в Иссык-Куле. Согласно эпосу, Манас убедил предводителей киргизских племен переселиться с Алтая на Тянь-Шань, что называется, на ПМЖ в том числе и из-за красоты этого горного озера. Вряд ли у кого есть сомнения в том, что Манас принимал это решение в летние солнечные дни когда здешние места особенно хороши.

Айдар с Джакыпом оживленно дискутируют. Обсуждаются машины, Мерседесы, Тойоты, Субару. Айдар знает толк в машинах. Ему без разницы что водить и куда, он в состоянии разобраться в потрохах любого «железного коня». Бывают люди у которых это в крови. Айдар один из них. В далекой поездке по горной дороге чувствуешь себя спокойнее, когда он за рулем. Я не вмешиваюсь в разговор, потому что машины не моя стихия.

- Ты пойми, - эмоционально объясняет Айдар, лавируя на резких изгибах довольно узкой дороги, - ты мощнее мотор ему не сделаешь, если чтонибудь не ухудшишь в другом месте. Он же весь соткан из компромиссов. Где то добавишь – сразу же в другом месте убудет.

Мы проезжаем какой то аил. Легко узнается мечеть с ярко серебристым куполом. Все мечети в Киргизии будто бы клонированы с одного слепка, никакого разнообразия. Выглядят они добротно, но скучно. Совсем не так, как те яркие самаркандские и бухарские сооружения, которые было принято связывать с исламским зодчеством во времена моего детства. Очевидно, что архитектурная оригинальность не самое главное в современных культовых постройках Кыргызстана. Около мечети много мужчин в видимо праздничной одежде, колпаках, тубетейках и тех белых шапочках, что носят студенты медресе. Орозо Байрам приближался к апогею.

- Вот и жизнь вся такая, - неожиданно добавляет Айдар, смотря на скопление празднующих у мечети.

- Какая? – переспрашиваю я.

- Соткана из компромиссов. – бесстрастно отвечает он.

Некоторое время мы едем молча, пока не проезжаем аил с соцреалистическим названием Фрунзе.

- Ну вот и Бишкек, - шутит Айдар.

Я ловлю себя на мысли, что слышал эту шутку много лет назад, когда проезжал тут ребенком. Бишкек тогда назывался Фрунзе, в честь легендарного полководца Красной Армии по стечению судьбоносных обстоятельств родившегося в Киргизии. Та же вывеска, на том же месте. То же название. И почему только пароксизмы национального самосознания, огнем и мечом прошедшие по советской топонимике страны, пощадили это небольшое селение на северном берегу озера?

Айдар с Джакыпом вновь спорят. Предмет дискуссии на этот раз экономические различия стран – обломков Советского Союза. Различия эти весьма ощутимы для любого кыргызстанца, бывавшего хотя бы в Алматы. В Казахстане так много нефти, что это сказывается на всем, даже казино в Бишкеке ориентированы в первую очередь на казахстанских клиентов. Другие страны используют свое выгодное географическое положение и близость к водным транспортным артериям, как, например, Литва. Кыргызстан же расположен вдали от морей, в едва ли не в самом сердце Евразии и ресурсов у него совсем не так много как хотелось бы, а те что есть используются, по мнению многих, не совсем так, как следовало бы. Например, в советское время тут была мощная гидроэнергетика и Кыргызстан снабжал электроэнергией чуть ли не всю Среднюю Азию. Теперь же все иначе, электричества не хватает самим.

- Зато у литовцев нет такого эпоса как «Манас», - говорит Айдар.

Разговор сползает с экономики непонятно куда. Но это правда, у литовцев нет такого монументального памятника литературы. Наверное он им и не нужен – такие фигуры в Литве, как, например, князь Витаутас, создавший империю в 14 веке от Прибалтики до Причерноморья грандиозны не менее Манаса, но в отличие от последнего реально существовавшие.

Но как бы кто не относился к «Манасу», для любого киргиза это больше, чем просто эпос, чем просто памятник литературы, пусть даже абсолютно необъятный. «Манас» это как хемингуевский праздник, который всегда с тобой, только в данном случае выполняющий роль не развлечения, а ментального лекарства – когда у тебя нет за душой ни копейки, жизнь катится к чертовой бабушке, цены на продукты растут, а электричества по прежнему нет, «Манас» никуда не девается и по прежнему остается предметом обоснованной гордости.

Розеттский камень

Каждый проезжаемый аил с новой силой заставлял вспоминать старую комедию «День Сурка» - празднования Орозо Байрама были похожи друг на друга так же сильно как и многочисленные биллборды с портретами президента Кыргызстана. Прихожане мечетей чинно стояли у дороги или важно прохаживались вдоль нее в характерных головных уборах. Женщин среди них я не замечал. Гендерная дифференциация в мусульманских странах имеет место быть, хотя в Киргизии она бросается в глаза не так сильно. Там где ислам, за отсутствием другого термина, более фундаментален, женщины куда более ограничены в правах. В Саудовской Аравии они не имеют права водить машину, в Иране – учиться в мединститутах. К Советскому периоду в Средней Азии принято относится в лучшем случае со скепсисом, но вряд ли ктонибудь станет оспаривать, что гендерный дисбаланс в те времена был сведен к минимуму и возможности у прекрасного пола были примерно такие же как и у сильного. Хорошо это было или не очень зависит от того кого спрашивать, но и сейчас (по инерции или нет – неважно) женщины в Кыргызстане учатся в мединституте и водят автомобили.

Мы тормозим у обочины трассы в том месте, где берег озера подходит почти вплотную к дороге. По песку идем к воде. Тропинка виляет мимо непролазных зарослей облепихи. В детстве меня всегда удивляло, как ее собирают – заросли этой ягоды ужасно колючие и густые как стена. Считалось, что облепиховое масло обладает некими особыми целебными свойствами. Мне же нравилась свежая ягода и, конечно же, варенье.

Песок у берега почти идеальный. Он не белый как обычно изображено на курортных открытках, а красноватый, но такой же мелкий и приятный на ощупь. Я снимаю кроссовки и шагаю по песку прямо в прибой. Вода уже холодная, все таки октябрь, но кристально прозрачная. Чувствуется, что мы в высокогорье – ослепительно белые облака классических форм висят удивительно низко над водной гладью. Пейзаж на миллион долларов, как сказал бы мой знакомый канадский риэлтор. Его, впрочем, слегка портила грубо намалеванное черной краской объявление на заборе неподалеку о сдаче комнат - переплетение природы, ласкавшей глаз Манаса, и рыночного капитализма в типичной для Кыргызстана форме. Песок на пляже, особенно такой идеальный как Иссык Кульский, это вещь весьма ценная и не везде имеющаяся в наличии. Помнится был я как то раз в Гастингсе, курортном городке на юге Англии, где все пляжи это сплошная галька. Люди знающие говорят на Британских островах практически нет песчаных пляжей. На Кипре за песком тщательно ухаживают, дабы поддерживать его в надлежащем состоянии – каждый вечер, когда на пляже уже почти никого нет, целая бригада пропахивала песок, собирая мусор и выравнивая его там, где это это необходимо. То же самое я видел в Мексике. Наверное это же делают теперь и тут. Туризм самая большая индустрия в мире по объему возвращающихся в ней средств. Многие страны, не имея минеральных или других ресурсов, живут почти исключительно за счет него. Тот же Кипр, например. Если у Кыргызстана есть светлое экономическое будущее, то оно почти наверняка связано с туризмом. И с Иссык Кулем как с его, без сомнения, фокальной точкой. Шлепая босиком по песку это понимаешь особенно отчетливо.

Айдар вновь рулит по серпантину узкой дороги. Поедая купленный в Караколе йогурт, я думаю о глобализации, которая вполне очевидна – абсолютно такой же йогурт продается в стандартных grosери супермаркетах в Канаде. Мысли о глобализации впрочем не мешают мне прислушиваться к очередному витку дорожной дискуссии.

- Ну вот и казахи скоро введут! – эмоционально бросает Джакып, закуривая сигарету.

- Да не введут они, вот увидишь, - парирует Айдар, - не нужны им лишние головняки. Тем более, что на русском там почти все говорят.

Тема разговора – алфавит. В киргизском языке используется кириллица, в казахском – тоже. Но вот в соседнем Узбекистане несколько лет назад волевым административным решением был осуществлен перевод всей страны с кириллицы на латиницу. Это создало мириады, если не проблем, то уж точно неудобств практически в каждой сфере жизни. Теперь ходили слухи, что это же может произойти в Казахстане и даже в Киргизии.

- А зачем вообще в Узбекистане перешли на латиницу? – спрашиваю я.

- Никто толком не знает, - отвечает Айдар, - вот Ататюрк перевел Турцию с арабского алфавита на латиницу и наверное поэтому в Ташкенте решили тоже перевести.

- Так ведь это давно было!

- Давно в Турции. А в Узбекистане недавно.

Я пытаюсь предположить чем же была продиктована необходимость такого шага в Узбекистане. Кроме исключительно политических мотивов ничего внятного в голову не приходит. Работая с двумя языками, русским и английским, я, как носитель, не вижу принципиальной разницы между этими алфавитными системами; они разные по написанию, но одинаковые по сути. Другое дело иероглифы Китая или Японии. Или вообще любые иероглифы, даже древнеегипетские. Иероглифы значительно уступают в удобстве изучения и использования алфавитным системам, где любое слово строится из небольшого (33 в русском, 26 в английском) количества символов. Может быть поэтому в тех странах, где иероглифы исторически играют доминирующую роль, идет постепенный процесс их «алфавитизации». Идет он неторопливо, оба варианта действуют параллельно. По свидетельству друзей в Узбекистане оба алфавита тоже употребляются де-факто, хотя официально кириллица запрещена к использованию.

В некотором смысле узбекская письменность многострадальна. Давным давно, до революции, использовалась арабская вязь, типа как сейчас в Иране. Потом, ненадолго, она была заменена латиницей. После этого все годы Советской власти доминировала кириллица. И лишь недавно латиница опять вернулась. Графическая история других языков отмечена завидным постоянством. Изобретением Месропа Маштоца, например, армяне пользуются безо всяких революционных реформ с 405 года нашей эры. Киргизская письменность, взявшая за основу кириллицу (правда, по историческим меркам совсем недавно), тоже до сих пор избегала разного рода потрясений. Но вот теперь ходили слухи, что это может случиться.

- Не случится. - уверенно говорит Айдар, - В Казахстане не случится потому что там уже слишком хорошо, чтобы дергаться по этому поводу. А у нас не случится потому что проблем посерьезнее навалом.

- А если все таки случится?

- Ну случится – и ладно. Никакой разницы не будет, разве что на несколько лет, пока не привыкнут, «Вечерний Бишкек» на киргизском перестанут читать. Все равно весь бизнес останется на русском и на английском, как сейчас. Только вот с щитовой рекламой неразбериха будет наверное. Да ладно, главное, чтобы на иероглифы не перевели.

- А если переведут на иероглифы? Ну вдруг переведут? – взволнованно спрашивает Джакып, - ты ведь знаешь, у нас все что угодно может быть.

- Отвали, - раздраженно говорит Айдар.

Я, доев йогурт, изучаю текст на упаковке. Он весь на русском, за исключением пары слов на английском.

- Если будут иероглифы, - вдруг весело добавляет Айдар, - будем искать этот камень, как его... Где все в трех экземплярах...

- Розеттский, - помогаю я.

- Угу, - удовлетворенно ухмыляется Айдар.

Меня приятно изумляет образованность Айдара.

Парадоксально, но в Канаде Розеттский камень ассоциируется больше с фирмой-производителем компьютерных программ для изучения иностранных языков, а не с иероглифами. Еще более парадоксально, что на сайте этой фирмы упоминание о Розеттском камне очень краткое и поверхностное. А между тем этот камень сыграл принципиальную роль в дешифровке египетских иероглифов французским лингвистом Жаном Франсуа Шампольоном. Этот камень, черная гранитная глыба весом в 750 килограм, замечателен тем, что один и тот же текст выбит на нем в трех вариантах – древнеегипетскими иероглифами, так называемым египетским демотическим письмом и на древнегреческом алфавите. Это дало возможность провести сравнительный анализ всех трех текстов и разгадать тайну египетской письменности. Я видел эту плиту давным давно в Британском Музее в Лондоне. Ее вид вызывает благоговение в хорошем смысле этого слова, хотя становится жутковато когда задумываешься о том, сколько лет назад (письмена на камне датированы 196 годом до нашей эры) неизвестные жрецы работали молотками и зубилами, дабы увековечить свое почтение к очередному монарху.

Сейчас, впрочем, понятие Розеттский камень используется как своего рода идиома. Ну вот например, если бы руководству Кыргызстана удалось решить проблему энергетики, пойдя дорогой Арнольда Шварцнеггера (как калифорнийского губернатора, разумеется, а не «Терминатора»), то вполне можно было бы рассчитывать на заголовки в местных масс-медиа, типа «Визит правительственной делегации в долину Напа стал Розеттским камнем в вопросе решения энергетических задач страны». Увы, Розеттский камень местной энергетики все еще не найден, но желание его найти есть пожалуй у всех.

Мы перекусили лагманом в каком то придорожном шалмане в Чолпон-Ате - сердце туристической индустрии Кыргызстана. По слухам, в сезон на улицах этого симпатичного курортного городка некуда упасть яблоку от обилия отдыхающих, особенно из Казахстана. Сейчас же город был почти полностью обезлюдившим и густо понатыканые рекламные щиты на центральной «авеню» казались сиротливо излишними.

Сразу за Чолпон-Атой, не доезжая Долинки, моему взору предстал удивительный объект архитектуры, сильно отличавшийся от сельских мечетей. Это был своего рода монумент, очевидно, что с религиозным подтекстом, однако прямая функция этого сооружения была не совсем ясна. Белый мрамор, затейливые зеленые башенки по бокам, золотой мусульманский

полумесяц на куполе, и статуи львов, сидящих словно Церберы, перед входом – все говорило о том, что инвестиции в проект были весьма серьезными. Монумент гордо возвышался над окрестностью. Место было выбрано тоже не просто так – не увидеть его проезжая по трассе было невозможно. Еще более невозможным оказалось проигнорировать желание посмотреть на него вблизи. Мы остановились у обочины и, перейдя дорогу, приблизились к сооружению.

Перед монументом, там где львы грозно скалили каменные клыки, вертикально стояли две массивные визуально гранитные плиты с аккуратно высеченным текстом. Шрифт текста был затейлив и сразу было понятно, что стилизован он таким образом, чтобы создать у читателя ощущения средневековья - времен Манаса. Алфавит был кириллическим и представлял из себя довольно длинное стихотворение на киргизском языке о некоем Рысбеке.

- О ком это? – спрашиваю я Айдара.

- О Рысбеке. Это он эту конструкцию поставил.

- Кто это?

Айдар недоуменно посмотрел на меня. Дежа-вю, такой взгляд я уже ловил, когда ехал в Иссык Ату за бараном. Я вспомнил мечеть на окраине города и слова байке о том, чем она знаменита. Продолжение расспросов перестало казаться нужным. Гранитная плита со стихотворением была своего рода Розеттским камнем к пониманию реалий современного Кыргызстана.

Римас

Он слабо изменился за те четыре года, что я его не видел – та же романтическая щетина, вихры жестких волос, шkodная улыбка, размашистая уверенная поступь. Хитринка в прищуре глаз. Та же, иногда озадачивающая, манера говорить то в шутку, то всерьез.

Мы сидим в уютном уйгурском кабачке и я наблюдаю за ним как он изучает меню. Сейчас хитринки нет, Римас предельно внимателен и сосредоточен. Это у него было всегда – неважно судьбоносное или пустяковое решение надо принять, он подойдет к вопросу со всей серьезностью. Решение принято, Римас заказывает лагман, манты и зеленый чай. Хитринка вновь возвращается в прищуренные уголки глаз. Я непроизвольно улыбаюсь.

У Римаса средней руки гешефт, туристическая фирма. Мы обсуждаем туристическую индустрию в целом.

- Самый быстрорастущий сегмент в Британской Колумбии это *whale watching*, - говорю я, вспомнив виденную краем глаза статью, - это когда на лодках плывешь туда, где тусуются киты и наблюдаешь за ними, фотки делаешь.

- Только киты? – спрашивает он.

- Нет, не только. Касатки тоже. И дельфины.

Принесший чай паренек обращается к Римасу по-уйгурски. Такое бывает нередко. Римас, будучи генетическим сплавом киргизских и прибалтийских кровей, частенько принимается за своего в самых разных диаспорах. Он отвечает ему по киргизски, паренек вежливо кивает и уже переходит на русский. Вавилонское смешение языков в Бишкеке не менее драматично, чем в Ванкувере.

Жизнь в Кыргызстане делает народ жестким. Тут нет канадской учтивости, все делается быстро и конкретно и если ты не успел, то тебя отпихнули. Это не имеет ничего общего с грубостью, это та среда в которой приходится существовать. Римас по сути своего рода квинтэссенция способности не только выживать, но и находить место под этим непростым солнцем. Он всегда был таким, но сейчас казалось, что способность эта даже усилилась вопреки (а может и благодаря) пребыванию всех сфер жизни Кыргызстана на зыбкой грани между относительным порядком и революционно-экономическим хаосом. Думая о Римасе я неизбежно вспоминаю о великих литовских князьях, подчинивших себе Восточную Европу и сумевших процветать в непростых условиях жесткого антагонизма с Золотой Ордой и Тевтонским Орденом. Нет сомнений в том, что генетически ему что-то перепало от их упрямства и жажды к жизни.

- Хочу Тракай повидать когданибудь, - говорю я Римасу.

- Поехали, - легко отвечает он, - посмотрим караимские домики в три окошка.

- А Гальве такое же красивое как на открытках?

- Ну ничего. Не такое как Иссык-Куль конечно. Ну лебеди там есть еще.

- А что, увиденный утром призрак князя Витаутаса правда приносит удачу?

- Говорят...

В Тракае, по рассказам Римаса, до сих пор живут караимы, татары, приведенные сюда князем Витаутасом из Крыма и Причерноморья и составившие его личную гвардию. Фасад их домов обязательно включает в себя три симметричных окна – одно богу, одно князю Витаутасу и одно себе. Караимов мало, также мало как и иссык-кульских калмаков, если не меньше, однако в литературном наследии Литвы они играют настолько же центральную роль, насколько калмаки в «Манасе».

Паренек приносит горячий лагман и лепешки. Я рву на части одну из них и случайно переворачиваю другую. Римас, ничего не говоря, аккуратно берет перевернутую лепешку и кладет ее лицевой стороной вверх. Лепешки нельзя класть лицевой стороной вниз, точно также как на столе не должна стоять пустая бутылка из под алкоголя. Мне становится неудобно – все я забыл за десятилетие, проведенное за океаном. Хорошо, что рядом Римас, а не ктонибудь другой.

Мы болтаем о всякой всячине, вспоминаем детство, Лос Анджелес, где мы как-то раз встречались, времена романтического капитализма. Лагман очень вкусный, гёрё-лагман, где много мяса и мало

соуса. Римас привел меня сюда, зная мою слабость к уйгурской кухне. Ванкувер едва ли не самый космополитичный город на планете, где можно найти кушанья практически любых стран и народов. Но только уйгурских рестораников, вот таких вот, небольших, уютных, без излишей помпы, а главное с настоящим уйгурским лагманом, там нет. Я порядочно добавил в весе за все время проведенное в Бишкеке из-за того, что ел лагман как одержимый – в Бишкеке, в Караколе, в Чолпон-Ате и даже в Боомском ущелье. Гастрономическая ностальгия – жесткая разновидность депрессии. В этом случае, настоящий уйгурский лагман, такой, где лапшу вручную вытягивают и скатывают змейкой в глубоких чанах, овощи жарят в казане на раскаленном масле вместе с бараниной, и подают с острой чесночной лазой – отличный антидепрессант.

- Кушай, кушай - заботливо говорит Римас, глядя на мой аппетит.

Он заказывает мне еще одну кесушку лагмана, я ее с удовольствием осиливаю, но когда приносят манты места уже нет.

- Надо, надо, - приговаривает Римас, аккуратно кладя мне в тарелку две дымящиеся мантышки и подливая чаю.

Я смотрю на пар, струящийся из моей тарелки и ощущаю тепло как в прямом, так и в переносном смысле. Мне тепло оттого, что я отлично поел блюда, по которому скучал десять лет. Мне тепло оттого, что за одним столом со мной Римас. Тепло от зеленого чая. Тепло от римасовского немногословия.

Мантышка затейливо слеплена чьими то умелыми пальцами. На мгновение ее становится жалко. Любой акт вкушения пищи это беспощадное уничтожение чьих то творческих усилий. Самое удивительное, что сам творец этому только рад и сделать его счастливым может только тотальное разрушение всего, что им создано. Это особенно справедливо, когда творец – женщина.

- Скажи, ну почему в Кыргызстане так много едят? – шутя спрашиваю я.

- Отсюда все проблемы, - отвечает он. Уголки его глаз вновь вспыхивают хитрецей.

- Так уж и все?

- А ты думаешь почему электричество отключают? Потому что ни у кого нет времени заняться вопросом – все время проводится в трапезах.

Мы смеемся и пьем чай.

Мы едем в аэропорт. Почему то всегда складывается так, что в аэропорт меня везет Римас. Куда бы я не летел – в Россию, Англию или Голландию. Где бы аэропорт не находился – в Бишкеке, Алматы или Лос-Анджелесе. В этот раз я вылетаю из Алматы. Сейчас раннее утро и улицы города все еще не парализованы эпическими алматинскими пробками. Мы проезжаем сверкающие неонами центральные проспекты, выглядящие совершенно типично для среднестатистического

западного города – дилершипы, офисные здания, супермаркеты. Такого не увидишь в Бишкеке – бурный поток нефтедолларов иссякает задолго до погранпункта на реке Чу.

Я покупаю местных газет, чтобы листать в самолете. Почему то уже продаются забавные открытки с сердечками, хотя до Дня Святого Валентина еще очень далеко. Римас ведет меня к международному терминалу.

- Смотри, - говорит он, показывая куда то наверх, - Нурсултан Абишевич тебе машет в дорогу.

Я смотрю куда он показывает и вижу гигантский портрет казахстанского президента, изображенного на фоне карты государства. Мне не весело. Римас говорит мне что-то по киргизски и тут же переводит на русский: «неважно где – главное, чтобы живой и здоровый». Я его обнимаю, прохожу вглубь зала и встаю в очередь к амбразуре проверки билетов. Римас не уходит. Он стоит у входа и помахивает мне. Когда моя очередь подходит, я протягиваю документы проверяющему байке и вновь оглядываюсь. Римас по прежнему стоит у входа и машет. Я вспоминаю смешные открытки с сердечками, продающиеся в зале ожидания и думаю со странной меланхолией, что сердце Римаса, как караимский дом в три окошка, одно из которых всегда открыто для близких людей.

Я вздрагиваю: байке громко шлепает штамп в моем паспорте и внимательно смотрит на меня с каменным выражением лица.

Часть вторая - Записки Кочевника

Je me souviens: квебекские эскизы

Было душно. Тусклые фонари скупно и немного зловеще освещали покрытую неровной брусчаткой горбатую улочку, все круче берущую вверх. Дождь кончился, но влажность была такая, что казалось он продолжает идти в виде невидимого и противно теплого водяного пара. Где-то далеко грохотала музыка. На улице было пустынно, только изредка слышалась негромкая французская речь.

- Где мы? – спросил ребенок.

- На улице Святой Женевьевы, - ответил я, поглядев на едва заметную вывеску.

- А Святого Жозефа прошли уже, так получается?

- Да, скоро до улицы Святого Жана будет рукой подать.

«Здесь вам не равнина, здесь климат иной» - ландшафт, климат и лингвистическая атмосфера тут так резко контрастировали с нашей Британской Колумбией, что с большим трудом верилось, что мы до сих пор в Канаде. Вот уже несколько часов как мы были в Квебек Сити - красивом и древнем (по североамериканским меркам) городе, оплоте французского консерватизма (особенно в языке) и с совершенно ошеломляющей святостью в названиях улиц.

Въезд в Канаду во стороны Вермонта мало чем отличается от аналогичных пропускных пунктов со стороны штата Вашингтон – такая же форма пограничников, такие же упоминания о том, что бал теперь на дорогах правит метрическая система мер и такие же знаки и информационные таблички на двух языках английском и французском. Понимание того, что эта часть Канады совсем не похожа на почти что тотально англоязычный запад начинается тогда, когда хайвей начинает пестреть названиями городов и деревень. Французское наследие тут повсюду, и даже прилежащий американский штат носит французское название – Вермонт это «Зеленая Гора» на французском. Кроме этого, имена всех мыслимых и немыслимых святых прочно увековечены в квебекской топонимике. Городки носящие названия такие как Святой Аполинар, Святой Бернар или Святая Мария вполне себе заурядное явление. Кто знает, возможно такая плотность святости в названиях делает жития святых ближе к пастве. Бывает порою и так, что святой упоминается вместе с географическим местом, имеющим конкретное значение именно для него, например Святой Шарль из Драммонда и тогда название не влезает на вывеску в одну строчку. Английский лаконизм сменяется романской пышностью, разлаписто занимающую две строки, на быстрой скорости создавая у водителей иллюзию, что городков два, а не один. Бывают конечно же названия и без святости, а иногда и совсем близкие к жизни (как, например, город Асбестос, где расположен самый большой в мире рудник по добыче этого печально известного материала). Но очевидно, что суровые вояджеры и торговцы мехами при основании городов и сел в Новой Франции полагались на покровительство святых куда больше, чем английские колонисты к югу.

Подобная же картина повторяется когда въезжаешь в Квебек Сити, улицы которого пестрят святостью не меньше, чем рождественская елка праздничными огнями. Святые в этом, пропитанном историей как пахлава медом городе в очевидном почете, чего нельзя сказать про язык англосаксов. Английский язык, победоносно шагающий по планете, тут куцо жметя в лингвистическом углу, и относится к нему квебекуа в большинстве своем как к нелюбимой теще, которую надо терпеть ради худого мира в семье.

Однако самое мощное крещендо по части святости это не города, деревни или улицы, а необъятных размеров река, пересекающая Квебек Сити на две неровные части, сыгравшая столь важную роль в истории Квебека, да и Канады вообще. Река Святого Лаврентия столь широка на этом участке своего русла, что ее легко можно принять за въевшуюся далеко в тело континента океанскую губу. Гигантские круизные суда запросто шастают по этой реке, швартуясь у крепостных стен старого города, помнящих запах английского пороха и славу британского оружия.

Английский

На улице Святой Женеви́евы тьма была кромешная. Фонари становились все более редкими, а уклон в горку все нарастал. Мы молчаливо топали к ближайшему просвету, приветливо мерцавшему на перпендикулярной улице где-то вдалеке. У очередного темного перекрестка я остановился перевести дыхание и заодно посмотреть где мы. Обернувшись назад я увидел, что Квебек Сити куда больше, чем казалось. Город утопал в огнях с этой возвышенности так далеко как только можно было видеть. «Огни поди тоже святые. Может Святого Эльма?» , лениво и бессмысленно подумал я. Вывеска на перекрестке заставила почувствовать себя мушкетером – мы были готовы пересечь улицу Ришелье.

- Я могу чем-нибудь помочь?

Двое молоденьких парнишек, сделав по французски ударение на последний слог в этой стандартной английской фразе, вопросительно смотрели на меня. Лица с романтической щетиной и острыми носами еще раз заставили вспомнить бессмертные произведения Александра Дюма. «Студенты наверное», мелькнуло в голове.

- Да, конечно. Как нам пройти на улицу Святого Жана, туда где начинается крепостная стена?

- Очень просто. Держитесь по курсу вон к тем огням. Или можете просто идти за нами.

Парни, шлепая сланцами, потопали дальше.

- Папа, я хочу кушать, - сказал ребенок.

- Сейчас малыш, что-нибудь найдем. Видишь какие хорошие ребята, дорогу нам показали. Потерпи.

Мы продолжили восхождение.

Через несколько минут вы вынырнули на ярко освещенную улицу, чуть более широкую, с большим количеством идущего по ней народа. Людей было так много, что казалось невероятным, что на Святой Женеви́еве, не считая нас, пешеходов не было вообще. Обе стороны улицы были сплошь усеяны бутиками и забегаловками. Автотранспорта почти не было и народ бодро шагал по и по проезжей части . Старая церковь и кладбище при ней делали непохожей эту очевидно туристическую магистраль на аналоги где-нибудь в Ванкувере. Улица Святого Жана наконец-то предстала перед нами во всей своей красе.

Пошел по летнему теплый дождь. Я накинул капюшон на голову ребенка и стал высматривать открыта ли все еще какая нибудь забегаловка, где можно купить бутерброд-другой. Дело шло к полуночи и почти все либо закрывалось, либо уже было закрыто. Минут через пять ходьбы я увидел все еще открытый джойнт, где делали питу с донейром. Запахи больше характерные для восточного Средиземноморья нежели для сердца Новой Франции приятно щекотали нос. Подойдя в прилавку я спросил у хозяина есть ли у них все еще баранина. Он оценивающе оглядел меня и сказал как бы между прочим, но решительно и на английском:

- Я не говорю по английски.

Я был совершенно не готов к такому повороту и пока я соображал как себя повести, хозяин весело подмигнул девушке стоящей рядом с нами. Мне стало неприятно.

- Пойдем малыш, - сказал я по русски ребенку, - у дяденьки нет для нас еды.

Мы вышли на улицу и увидели гастроном напротив. Взяв багет, сыра и пастрами мы устало подошли к кассе. Девушка на кассе встретила нас приветливой улыбкой:

- *Бонсуар!*

- *Бонсуар*, - ответил я, безошибочно поняв сказанное мне на языке, которого не знаю.

«Ну вот, прокатил в магазине за француза», подумалось мне пока мы опять шагали по Святой Женевьеве к нашему отелю.

За получасовой интервал я столкнулся с двумя сторонами квебекской медали. С одной стороны было искреннее желание помочь заплутавшим туристам; с другой агрессивный лингвистический барьер, совершенно непонятно зачем воздвигнутый хозяином забегаловки прямо в центре самой туристической улицы Квебек Сити. Кроме этого стало очевидным, что моя скифская внешность азиатского номада вовсе даже не мешает франкофонам принимать меня за человека, которому французский не чужой. *Се ля ви!*

Мои друзья, родившиеся и выросшие в англоязычной Канаде, мне время от времени рассказывали о странностях, с которыми можно столкнуться в Квебеке. Искусственно культивируемый лингвистический изоляционизм одна из таких странностей. Но есть, странностью считают ее люди, кому английский приходится родным; сами же квебекуа рассматривают этот забавный аспект провинциальной языковой политики в совершенно другом ключе. Смотрят они на это сквозь историческую призму, которая, как увеличительное стекло, фокусирует почти все что можно на одном фундаментальном факте, крайне неприятном для франкоязычных канадцев. Заключается он в том, что в 1759 году Новая Франция попала под полную зависимость от Британской Империи, проиграв эпохальное сражение, известное как Битва на Абрахамовых Равнинах. Факт этот повлек за собой бесчисленные следствия, в том числе острую лингвистическую чувствительность квебекских франкофонов и девиз провинции "*Je me souviens*", что переводе означает «Я помню». Возможно это первая французская фраза, которую учат посещающие Квебек туристы, не имевшие отношения к чему либо французскому до этого – на всех номерах автомобилей в этой провинции слова эти выгравированы так, что их невозможно не заметить.

Взаимоотношения Англии и Франции исторически представляют из себя почти что сплошной вооруженный конфликт за исключением, может быть, последней сотни лет. С тех пор как войска Вильгельма Завоевателя (известного также как Вильгельм Бастард) в далеком 1066 году сокрушили силы англосаксов в битве при Гастингсе мир между этими двумя государствами напоминает своей редкостью нечастые проблески солнца в однообразном дожде ванкуверской

осени. Почти всегда в этих конфликтах победившей стороной выходила Англия, за исключением той самой битвы при Гастингсе, но, строго говоря, Вильгельм и его воинство были далеко не французами, а суровыми скандинавскими викингами, сумевшие за сто лет до эпохальной экспедиции через Ла-Манш отобрать у короля Франции целую провинцию, чье название до сих пор отражает ее варяжское прошлое – Нормандия.

С открытием Нового Света конфликты стали активно охватывать и колониальные владения. В Америке Франция, имея очень много – не считая Квебека это были полуостров Новая Шотландия и тогда гигантская Луизиана – в результате потеряла все, уступив все свои владения Британской Империи и США. Причем Луизиана была продана подобно тому, как Россия продала Аляску. Все эти события, судя по всему, оставили такой неизгладимый след в коллективном бессознательном квебеку, что в 1977 году это привело к созданию любопытного законодательного акта, известного как «Билл 101», который фактически законсервировал французский язык в этой части Северной Америки.

Много лет назад, когда я только приехал в Канаду, я первое время работал в одном фаст-фуде пока брал курсы в колледже. Мыл посуду, стоял за кассой, в общем ничего замысловатого. У одной моей коллеги, такой же иммигрантки как и я, только с Филиппин, как-то появился ухажер. Звали его Жан Франсуа и был он из Квебека. Однажды я с ним общался. После десяти минут диалога я перестал верить в то, что он родом из Канады, поскольку мой, что называется, broken English был гораздо лучше его английского. Но потом пришла филиппинка и подтвердила, что он действительно из Канады, просто он вырос в одном из тех небольших городков, замечательных тем, что кроме святости в названии английский язык там был такой же экзотикой, как, скажем, суахили в Урюпинске. Однако самое интересное было другое. Причина по которой Жан Франсуа приехал в Ванкувер была именно в том, что он страстно хотел выучить английский. И поэтому он уехал из Квебека как можно более далеко, на самый край света, туда, где дальше только необъятный Тихий Океан. Филиппинка, конечно же, думала, что приехал он в Ванкувер ради нее, в чем ее разубеждать, разумеется, никто не собирался. Впрочем Жан Франсуа в этом смысле убил двух зайцев – и английский стал учить как следует, и невесту нашел. Насколько продуктивно было их общение трудно сказать, поскольку Жан Франсуа не говорил на тагалог, а филиппинка – на французском. Но возможно скудному английскому в их отношениях благоприятствовал фактор иногда характеризуемый как International Language of Love.

Другая моя знакомая, Оливия, родом из Монреаля, блестяще владеет как английским, так и французским. Она постарше и школу заканчивала до 1977 года, когда был принят это самый билл 101.

- Тогда была доступной отличная система в школе. Год на французском, следующий на английском, потом опять на французском. И так вся школа. К выпускному вечеру все говорили как на родном и на английском и на французском. Эту систему упразднили после 1977. И поэтому я уехала в Британскую Колумбию после этого.

Оливия весьма преуспевающий менеджер в одной из канадских компаний, производящую изделия из пластика. Бывает, что ее родной французский (при том, что корни у нее ирландские) приходится весьма кстати, когда надо общаться с клиентами из того же Квебек Сити.

- И когда я сказала тогда своему боссу, что собираюсь покинуть Монреаль, потому что хочу, чтобы мои дети знали английский, он ответил, что он уезжать не собирается. Причем умнейший был человек! Я поинтересовалась тогда готов ли он к тому, что после средней школы его дети смогут работать только в Квебеке. И знаешь что он мне ответил? У меня челюсть отпала! Он мне сказал, что «Квебек – он достаточно большой».

Билл 101, в числе прочего, жестко регулирует лингвистические правила начального и среднего образования в государственных школах (частные школы – это другой вопрос). В класс с английским преподаванием ребенок может пойти только в том случае, если один из родителей заканчивал школу с английским преподаванием в Канаде. Если в других странах – не пойдет. Поэтому львиная часть учеников учится на французском, изучая английский лишь как иностранный язык, что в контексте лингвистических реалий Северной Америки выглядит своего рода парадоксом.

Еще одно уникальное порождение этого билла – создание так называемой языковой инспекции, в народе именуемой языковой полицией. Сотрудники этой организации следят за тем, чтобы французский оставался доминирующим языком в Квебеке. Для этого существует масса правил и регламентов, касающихся, в том числе, масс медиа и наружной рекламы. Борьбаться инспекторам приходится в основном с агрессией языка английского, но бывает, что под раздачу попадают и другие языки, иногда практически родственные французскому.

Незадолго до нашего визита в Квебек в Канаде обсуждались яркие проявления ретивости этой службы. Например, эпизод когда от языковой полиции в Монреале пострадал итальянский ресторан. Оказалось, что инспекторам не понравилось, что в меню ресторана фигурировало слово «паста» (pasta, что является собирательным названием для разного рода макароноподобных изделий). Хозяин заведения получил письменное уведомление исправить итальянское слово на французский эквивалент, иначе ему грозил штраф. Нелепость ситуации заключалась еще и в том, что слово «паста» на этом континенте уже давно вошло в английский и понимается безошибочно практически везде, от Ванкувера до Нью Йорка. Хозяин выложил информацию об этом требовании в одну из социальных сетей, чем спровоцировал шквал эмоций. После этого стали всплывать еще более загадочные претензии языковых инспекторов к квебекским бизнесам. К примеру, в одной пивной они потребовали удалить слово Redial на телефонной трубке и надписи On/Off на соответствующих кнопках микроволновки. Но самый пикантный эпизод случился с визитом одного из инспекторов в квебекский секс-шоп, где он обнаружил некое изделие с инструкцией к употреблению и описанием на упаковке только на английском. Забив в набат, он уведомил менеджера магазина, чтобы тот обеспечил полный перевод инструкции и упаковки на французский. Тот сказал, что они готовы сделать стикер на французском и наклеить его на изделие, но делать детальный перевод всего экономически бессмысленно, потому что изделие продается довольно редко. Каждый гнул свою линию и в конце концов дело дошло аж до

Верховного Суда, в котором владелец секс-шопа проиграл и был вынужден выплатить штраф в 500 долларов.

Пребывание в Квебек Сити убедило меня в одном – ребенка надо посылать в классы French immersion совершенно безотлагательно, благо дело они вполне себе доступны в общеобразовательных школах в Британской Колумбии.

- Я тебе точно говорю, - сказал я сыну утром следующего дня за чашкой чая и круассаном в квебекском кафе, - в следующий раз в Квебек мы приедем только если ты сможешь поддержать беседу по французски.

- А он трудный, французский язык?

- А я знаю? Ты же будешь учить! Я думаю не труднее русского, правда, спеллинг, говорят, зубодробительный.

- Папа, купи мне тогда *абрикотер*, - сказал мне ребенок, показывая на плюшку в витрине этого кафе.

Я вытащил кошелек и дал ему десятку.

- Иди купи. И маме что-нибудь возьми.

- *Мерси боку*, - вдруг отчетливо сказал мне сын и убежал на кассу.

«Ну вот, процесс пошел», тщеславно подумал я, отпивая свой горячий чай и разглядывая «француженок», звонко цокающих каблукками по мокрой брусчатке старого города в это свежее утро.

Бастион

Меня с детства завораживали сооружения средневековой архитектуры, с которыми я был знаком практически исключительно по фотографиям и иллюстрациям в книгах и по тем бутафорским декорациям в исторических драмах, что бывало крутили в совковых кинотеатрах. В Кыргызстане ввиду ряда социокультурных причин (главная из которых – исторический номадизм населения) памятников средневековой архитектуры нет, за исключением башни Бурана, сиротливо торчащей среди однообразной безлесой равнины.

Позже, когда появились возможности посещать те уголки планеты, где в Средневековье народ уже не так активно кочевал и посвящал больше времени архитектурному зодчеству, я смог воочию соприкоснуться с разного рода готическими соборами и оборонными сооружениями. Но если культовые здания вроде церквей и соборов были по большей части в неплохом состоянии, то вот замки и крепости почти всегда представляли из себя изрядно потрепанные временем руины. И поэтому когда утром следующего дня после лингвистических приключений мы пришли на ту же

улицу Святого Жана и увидели прекрасно сохранившийся крепостной вал с башнями и бойницами для стрельбы, я понял, что в этой части Квебек Сити я смогу ментально окунуться в славное прошлое Новой Франции по настоящему.

Люди знающие утверждают, что форт Квебек Сити – единственный в Северной Америке сохранившийся в практически первозданном виде каменный бастион. Если это так, то сохранился он и вправду великолепно, никаких разрушений от английских или индейских атак на нем нет в принципе. Хотя вполне возможно, что поддерживают его в таком безупречном состоянии преднамеренно. Оно и понятно – старинный бастион с его кривыми мощеными улочками внутри, что горбатятся при подходах к реке Святого Лаврентия просто колоссальный центр гравитации для туристов, валом валящих в Квебек Сити летом. Туристов бывает так много, что за крепостной стеной по вечерам запрещено движение автотранспорта.

Вдоль улочек внутри бастиона находится множество ресторанчиков и бутиков, торгующих всякий туристический скарб, включая даже джерси и майки давно ушедшей в историю квебекской хоккейной команды Quebec Nordiques (Квебек Нордикс). Факт этот прекрасно укладывается в квебекский девиз "*Je me souviens*"⁸ как еще один серьезный повод поностальгировать по временам былого величия. Одно из старых крепостного вида зданий конвертировано в гостиницу, носящую имя губернатора Новой Франции из далекого 17 века Луи Фронтенака. Гостиница эта так и называется – Шато Фронтенак и по слухам является самой фотографируемой гостиницей в мире (как это, интересно, проверяли?). Гостиница может похвастать списком именитых постояльцев среди которых были как Уинстон Черчилль, так и Франклин Рузвельт. В напыщенно помпезном вестибюле можно увидеть портреты маслом разного рода политических и религиозных (что иногда одно и тоже) деятелей Квебека со времен самого Фронтенака. Гостиница большая и интересная со всех точек зрения, но сама постройка довольно старая и впечатление некоторой затхлости все же остается после прогулок по ее бесконечным коридорам. Но затхлость затхлости рознь – та, что в Шато Фронтенак лишь подчеркивает ту богатую историческую атмосферу, что окутывает квебекский бастион словно осенний туман залив Баррард в Ванкувере.

Если идти от этого шато к реке, можно выйти к крепостному валу, ошестинившемуся пушками эпохи Фронтенака. Пушки эти грозно зияют жерлами в сторону реки; аккуратные кучки ядер лежат неподалеку подчеркивая серьезность укрепления. В далеком 1690 году англичане как-то раз попытались взять Квебек. Экспедиционный корпус на кораблях поднялся по реке Святого Лаврентия к стенам города и Фронтенаку был предложен ультиматум о сдаче города. Ответ губернатора английскому парламентарии вошел в анналы квебекской истории: «У меня нет другого ответа вашему генералу кроме как из жерл моих орудий!» по французски витиевато, но решительно прокомментировал Фронтенак предложение о капитуляции. В последовавшем сражении французы одержали победу и англичане вынуждены были отступить к себе, в Новую Англию, бросив артиллерию. Фронтенак отстаивал независимость Новой Франции на следующие 69 лет, пока на арену не вышел знаменитый английский полководец Джеймс Вулф. Орудия хранят славу французской победы, и при этом используются совсем не по назначению многочисленными

⁸ "*Je me souviens*" – «Я помню» по французски, официальный девиз Квебека

посетителями бастиона (что возможно к лучшему) – стволы этих пушек густо усыпаны написанными сообщениями из куда более современной эпохи. Разглядывая их, я вспомнил строчки Высоцкого из песенки про Париж. Квебек Сити он конечно не Париж, а стволы орудий не общественные туалеты, но размашистую надпись, нацарапанную на черном металле по-русски «Женя был тут» не увидеть было невозможно.

Крепостная стена, башни и все остальные архитектурные элементы бастиона которым я даже не знаю названия сохранились в исключительно хорошем состоянии. Возможно квебекское правительство регулярно обновляет и ремонтирует всю эту каменную линию укреплений (на деньги остальной Канады, язвительно добавили бы мои некоторые англоязычные друзья). Если это так, то мотивы его вполне понятны (туристические доллары) и надо признать, что работу по этой части они делают просто великолепную. Прогуляться по стене, посмотреть на виды, открывающиеся с нее на реку и, с позволения сказать, «подол» где расположены деловой центр города и монументальное здание квебекского парламента, одно удовольствие. Все очень чисто, иногда, конечно же, попадется пара пустых пивных банок, но так сезон отпусков ведь. Влюбленные парочки романтично шляющиеся по стенам или сидящие на травке (которая тоже в отличном состоянии) у башен тоже не редкость. Последнее наводит на мысли о том, как серьезно трансформировалось предназначение бастиона из чисто милитаристского объекта в романтический променад.

В эти дни в Квебек Сити проходил какой-то музыкальный фестиваль и травяные скаты, прилегающие к крепостной стене с внутренней стороны, использовались как своего рода амфитеатр для зрителей во время многочисленных перформансов исполнителей самых разных жанров. Одно из таких музыкальных представлений мне особенно запомнилось. Некая труппа, захватившая на фестиваль аж из самой Франции, показала загадочное шоу, охарактеризованное в програмке как «огненный перформанс, бросающий вызов гравитации». Группа мужчин, одетых с головы до пят в черное, как монахи-доминиканцы, действительно несколько таинственным образом передвигались по арене, как будто бы скользя на электромагнитной подушке, а не вышагивая конечностями как простые смертные. С ними была веселая седовласая бабулька, передвигавшаяся таким же образом. Но если у мужчин в руках были разные музыкальные инструменты, какие-то лютни, трубы и барабаны, то бабулька лихо вращала двумя шлангами, из которых, как из автогена, время от времени со зловецим шипением выскакивали языки пламени. У мужчин из-за спин торчали металлические трубки, возвышающиеся над макушкой на добрый метр. Маневрируя по арене в самых разных конфигурациях, мужчины пели аккомпанируя себе на инструментах. Бабулькина роль не была до конца понятной. Она была то ли дирижером, то ли надсмотрщиком, сгонявшим иногда расползавшихся мужиков ближе к центру арены. И вдруг бабулька врубила автоген на полную мощь и стала зажигать эти самые торчащие трубки над головами у мужчин. Через минуту-другую вызов гравитации музыканты эти стали бросать действительно огненный – у каждого над головой полыхал слегка коптящий черным факел. Мистические песнопения этой труппы были одновременно схожи по характеру с церковными и с композициями одно время популярной «Энигмы». Пели они видимо по французски, но поскольку французского я не знаю, то иногда мне казалось, что так должно быть звучит латынь (которой я

тоже не знаю). Их бесшумные скользящие перемещения по сцене с полыхающим над головами пламенем вкупе с мистической музыкой и вокалом создавали атмосферу полнейшего сюрреализма. И в этот теплый летний вечер, зрителям, густо усыпавшим травяной амфитеатр у крепостной стены, сюрреализм этот был весьма по душе – труппа сорвала шквал аплодисментов. Должен признаться, что среди рукоплещущих был и я – где бы еще я приобщился к такому вот бесплатному высокопрофессиональному сюрреализму кроме как тут, в Квебек Сити на летнем фестивале под открытым небом? Культура в массы в этой старой крепости неслась мощным селевым потоком и я был рад оказаться им поглощенным, пусть даже без знания языка Гюго и Мопассана.

Летом в Квебеке совсем неплохо – тепло и солнечно, но не жарко. Единственная сложность – высокая влажность. Возможно это вопрос привычки. У нас на западном побережье влажности практически нет, хотя Ванкувер расположен прямо на берегу океана. Предыдущие уголки планеты, где я жил до того как стал «белой акации – цветком эмиграции», тоже были обделены влажностью: ни в Средней Азии, ни в азиатской части России соприкоснуться с этим климатическим явлением не приходилось. Тут же выходя на улицу надо было быть готовым к тому, что минут через десять все тело покрывалось противной липкой испариной, причем вне зависимости от времени суток. Пережить это было можно, но привыкнуть к этому как-то не удалось. И похоже я был единственный, кто вообще обращал на это внимание – всем остальным влажность была глубоко без разницы.

Но это летом. А зимой, если верить киберпространству и очевидцам, Квебек берет в прочные оковы настоящая сибирская стужа и город покрывается толстым одеялом снега. И длится эта зима едва ли не так же долго как где-нибудь в Барабинске. Оттого, видимо, и едут пожилые квебекуа в Ванкувер на пенсию, где зимы практически нет (хотя снега в горах полно). Мой приятель Пьер, один из таких вот пенсионеров, уже много лет живущий со мной по соседству, сказал мне как то раз, что в Квебеке популярно стихотворение известного поэта-франкофона, называющееся (мой вольный перевод) «Имя моей страны – зима» (*Mon pays ce n'est pas un pays, c'est l'hiver*). Быстрый поиск в сети подтвердил слова Пьера. Поэта зовут Жиль Виньо (Gilles Vigneault) и знаменит он не только стихами, а также шансонами и непоколебимой политической позицией по поводу квебекского суверенитета. Снег, надо сказать, раздражал многих франкофонов, причем некоторые из них проживали во Франции и знать не хотели припорошенного снежком Квебека. Самый, пожалуй что, известный среди них был Вольтер, одна из культовых фигур французской философии и публицистики. В 1757 году, когда Англия и Франция в очередной раз вступили в военный конфликт из-за колоний Нового Света, Вольтер прокомментировал это обострение отношений как «войну из-за нескольких арпанов снега». Обделен в те времена был Квебек не только любовью обитателей метрополии, но даже (еще не метрической!) системой мер – по неясным причинам мера площади арпан (arpent) в Новой Франции была меньше, чем во Франции старой (квадрат со стороны в 200 «королевских стоп» против 220).

Но даже не смотря на изнуряющую духоту бродить по улочкам старого города внутри бастиона – одно удовольствие. По утрам, когда народу было еще совсем немного, а большая часть заведений была еще не открыта, мы с семьей и друзьями неторопливо топали по этой серой и неровной

брусчатке в одну забегаловку, где предлагалось много свежей выпечки и кофе. Заходя туда можно было захмелеть от одуряющего запаха только что вынутых из печи круассанов и багетов. Я никогда не был во Франции, но всякий раз заходя в это кафе мне казалось, что именно так должно быть выглядят и пахнут буланжери где-нибудь в Париже или Клермон-Ферране. Колоритные месье, сидя на улице перед входом с важным видом листали *Le Monde*. Худосочные дамы в обтягивающих платьях и с безупречным макияжем томно потягивали кофе. Работники забегаловки в высоких поварских колпаках грациозно шустрили в всему пространству заведения. Казалось, еще немного и в кафе зайдут Анри Матисс и Поль Сезанн.

Чтобы чего-нибудь купить в этом кафе надо постоять в очереди. Очередь эта формируется в силу двух причин. Во первых кафе очень популярно и народу в нем всегда много. Во вторых, индустрия сервиса в Квебеке очень нетороплива по сравнению с англоязычной Америкой. Вначале это меня несколько озадачивало, но потом стало понятным, что неторопливость эта вовсе даже не из-за того, что бизнесы не хотят делать деньги; она скорее связана с квебекской ментальностью. Ментальность эта очень отличается от англофонской и сами квебекуа делают все, чтобы она не была загрязнена вкраплениями извне. Беречь такую ментальность приходится с издержками, один из которых недополученная норма прибыли в бизнесе.

Подойдя к кассе можно оказаться ошарашенным фактом того, что кафе кроме кофе, чая и других горячих напитков, предлагает также и пиво – пивной агрегат с тремя рукоятками (на одной из которых написано *Stella Artois*) стоит прямо у кассы. Сочетание пива и свежих круассанов выглядело странным гастрономическим мезальянсом, а по вancouverским меркам оно вообще немислимо. Мало кому из посетителей приходило в голову брать пиво по утрам, но по крайней мере возможность эта была всегда под рукой. Пиво в Квебеке, как тот праздничный Париж – всегда с тобой; дистрибуция алкоголя тут не монополизирована государством как в Британской Колумбии или, скажем, Массачусетсе. Вина кафе уже не предлагало, но вино, а точнее его производство это одно из обстоятельств, подчеркивающих глубокую разницу между колонией и метрополией. Если подумать о Франции, то в ассоциативном ряду обязательно всплывет французское вино – бордо, шампанское, бургудское и тп. Вино и Франция почти что как народ и партия в советское время - настолько неразрывны, что даже названия многих сортов винограда (каберне, мерло и тп) имеют французское происхождение, переключав при этом во многие другие языки почти без изменений. То же самое нельзя сказать о Квебеке – тут не делают вина. Скорее всего потому, что суровый климат не дает возможности выращивать виноград. Так что квебекские франкофоны вынуждены пить вина из других уголков планеты, один из которых – Британская Колумбия. Это странная ирония от Бахуса, что в Британской Колумбии, оплоте англоцентризма в Северной Америке, отлично растет виноград и делают знаменитое на весь мир шардонне, а в Квебеке своего вина нет. В Старом Свете ситуация ровно обратная.

А еще бывает, что в кафе заходит шансонье в тельняшке и берете. Он взбирается на стул в самом центре помещения и поет шансоны, аккомпанируя себе на аккордеоне. Посетители закусывают горячими плюшками и слушают себе песнопения этого трубадура на французском языке, а дети бросают в шапку шансонье монетку-другую. Но делают это не все. Некоторые «измученные Нарзаном» граждане предпочитают глядеть в окно, замороженно рассматривая фланирующих по

улице Святого Жана квебекских мадемуазелей, большинство из которых словно только что сошли с рекламных страниц «Космополитена» или «Редбук».

«Дочери короля» и Монморенси.

В семнадцатом веке жизнь в Квебеке не казалась медом даже привыкшим к невзгодам вояджерам, добывавших бобра и прокладывавших торговые пути по рекам Новой Франции. Сам Квебек Сити был брошен жителями буквально через год после основания из-за суровых климатических условий и агрессивных аборигенов. Но упрямые колонисты вернулись и продолжили освоение (аборигены частенько используют другой термин) провинции, несмотря на бесчисленные арпаны снега зимой. Если походить по старому городу внутри бастиона, а потом выйти к зданию парламента, то можно проследить всю историю Квебека со времен Жака Картье и до 20-го века в жанре скульптуры главных действующих лиц (многие из которых служители культа) с поясняющими табличками. Невзгод и лишений у колонистов было предостаточно, но одно из них было особенно удручающим, а именно колоссальный дефицит женщин фертильного возраста.

Это резко контрастировало с положением дел в новоанглийских колониях. В Новой Англии, перманентном в то время сопернике, население росло куда более бурно, что не могло не вызывать глубокой озабоченности французского королевского двора. И поэтому монархом в Париже было принято решение о запуске программы переселения молодых женщин из старой Франции во Францию Новую. Программа получила по французски пышное название *Filles du Roi* или «Дочери Короля» в переводе.

Встал вопрос, а кого можно было бы подписать под эту программу неравноценной релокации? Кто в здравом уме променяет климатически теплый, экономически развитый Париж с его насыщенной культурной жизнью на скованный стужей Квебек? Ответ на этот вопрос был найден довольно быстро – в Квебек решено было отправить женщин из наиболее уязвимых и незащищенных слоев общества. И больше всего таковых нашлось в сиротских приютах и в домах для умалишенных, которые в те времена частенько располагались под одной крышей. И вопреки расхожему мнению среди переселенок практически не было представительниц древнейшей профессии, что выглядит вполне разумным с их стороны – несмотря на то, что мужчин в Квебеке хватало, вряд ли они могли тягаться своей финансовой мощью с теми, кто составлял их клиентуру в Париже.

Жизнь в сиротских приютах в Париже в семнадцатом веке была тяжелой и голодной. Бедным сиротам там давали навыки ремесел и конечно же религиозное воспитание. Так что к незащищенности кандидаток на переселение интригански добавлялся резон о том, что выжить и родить им в Квебеке будет проще, чем другим. И поплыли французские суда в Новый Свет с невестами – голодными сиротами и душевнобольными. И продолжалось так почти десять лет, пока квебекский губернатор не отрапортовал, что подушевой баланс с Новой Англией стал выравниваться.

По некоторым данным, в Квебеке современном (и отчасти в Америке) большая часть франкоязычного населения ведет свою родословную именно от этих обездоленных «дочерей короля», столь безжалостно отправленных в североамериканскую ссылку суровым монархом. Среди их прямых потомков есть граждане достаточно известные, такие, например, как грозная Хиллари Клинтон (супруга бывшего президента США Билла Клинтона) или голливудская дива Анджелина Джолли.

Сидя у окна этого квебекского кафе и глаза на квебекских дам, неторопливо дефилирующих по мостовой, я никак не мог отделаться от назойливой мысли, что все эти *femme fatales* произошли от наиболее обездоленных француженок, которых корона смогла найти и подписать на эмиграцию в то время. Никто из них не был похож на Хиллари Клинтон или Джолли, но все они приковывали внимание мужчин, причем особенно тех, что были из той самой Новой Англии (друзья, с которыми я путешествовал). Квебек словно мстил за исторические обиды этим новоанглийским мужикам, щеголяя привлекательностью своих дам в давно взятой англичанами цитадели. Факт того, что мужики эти были уже давно связаны узами брака только добавлял горечи.

Возникает вопрос, а можно ли выделить некий собирательный образ современной квебекской девушки? Нет сомнений в том, что ответ на него будет глубоко субъективным, грубо говоря, сколько мужиков, столько и мнений. Но на мой неискушенный взгляд наиболее близок к нему образ советской актрисы Натальи Варлей, особенно в том виде, в котором она запечатлена в бессмертной кинокомедии Гайдая «Кавказская пленница». Пересматривая этот старый фильм и глядя на комсомолку Нину (героиню Варлей) всякий раз казалось, что вместо фразы на русском «Что вы делаете, Шурик?», она заговорит по французски и лукаво спросит что-нибудь типа «Любите ли вы Брамса?».⁹

- И когда вы увидите знак, на котором написано *Arret*¹⁰, вам нужно будет повернуть направо...

Субтильная квебекская блондинка с пышными локонами, как бы между прочим ниспадавшими на ее хрупкие обнаженные плечи, довольно пространно объясняла мне и моему новоанглийскому другу как проехать к еще одной достопримечательности Квебека, водопаду Монморенси (Montmorency). Ее очаровательный акцент вызывал легкое умиление и страстное желание произнести хоть что-нибудь по французски. Она даже извлекла откуда-то лист бумаги и ручку и нарисовала схему. Взяв эту схему и сказав девушке уже выученное нами *merci*, мы направились к машине.

- Ну что встречаемся у шлагбаума? – спросил я.

- У какого шлагбаума? – не понял меня друг.

- Того шлагбаума, где продают билеты на проезд к водопаду.

⁹ «Любите ли вы Брамса?» - роман о любви французской писательницы Франсуазы Саган.

¹⁰ *Arret* – «Стоп» по французски

- А там еще и билеты нужны? – удивился он.

- Ты вообще слушал, что нам мадемуазель говорила? – сказал я и, поняв в чем дело, не смог сдержать смеха.

Мой новоанглийский приятель, всюду пожирая очами эту сублитную девушку-квебеку, совершенно не воспринимал транслируемую ей информацию. Выручил GPS, уверенно приведший нас к нужному месту. Мы ехали по живописному хайвею вдоль просторов реки Святого Лаврентия. Однако заслуживающие внимания виды этой реки ждали нас впереди. «Святость» улиц на традиционно зеленых информационных щитах вдоль хайвея разбавлялась порою именами ересиархов от науки и техники, таких как Эйнштейн и Эдисон. Чайки, парящие вдоль берега, выглядели также как и в Ванкувере. Через двадцать минут мы были у подножия водопада Монморенси.

Водопад этот не такой необъятный в ширину как самый большой на этом континенте Ниагарский, однако он выше Ниагарского на целых тридцать метров. Назван он в честь королевского наместника герцога де Монморенси, представлявшего французский двор в Квебеке когда-то в начале семнадцатого века. От туристической пристройки с традиционным сувенирным магазинчиком и кафе, непосредственно к водопаду ведет довольно длинная тропинка (километра полтора) которую туристические массы осиливают с легкостью и энтузиазмом. По мере приближения к нему постепенно нарастает гул многих тонн воды, обрушивающихся с высоты в 84 метра на докембрийский канадский щит. Нарастает он до такой степени, что прямо у водопада надо кричать друг другу, чтобы хоть что-нибудь разобрать. Кроме этого мельчайшая водная пыль делает мокрым все, что повернуто фасадом к водопаду. Это создает неудобства тем, кто носит очки – за радужными разводами воды все становится нечетким и узорчатым как в детском калейдоскопе.

Сняв очки я оглядел себя, семью и друзей. Все были мокрые и довольные.

- Папа, а теперь туда! – пророкотал ребенок и показал на длинную лестницу, прилепившуюся к практически вертикальному подъему недалеко от водопада. Над самим водопадом хрупко провисал подвесной мостик, на котором можно было видеть очертания людей. Стало очевидным, что нелегкого восхождения по бесчисленным деревянным ступенькам избежать не удастся - ребенок бодро взял в карьер, прыгая через ступеньку.

- Погоди малыш, мама не успевает!

Мы, пытаясь как загнанные лошади, потопали вверх. Грохот водопада отчего-то звучал успокаивающе. На небольших смотровых площадках через каждые два-три пролета ступенек, можно было передохнуть и оглядеться. И с каждым разом вид на просторы реки Святого Лаврентия становился все более величественными, почти что инстинктивно заставляющие хвататься за старую «мыльницу» *Canon* даже не переводя дух.

Минут через двадцать пять мы были на вершине, но надо было сделать еще приличный крик, чтобы подойти к подвесному мостику. Тропа к мостику проходила через большой фруктовый сад с детской площадкой и большим информационным щитом на обоих языках, рассказывающим о том, что именно в этом месте в далеком 1759 генерал Джеймс Вулф предпринял первую и безуспешную попытку сделать высадку английского десанта для атаки на Квебек Сити. Атака была отбита силами французского генерала Монкальма; Вулф потерял 440 человек. Глядя вниз на реку и практически отвесный склон в почти что сотню метров высотой становится понятным, что солдат в английской армии 18 века совершенно не жалели. Но при этом, конечно же, вызывает определенное уважение настойчивость генерала Вулфа, который повторил абсолютно такой же маневр в другом месте вблизи Квебек Сити, на Абрахамовых Равнинах, и смог добиться своего. Монкальм был полностью убежден в том, что скалы у Абрахамовых Равнин совершенно неприступны (тут, на Монморенси, можно предположить, что полагал он это небезосновательно) и был не готов к атаке. В конце концов две армии сошлись в кровавой мясорубке и англичане овладели Новой Францией. Ни Вулф, ни Монкальм не дожили до внесения окончательной ясности в обновленную карту колониальных владений – и тот, и другой пали смертью храбрых на этом поле, защищая интересы своих монархий.

Пройдя через небольшой перелесок, мы вышли на подвесной мостик. Расположен он прямо над обрывом, так что если смотреть в одну сторону, то видны кипящие буруны падающих потоков, а с другой стороны картина абсолютно иная – гладкая поверхность неторопливо текущей ровным зеленоватым полотном воды коварно создавала иллюзию полнейшей безмятежности. Местность просматривалась великолепно, были отлично видны и другой берег и даже стены квебекской цитадели в мутной дымке на горизонте. С такой позиции увидеть приближающийся английский флот не составило бы большого труда даже без подзорной трубы. Мостик был усыпан туристами всех мастей, исступленно щелкающими фотоаппаратами. Трафик туристов по обе стороны водопада был довольно серьезным. Там где раньше алгонкины били бобра и вступали в кровавые схватки с ирокезами, а чуть позже французы и англичане палили друг в друга из мушкетов, теперь все было довольно мирно – гул водопада нарушали лишь стрекотание фотокамер и негромкая речь на разных языках.

И конечно же не обошлось без уже привычной квебекской святости. На голубых будках многочисленных портативных туалетов вокруг подвесного мостика гордо сверкала надпись «Святой Ромуальд». Оставалось непонятным было ли это название компании или же персона Святого Ромуальда каким-то образом инспирировала владельцев голубых кабинок. Святой Ромуальд - фигура в истории весьма колоритная. Однажды он смог убедить венецианского дожа (дож – титул в Венеции, эквивалентный королевскому) бросить все и удалиться в каталонский монастырь, чтобы посвятить себя молитвам и аскезе. Подобные факты из жизни святого как-то не вязались с такой прозаичной вещью как туалет. Черточки над “t” были расставлены при разглядывании карты на пути обратно – имя святого носил один из пригородов Квебек Сити, откуда возможно и привезли эти туалеты для удобства туристов на Монморенси.

Разнообразие

Пребывание в Квебеке, части Канады, в которой чувствуешь себя как за границей, заставляют по новому взглянуть на привычные нюансы жизни в Британской Колумбии. Скажем, в моей провинции довольно высокие налоги. При оплате трапезы в ресторане надо прибавить к цене пять процентов (не считая чаевых). В Квебеке же к цене в ресторане надо прибавить уже пятнадцать процентов: совокупный налог на ресторанный сервис там в три раза выше. Так что всем кто бурчит по этому поводу (сохраняя при этом финансовую способность к посещению ресторанов) нужно просто съездить в Квебек и, что называется, почувствовать разницу.

С другой стороны, в Квебеке более развиты программы для интеграции иммигрантов в франкофонское общество по сравнению с Британской Колумбией (это, правда, начинает и у нас меняться в лучшую сторону). Иногда это доходит до такого радикализма, что я одно время даже не верил в то, что такое возможно. Например, еще несколько лет назад в Монреале вновь прибывшим иммигрантам *платили* за посещение курсов французского языка. Это я знаю из первых рук, от девушки которая посещала такие курсы.

Но в целом Квебек и остальная Канада как вода и масло, налитые в одну емкость – они могут быть сколь угодно близко друг к другу, но при этом не будут смешиваться в одно целое. Англоязычная Канада она вроде как и готова слиться в экстазе с франкоязычными соотечественниками, да вот последние как-то не дают этому ходу. В англоязычном мире принято смотреть на это со скепсисом и усмешками (повод к которому порою дает языковая полиция Квебека); в мире квебекуа все это воспринимается по другому – как будто бы гордые квебекцы в осаде, но при этом не сдаются, несмотря на численное превосходство противника, словно команда крейсера «Варяг».

В старом фильме «Робин Гуд: Принц Воров» попавший волею судеб в Англию мавр Азим как-то раз беседует с ребенком, который спрашивает его отчего тот такой смуглый. Азим отвечает ему: потому, что Аллах любит большое разнообразие. Ответ Азима не может не вспомниться при прогулках по стенам квебекского бастиона или посещениях квебекских кафе.

Канада очень разнообразна. Разнообразна географически – тут есть горы и равнины, леса и прерии, тундра и тайга. Есть даже своя пустыня к югу от городка Оливер в Британской Колумбии, где растут кактусы и водятся гремучие змеи. Разнообразна экономически, от нефтяных песков и газовых скважин до технологически передовых Бомбардье и Блэкберри (у последнего, правда, на данный момент нешуточные проблемы). В Квебеке же разнообразие выходит на социальный и лингвистический уровень, уходя при этом корнями в непростую, а местами и трагическую историю Новой Франции.

Это конечно же не означает, что разнообразие культур в стране исчерпывается лишь англо-канадской и квебекской, о нет – если пройтись по ванкуверскому Чайна-тауну или по улицам с паджабскими кондитерскими или закусить мусакой на греческом фестивале, то станет очевидным, что разнообразных культур в Канаде пруд пруди. Но две основополагающие культуры Канады, английская и французская, две гигантские культурные и лингвистические глыбы это то, на

чем держится все остальное. Эти два столпа обеспечивают канадский «плавильный котел», двуликий как древнеримский Янус.

Такая государственная дихотомия порождает свои сложности, о которых знают все, однако в этом есть и свои преимущества. В Квебек Сити это особенно очевидно, где запросто можно получить море новых впечатлений, большинство из которых положительные. В Канаде наличие двух основных культур обогащает друг друга несмотря на все шероховатости и даже создает рабочие места для, скажем, той же языковой полиции в Квебеке или орд корпоративных переводчиков (все продукты в Канаде обязаны сопровождаться описанием на обоих языках). Канадская жизнь без Квебека была бы намного скучнее. Сепаратизм в Квебеке не такой острый каким он был еще пару десятилетий назад, однако он продолжает тлеть тихим пламенем. Апологеты квебекского суверенитета искренне верят в то, что жить станет лучше и веселее, если Квебек станет самостоятельным государством на североамериканском континенте. Многие из тех кто пережил дезинтеграцию Советского Союза может в этом серьезно усомниться, поскольку, как показал коллапс этой империи, жить после распада стало хуже всем, хотя и в разной степени.

Мой друг Саид, специалист по эволюционной биологии, рассказывал мне как то раз об эволюционных преимуществах полового размножения по сравнению с бесполом. В бесполом размножении главная проблема в том, что все особи в популяции абсолютно идентичны, в то время как при размножении половом наличие двух исходных генетических наборов усиливается неизбежными мутациями, что очень часто позволяет справляться с угрозами извне более эффективно. Скажем, если какая-то неведомая болезнь поразит популяцию где размножение бесполое, велик шанс, что вся она исчезнет, поскольку все организмы одинаково бессильны. Такая же угроза менее страшна там, где размножение половое. Яркий пример из истории – Черная Смерть в Англии, эпидемия бубонной чумы, выкосившая едва ли не половину населения страны. Однако ввиду мутаций часть населения смогла выжить. У этого события, фундаментально обусловленного половым размножением человека как вида, бесчисленные социальные следствия, наиболее известные из которых Индустриальная Революция и парламентаризм. Рассматривая две культурные доминанты Канады трудно не удержаться и не вспомнить об этом в метафорическом ключе. Англоканадцы и франкофоны, как два генетических набора с бесконечными мутациями, обеспечивают более жизнеспособную страну как в культурном, так и в социальном плане. В этом смысле, как бы парадоксально это не звучало, я готов поддерживать пресловутый Билл 101 и голосовать за «Блок Квебеку»¹¹. Мне очень нравится Квебек, хотя при этом понятно, что вряд ли я стану там когда нибудь своим, если не выучу французский так, как я уже говорю по английски. Почти также как когда-то в Кыргызстане. Оба начинаются на «К», впрочем как и Канада. Мой удел – любить и Квебек и Кыргызстан издавна, находясь в англоязычной ойкумене.

После возвращения к себе в Британскую Колумбию, одним дождливым утром я проснулся и несколько мгновений после пробуждения, когда сознание еще пребывает в странном пограничье

¹¹ «Блок Квебеку» (Bloc Québécois) – федеральная политическая партия Канады, ставящая своей целью защиту интересов Квебека.

между реальностью и сном, совершенно четко и уверенно подумал, что сейчас я возьму семью и пойду в то самое кафе в центре старого города, где меня уже ждут мои новоанглийские друзья. И что я возьму *абрикотер* и бомбейский чай и буду сидеть у окна, глядя на узкую улочку Сен Жан со свежеполитой мостовой, на щеголеватых туристов и худеньких безупречно покрашенных квебекских девчонок, вышагивающих по брусчатке. Буду слышать щебет детей и бурчание новоанглийских мужчин и будет так хорошо!

Через мгновение реальность вытеснила сон. «*Je me souviens*» - отчетливо произнес я на языке которого не знаю и отправился чистить зубы.

Еще одно чудо

Посвящается Михе, кулинару и республиканцу

- Девять долларов за галлон, я тебе говорю. – долговязый пригубил сигарету и в упор глядел на меня, словно на музейный экспонат.

- Сколько? Это же кошмар, а не цена! Это только у вас в Манхэттене или во всех отделениях? – Стас искренне недоумевал, пожирая долговязого очами.

- Стас, не кипятись, я думаю, что легче заплатить, чем мотаться за тридевять-земель – сказал я.

Долговязый, увидев как новенький седан пытался въехать на чужую парковку, стал энергично махать ему рукой и, казалось, вообще забыл про то, что мы были прямо перед ним. Рядом стремительно пронеслась полицейская машина с оглушительными воплем сирены. Стал накрапываться мелкий дождик и я понял, что покрылся липкой противной испариной с головы до ног.

Нью Йорк встретил нас чудовищной влажностью и духотой, постоянным бибиканьем траффика и несусветным броуновским движением автомобилей и людей. Весь мой предыдущий урбанистический опыт был детским лепетом по сравнению с этим пугающим хаосом, который, каким то совершенно диковинным образом не приводил к столкновениям на переполненных улицах. Люди и машины смешивались в один жуткий калейдоскоп, обволакивающий и засасывающий в себя как болотная топь. Добравшись до этого отделения конторы по ренту машин, я уже было с облегчением вздохнул и расслабился как Стас указал мне на стрелку, замершей ровно на середине шкалы – бензина в машине было полбака, а брал я ее в Вермонте с полным.

Долговязый флегматично отошел в сторону, пуская сизые клубы дыма. Яркая вывеска «34 улица» резко контрастировала с грязно-желтой поверхностью стены здания.

- А помнишь фильм был старый, черно-белый еще «Чудо на 34-й улице»?

- Да, помню. Погоди ты со своими чудесами и улицами, пойду-ка я перетру с командиром, может заправка все таки недалеко тут.

Стас подошел к долговязому и стал что-то энергично с ним обсуждать. Я с почти что сакральным ужасом продолжал наблюдать за половодьем из людей и машин, движущимся по этой самой 34-й улице, виртуально знакомой из этого древнего фильма про рождественские чудеса. И пешеходы и транспорт повиновались своим четким законам перемещения и взаимодействия и казалось, что гигантское количество рекламы и вывесок совершенно не отвлекали их от соблюдения этих законов.

Через пару минут Стас вернулся.

- Тут на десятой авеню заправка есть, командир объяснил как проехать. Нафига лишние тридцать баксов платить? Поехали заправимся!

Мы прыгнули в машину и я с нарастающим беспокойством стал выезжать на проезжую часть. Трафик на 34-й улице ждал нас, чтобы поглотить как каракулевые тучи вершину небоскреба Эмпайр Стейт Билдинг, видимого отсюда же.

- Ну поехали! – сказал Стас словно Гагарин перед запуском.

Выехать на улицу из этого гаража было делом непростым поскольку народ пер по тротуару совершенно не обращая внимания на выползающие на улицу автомобили. В течении нескольких минут я ждал, пока в этом мощном потоке будет просвет. Едва я его заметил, я довольно решительно двинул тачку вправо и почти сразу же в ужасе утопил тормоза по самую нехочуху.

- Йо, ты чего братан!

Откуда не возьмись чернокожий гигант ростом с Коби Брайнта уперся нам в передний бампер. И откуда он только взялся? На всякий случай я включил дворники, чтобы смахнуть несколько редких капель на лобовом стекле. Гигант гневно испепелял меня взглядом из под скошенной набекрень бейсбольной кепки с надписью New York Yankees. Его длинная блестящая баскетбольная майка с неровно написанным логотипом Fubu почти что отражала неоновую вывеску с Мартини неподалеку. Несколько напряженных мгновений мы смотрели друг на друга как рыцари перед поединком.

- Не буди во мне киргиза, - злобно пробурчал Стас.

Через секунду-другую гигант, гневно помахав руками, продолжил движение, а мы оказались запруженными пешеходными вереницами настолько, что я даже не видел проезжей части и только чувствовал ее по несмолкаемому бибиканью и редкими выкриками особенно эмоциональных водителей.

Выехать на 34-ю улицу и влиться в трафик я смог только минут через десять. Стас выступал навигатором, а я, лавируя между бесцеремонно подрезающими меня таксистов на желтых тачках с рекламными гробиками на крышах, крутил баранку обливаясь потом от духоты и натянутых до предела нервов.

- Здесь налево, - Стас показал мне на ближайший поворот.

Через несколько секунд я увидел, знак, что налево поворот запрещен. Демонстрируя чудеса на виражах, я с трудом влился в другую полосу, чтобы не застрять у этого запрещенного поворота. На следующем повороте знака не было.

- Бери тут налево! – бросил Стас.

Только я перестроился как увидел две пустые полицейские машины блокирующие поворот и женщину в полицейской форме, регулирующей трафик. Женщина уверенными движениями давала понять, что поворота налево тут нет. Сомневаясь, я притормозил возле нее и робко показал, что мне хотелось бы повернуть налево. Женщина резко засвистела в торчащий у нее изо рта свисток и яростно замахала в удвоенной энергией, показывая, что поворачивать тут нельзя ни при каких обстоятельствах. Когда она это делала, висящая у ней на боку кобура с пистолетом угрожающе вздыбивалась, а губы становились пунцовыми.

- Езжай прямо! – нервно сказал Стас.

Я, посмотрев назад, делая, что на этом континенте называется shoulder check, едва не клюнул неожиданно сбросившего скорость кадиллак в соседней полосе. Как только я смог перестроиться, трафик вдруг стал двигаться с черепашьей скоростью, продолжая при этом неумно хонкать. Часы на приборной доске показали ровно шесть вечера. Только сейчас мне пришло в голову, что сегодня была пятница.

- Как бы командир контору не закрыл, - озабоченно пробубнил Стас и бросился звонить куда-то.

Вновь стал накрапывать дождик. Я опять ощутил противную липкость по всему телу от духоты. И пока я расстегивал рубашку еще на одну пуговицу, мой взгляд упал на яркий рекламный щит мороженого «Баскин Роббинс», издевательски переливающийся розовыми полутонами, навевающий мысли об свежем холодке из морозильника с тридцать одним сортом этого детского лакомства.

- Двигай! – вернул меня к реальности Стас, показывая, что кадиллак впереди отполз уже метров на пять и таксист слева пытался втиснуться в это пространство, - Командир сказал, что открыт до восьми.

- Ну слава небесам, - облегченно вздохнул я, только сейчас поняв, что выяснял Стас, ибо перспектива платить за суточную парковку на Манхэттене совсем не бодрила.

Парковки эти, надо сказать, довольно часто попадались на глаза. Оригинальность их заключалась в том, что не желая бороться с дефицитом места на плоскости, они резво осваивали третье измерение, унося автотранспорт ввысь. Похожие на строительные леса, эти металлические конструкции напоминали прозрачный кубик Рубика, в каждом сегменте которого могла уместиться машина. Иногда в столбик можно было увидеть целых шесть машин, аккуратно висящих друг над другом. Цены же на парковку в этом уголке континента заставляли оставшиеся волосы на голове вставать дыбом – цена в 45 долларов в день считалась нормой.

- Ныряй тут налево! – Стас показал мне на очередной поворот, показавшийся метрах в двадцати от нас.

С третьей попытки повернуть налево удалось. Проехав буквально сотню метров я вновь был вынужден резко затормозить. Прямо под колеса бросился смуглый пожилой мужчина с сумкой перегруженной зонтиками. Он постучал в окно. Переведя дыхание я слегка приоткрыл стекло.

- Ребята, покупайте зонтики! Дешево! Смотри, скоро гроза будет! – начал он свою отрепетированную речь уличного вендора с сильным индийским акцентом. Кроме его слов в машину вливался вкусный запах кебаба, жарящегося в двух шагах от нас несмотря на дождь.

- Спасибо отец, нам пока не надо, - ответил я и закрыл стекло. Торговец зонтиками равнодушно удалился. Глядя в зеркало заднего вида, я заметил, что он совершил такой же решительный маневр буквально через несколько секунд, метнувшись к следующей машине за нами.

Стас грязно выругался по русски.

- Еще немного такого вождения и у меня инфаркт будет, - сказал я Стасу, вытирая пот со лба.

- Давай, давай, близко уже, - ответил он, напряженно вглядываясь в дисплей GPS-а.

Я остановился на светофоре. На этой улице пешеходов почти не было, но трафик был таким же плотным. Проехав светофор, я уткнулся в зад большого серого автобуса Grey Hound, зверски рычащего мотором и насылавшего на нас облака жара. Я крутанул диск кондиционера на максимум и задраил окна. Позади нас, высунув зад на перпендикулярную улицу, пристроился вэн в котором очень громко играла какая-то сальса. Из-за автобуса я ничего не видел. Трафик застыл. Простояв так минут пять, я слегка вывернул руль влево, чтобы посмотреть, что происходит впереди и почему все замерли. Перед автобусом стоял желтый Приус такси, а перед ним еще два таких же больших автобуса. Все рычали моторами, но никуда не двигались, хотя светофор на следующей улице работал нормально.

- Пойду гляну, чего там такое, - сказал Стас и вышел из машины.

То же самое сделал водитель такси Приуса. Вместе со Стасом они быстро потопали к следующему перекрестку, начав что-то обсуждать по дороге.

Я устало огляделся. Двадцать минут езды по улицам Манхэттена в этот пятничный вечер иссушили меня окончательно – пить хотелось совсем не по детски. В зеркале заднего вида упитанный водила вэна равнодушно слушал сальсу иногда зевая в загорелый кулак. По тротуару по направлению ко мне двигались двое молодых людей. Один был маленький и круглый, а другой длинный и худой и я не мог отделаться от мысли, что наверное так и должны были выглядеть Дон Кихот и Санчо Панса. Головы обоих декорировали черные ермолки. Тот что поменьше активно жестикулировал, энергично рассказывая что-то длинному. Когда они поравнялись со мной, длинный, видимо дивясь услышанному эмоционально воскликнул что-то вроде «Валла, валла, хабиби!». Оба сели в припаркованный у тротуара седан и продолжили диалог.

Вдруг из Приуса вышла блондинка в красном платье. Она растерянно стала глядеть по сторонам, видимо пытаясь понять куда ушел водитель такси. Пока она смотрела взад-вперед Дон Кихот и Санчо завели свой седан и резко вывернули прямо передо мной. Блондинка их не видела. Лихорадочно опустив стекло я инстинктивно крикнул ей по русски:

- Осторожно!

Блондинка оглянулась и сдвинулась в сторону, пропуская седан, которые вплотную под углом градусов в сорок пять почти уткнулся в Приус. Улыбаясь блондинка бодро зашагала в мою сторону.

- Ой, спасибо! – сказала она по русски, - а я и не заметила бы. Ну и пробка тут! Вы сами из Нью Йорка?

- Нет, два часа как приехал, - ответил я ей.

- Я тоже не местная, вчера прилетела из Атланты. А вы не знаете где тут музей математики? Шофер что то не в курсе...

Мне вдруг показалось, что я в бреду. Музей математики? Блондинка в красном платье, которой нужно в музей математики? На Манхэттене?

- Вам немного в сторону, он на 26-й улице, - сказал ей вернувшийся Стас.

- Там короче такая ситуация: один из автобусов стоит на углу и не может повернуть, потому что когда врубается зеленый свет у него не главная, и его никто не пропускает, - сказал он уже мне, - Перестраивайся влево, поворачивать можно с двух полос. Я пойду порегулирую, иначе мы тут до утра проторчим как тополь на плющихе.

Я завел машину и стал перестраиваться влево. Стас мастерски растащил пробку в нашей полосе, будто бы занимался этим всю жизнь. Дон Кихот с Санчой и желтый Приус с махавшей нам на прощанье блондинкой проскочили, а я остался ждать следующего зеленого сигнала. В правой полосе по прежнему безнадежно пыхтели автобусы, глядя на которые в голове мелькали шальные обрывки мыслей о глобальном потеплении и роли человечества в этом озадачивающем

многих явления. Наконец Стас сел в машину и я смог повернуть. Заветная автозаправка приветливо сверкала неоном в каких нибудь ста метрах от нас.

Подъехав сбоку к терминалу, я сунул кредитку в жерло дисплея. Дисплей высветил текст, предлагая ввести американский почтовый zip код. Я ввел 90210, самый, как считается, известный zip код в Америке после сериала «Бeverли Хиллс». Дисплей высветил, что код неправильный и Стас предложил ввести его код в Вермонте. Это тоже не сработало и я, выручив кредитку из объятий терминала, помчался к кассиру.

Внутри небольшой пристройки был, как и водится, магазинчик торгующий всякой всячиной от минеральной воды до хот-догов. Очень громко играла жизнерадостная латиноамериканская музыка. Ярко накрашенная кассирша громко щебетала с кем-то на испанском. Когда подошла моя очередь, я дал ей кредитку и попробовал объяснить, что сам я не местный и что к моей кредитке американский zip код не привязан. Кассирша, хлопая глазами, выслушала мой рассказ и вдруг с улыбкой сказала:

- Habla español?

Глядя на нее я, как однажды было написано в одном дешевом детективе, почувствовал скрежет своего мозга.

- Инглес порфавор! – с трудом я выдавил из себя.

Активно жестикулируя друг другу, мы пришли пониманию и я, обливаясь потом, побежал обратно к машине. Вставив дуло пистолета в прорезь бака я изо всех сил нажал на клапан. Зажурчавший бензин в шланге подействовал успокаивающе.

- А чего ты так долго то? – спросил Стас.

- Да никак не мог тете объяснить, что у меня нет zip кода. И почему только люди думают, что я говорю по испански?

- Просто ты похож на Антонио Бандераса, вот почему, - засмеялся Стас, - ну и как же вы пришли к консенсусу?

- Помнишь детский анекдот «Мальчик жестами показал, что его зовут Хулио»?

- Ну помню.

- Вот так и пришли.

Закрутив бак, я сбегал за кредиткой и чеком и уселся за руль. Заведя машину, я вдруг понял, что прошло только полпути и нам предстоит возможно такая же непростая дорога обратно на 34-ю улицу. Стас навигировал. Мы ехали по Манхэттену, над которым стали сгущаться сумерки и оживал неон рекламы. Верхушка Эмпайр Стейт Билдинг была по прежнему скрыта в тумане, все по прежнему неистово хонкали, а вереницы пешеходов по прежнему неумоимо ползли по

тротуарам почти не считаясь со скоростью автотранспорта на перекрестках. На удивление самим себе обратно в этот гараж на 34-й мы приехали почти без приключений. Я отдал ключи долговязому и выйдя на эту улицу почувствовал как дамоклов меч ответственности за рентованную машину, неожиданно тяжким бременем взвалившийся на меня как только мы приехали в Манхэттен (и которого я совсем не испытывал на дорогах Вермонта и Коннектикута) растворился как кусочек сахара в чашке кофе, оставив сладкий привкус свободы. Теперь, пешком, можно было свободно перемещаться по улицам Нью Йорка, не грея голову мыслями о пробках, парковках и запрещенных налево поворотах. Понятие свободы находило свое новое, совершенно неожиданное наполнение на этой манхэттенской улице, больше известной голливудскими рождественскими чудесам.

Через пятнадцать минут бодрой ходьбы по городу, который, как пел Фрэнк Синатра, *never sleeps*, мы пришли в пиццерию на 47-й. Заказали пиво и пиццу.

- Откуда ты знаешь про музей математики? – спросил я Стаса, вспомнив эпизод с блондинкой в красном платье.

- Это я гуглил накануне куда детей можно сводить в Манхэттене, - ответил он, - ты не поверишь, но буквально в двух шагах от него есть музей секса.

Принесли пиццу. Думать о математике или сексе не хотелось. Appetit был богатырский и когда мы с удовольствием доели последний кусочек пепперони, Стас вдруг вспомнил.

- Ты чего то начал говорить про чудеса на 34-й улице перед тем как мы поехали на заправку.

Я отхлебнул пива. Перед глазами промелькнули эти два часа лихорадочного вождения по улицам Нью Йорка и странные персонажи с которыми пришлось столкнуться.

- Ты знаешь, я думаю, что сегодня на 34-й произошло еще одно чудо. Оно заключается в том, что мы без единой царапины сдали командиру тачку.

Стас внимательно посмотрел на меня и подлил себе и мне пива из питчера.

- Согласен, - сказал он, - в мире есть только один город, где на дорогах еще большее сумашествие, чем в Нью Йорке.

- Где же это? – озадаченно спросил я.

- В Бишкеке, - уверенно ответил Стас.

Я посмотрел в окно пиццерии. Манхэттен словно подменили, облачив его в переливающееся одеяние рекламных огней. Яркие огни, большой город – прямо как в том старом романе Джея МакИнерни, что я читал много лет назад в Сибири, когда темень за стеклами общажных окон скрашивали лишь узоры инея. Нью Йорк приветливо сверкал огнями давая понять, что чудо , произошедшее с нами сегодня на 34-й улице возможно далеко не последнее в этом чарующем городе вкусной пиццы и жестких контрастов.

Нежные краски и жесткое плоскогорье

«У Бизоньего Горба было видение. Оно пришло к нему ночью. Оно было полно насилия – мистическое, всеобъемлющее, апокалиптическое видение в котором лживые и предательские техасцы, учинившие резню в Консульском Доме, были атакованы и сброшены в море....»

Сидя на втором этаже весьма комфортабельного автобуса, я читал чрезвычайно увлекательную историю племени команчей, бесстрашных и безжалостных всадников прерий. С тех пор как им удалось приручить диких мустангов, появившихся за Диком Западе после испанской экспедиции Коронадо, команчи на долгое время стали самым мощным военным фактором в этой части Северной Америки. Думая в рейде Бизоньего Горба, я глядел в окно. Накрапывал мелкий дождик. В обе стороны тянулась степь (прерия – так правильней сказать) с характерными ощетинившимися кустарниками. Далеко на горизонте грозные свинцовые тучи сливались с отрогами неизвестной мне сьерры. Автобус сбросил скорость и затормозил. Небольшое обшарпаное строение с броской надписью *Arizona Trading Post*, белый коровий череп и повозка времен освоения Запада смотрелись как бельмо на глазу среди однообразной равнины. Граница с Невадой была пересечена.

На улице резкий ветер заставил поднять воротник. Декабрь в Аризоне далеко не бархатный сезон и видимо из-за этого фото муляжи (те, что с прорезью для лица) с нарисованными пышнотелыми дамами в купальниках выглядели особенно нелепо. *Arizona Trading Post* торговал обычной туристической всячиной с явным уклоном в индейскую сторону, включая реально выглядящие томагавки и луки со стрелами. Туристы предсказуемо спешили в туалет и уже после него, повеселевшие, оживленно изучали эти, хоть и бутафорские, но все же грозно смотрящиеся изделия. Я бродил между витринами этого магазинчика с ребенком.

- Папа, что такое *Homeland Security*? – вдруг громко спросил он меня, показывая на постер висевший стене.

Приглядевшись, я невольно улыбнулся. На постере были изображены несколько индейцев с характерно торжественным и одновременно суровым выражением лица. Празднично одетые, они сидели на вполне себе обычного вида стульях. Кто то держал в руках томагавк, кто-то курительную трубку. У одного на коленях был вампум; у всех на головах были перья. Фотография была старой, 1880 года, такие по-английски называют *sepia*. Надпись на постере гласила следующее - «*Homeland Security: в борьбе с терроризмом с 1492 года*».

Мы были на индейской территории. Нравы тут смягчились с тех пор когда томагавки продавали не как сувениры, а использовали как оружие. Тут больше почти никто не ездит верхом. Угроза европейских болезней типа холеры, сменилась бичом алкоголизма. Все говорят по английски и почти никто на языках юто-ацтекской лингвистической семьи.

Чудеса света, в отличие от судеб аборигенов американского Запада, не меняются с такой скоростью. Одно из них, Гранд Каньон, меняется совсем неспеша – углубляется на десяток футов в миллион лет благодаря прихотям ветра и воды. Но чтобы увидеть его своими глазами предстояло потрястись еще пару часов по проселочной дороге.

Руки, обращенные к Богу

Участок пути от границы с Невадой и до того момента, когда кончается почти голая степь, похож на Боомское Ущелье с такой силой, что начинаешь сомневаться в собственной адекватности. Любой, кто ездил из Фрунзе (это былинное название теперешнего Бишкека) на озеро Иссык-Куль знает как оно выглядит – постепенно вздымающиеся горы цвета выцветшей белчьей шкурки, берущие узкую дорогу в массивные тиски. Если бы на этой дороге в Аризоне не было бы знаков на английском, то непосвященным можно было бы запросто морочить голову, говоря, что автобус движется вовсе даже не по Дикому Западу, а по дикому (как теперь многие считают) Кыргызстану.

Но в какой то момент степь заканчивается и начинается странная огромная по площади роща из необычных деревьев. Деревья эти не особо высоки, с десяток метров в высоту. Их крона напоминает грубо набросанную диаграмму абстрактного объекта из программирования, именуемого, по иронии судьбы, decision tree (дерево решений). Роща тянется до горизонта. Иногда в просветах между деревьями можно увидеть мирно пасущихся коров.

- Это самый большой в мире лес деревьев Джошуа, - услышал я где-то рядом.

Все с любопытством глядели на этот «лес». «Смешные, знали бы они что такое лес», подумал я. Леса в Аризоне и леса в Британской Колумбии очевидно имеют разные определения; через плотные заросли где-нибудь на острове Ванкувер не пройдет не то что корова – коза не протиснется.

Места эти, населенные пестрой мозаикой индейских племен, осваивались в свое время колонистами с Востока, самыми многочисленными из которых были мормоны. Фанатичные в своей религиозности (они до сих пор знамениты этим), мормоны резко отличаются от других течений в христианстве рядом особенностей, самая известная из которых многоженство. В середине 19-го века караваны повозок с мормонами стали прибывать в Аризону. Видя эти рощи мормоны по своему интерпретировали замысловатость кроны этих деревьев – они увидели в ней руки библейского героя Джошуа, обращенные в молитве к небу. Джошуа, ученик Моисея, был вовлечен в несколько ветхозаветных вооруженных конфликтов и в одном из сражений обратился с мольбой к Богу продлить день, зафиксировав положение Солнца на небе. Его просьба была удовлетворена и сражение продолжалось до победы войска Джошуа при дневном свете. Возможно контекст этого события сыграл свою роль в мормонском видении дерева – Аризона славится большим количеством солнечных дней.

Но сегодня шел дождь и дул довольно резкий ветер. Пучки листьев на деревьях Джошуа, похожие на морских ежей зеленого цвета, едва заметно колебались несмотря на резкие дуновения.

В жутковатом фильме “There Will Be Blood” искатели полезных ископаемых (главным образом нефти) где то в самом конце 19-го века строят опалубку в неглубоких шахтах и заборы вокруг участка потенциальной бонанзы используя «руки Джошуа». Сколько было вырублено этих деревьев на подобные цели не знает наверное никто, однако вряд ли рощи в районах нефтедобычи восстановились после того, как бум прошел – как и все в пустыне дерево Джошуа растет черепашими темпами, каких-нибудь 3-4 сантиметра в год. Тот лес, что мы проезжали выглядел нетронутым, однако у этого вида деревьев могут быть трудности в связи с изменением климата – местная экосистема в этом плане куда уязвимее других. Кроме того, главный локомотив распространения этой флоры в сопредельные области, гигантский ленивец, вымер около тринадцати тысяч лет назад. По части неопределенности будущего, дерево Джошуа стоит в одном ряду со, скажем, полярными медведями.

Я слышал об этом дереве еще будучи студентом в той стране, которой уже двадцать лет как нет. Альбом группы U2 “The Joshua Tree” и страстный вокал Боно вызывал в нашей обшарпанной общаге эмоции, возможно сравнимые с чувствами мормонов, когда те видели руки библейского персонажа в хаотичной конфигурации ветвей этого растения. Дерево Джошуа не оставило равнодушными этих упрямых сектантов, потом вдохновило ирландскую рок-группу, и, парадоксальным образом, порыв этот был донесен голосом Боно в заснеженную советскую глубинку.

Прогулка по небу

Эта часть Аризоны, включая участки Гранд Каньона, относится к родовым землям племени хулапай. Но кое-где в их территорию въедаются акриджи местных ранчеров и земли, принадлежащие штату. Подобная чересполосица чревата конфликтами. Это было многократно доказано в бывшей Югославии, не так давно на юге Кыргызстана и в массе других уголков планеты. К счастью, кровопролитные и бессмысленные столкновения тут в Аризоне, в отличие от Югославии и Кыргызстана, давно отошли в историю – последний раз индейцы хулапай выходили на тропу войны в 1870 году. Сейчас конфликты носят сугубо хозяйственный характер. Например, индейцы, власти штата и ранчеры никак не могут договориться кто и сколько будет платить за строительство дорог. И поэтому последние два часа дороги на Гранд Каньон похожи на автопробег из Бишкека в Иссык-Ату (дорога там - понятие весьма условное). Или, наверное, на относительно спокойный отрезок ралли Париж-Дакар.

Тряска в автобусе стала такой, что читать уже было невозможно. Я выключил свой iPhone, отложив знакомство с рейдом Бизоньего Горба на потом. Глядеть в окно тоже не было смысла – стекла были покрыты плотным слоем грязи с внешней стороны. Непостижимо убаюканный этой тряской, мой сын уснул. Кто-то рядом с хрустом грыз чипсы. Мы приближались к Гранд Каньону, но в приближении этом не было ничего грандиозного.

В большом туристическом центре, где мы оказались через некоторое время, нас ждала пересадка в небольшой шатл, который буквально за пару минут довез нас до края пропасти. Пропасти в наиболее буквальном смысле этого слова.

Гранд Каньон появился внезапно и ошеломительно. Шатл подъехал почти к самому обрыву и замороженная масса туристов с фоторужьями на взводе едва ли не галопом понеслась к этой пропасти. Гранд Каньон был перед нами, как говорят по английски, *up close and personal*. И если у меня и оставались сомнения действительно ли его можно считать чудом света, то стоя на краю обрыва и глядя в бездну головокружительной красоты, я почувствовал как они растаяли словно декабрьский снег в Ванкувере.

Один латиноамериканский классик смог емко и красноречиво описать эти места как «страну нежных красок и жесткого плоскогорья». Краски тут и в самом деле нежнее нежного – очень мягкая охра в основном оранжевых тонов контрастирует со всеми оттенками серого и коричневого. Жесткая растительность, невероятным образом лепящаяся на скалах – кустарники и редкие деревья – добавляет разнообразия. Где то далеко внизу, полускрытая одеялом из облаков, лениво течет река Колорадо. Река полностью оправдывает данное ей испанцами название – цвет воды в ней не голубой и не прозрачный, а мутно-рыжий. Река эта когда то впадала в Калифорнийский Залив, но вот уже не первое десятилетие как ее воды растаскиваются фермерами вдоль русла задолго до эстуария.

Фотографии Гранд Каньона в гляцевых журналах типа «Национальной Географии» не дадут представления о том, как он выглядел сегодня. В журналах он почти всегда под ярко-голубым небом и щедро залитый солнцем. Сегодня было пасмурно, небо было серым и облака лежали клочьями грязной ваты на полпути ко дну бездны. В этом чувствовался почти что религиозный мистицизм. Каньон не просто завораживал – он гипнотизировал. Можно себе представить что переживали глядя на него в такие моменты люди, стремящиеся увидеть перст божий во всем, включая ветви деревьев.

Впрочем, туристы, в большинстве своем граждане Поднебесной, переживали совсем другие эмоции. Оживленно и улыбочиво они щебетали друг с другом на своем наречии, активно и совершенно бесстрашно перемещаясь по самому краю пропасти. Неизвестно как индейцы хулапай регулируют свои отношения с визитерами с юридической точки зрения, но никаких ограждений или даже знаков на краю этом не было. Провалиться в километровую бездну, поскользнувшись на оранжевых валунах визуально было проще простого. Я совершенно параноидально держал за руку норовившего вырваться ребенка и старался не подходить к краю слишком близко. Похоже моя осторожность была исключением из правил – некоторые из наших китайских спутников не просто были на краю – они позировали перед фотокамерами *склоняясь* в пропасть.

Один из аттрационов, ради которого мы приехали в эту часть Каньона, называется Skywalk (Прогулка по небу). Представляет он из себя исполинских размеров стеклянную подкову, укрепленную с одной стороны на краю Каньона и выходящую полукругом непосредственно в

пропасть. Поскольку подкова эта из стекла полностью, включая пол по которому шагаешь, то особенно чувствительных к серьезной высоте граждан просили воздержаться от «небесной» прогулки. Кроме этого был еще ряд ограничений – на этот мост нельзя было брать с собой сотовые телефоны и фотоаппараты. Последнее казалось досадным перегибом, поскольку виды с этого моста обещали быть просто фантастическими. Объяснялось это ограничение тем, что, якобы, дно каньона в этом месте уже так густо усыпано оброненными мобильниками и туристическими «мыльницами», что это уже представляет угрозу экологии. Индейцы, для которых Гранд Каньон не только дом родной, но и один из немногих источников дохода, берегут его даже от этого, казалось бы совершенно незначительного, влияния цивилизации. В реальности все оказалось куда прозаичнее. Запрет на камеры был продиктован капитализмом в его наиболее банальном проявлении – специальный фотограф в течении вашего моциона по стеклянному полукружью делает фотографии, а потом их предлагается купить в магазинчике сувениров, через который пролегал маршрут наружу.

Туристов, опять же тех, кому мандарин был родным, было в этот день так много, что на Skywalk стояла внушительная очередь, которая, впрочем, достаточно быстро двигалась. Мы стояли в очереди с группой солидного вида мужчин, которые что-то оживленно обсуждали. Было бы натяжкой говорить, что все они были похожи на Мао Дзэдуна, поскольку со времен Великого Кормчего одеваться в Поднебесной стали значительно разнообразнее. «Партбоссы наверное», подумал я - характерная стрижка и выражение лица у каждого их них заставляли предполагать причастность к классу власть имущих. Никто из них не говорил по-английски, что отличало их от представителей китайского бизнеса, которые как правило изъясняются на нем весьма сносно. Молодой индеец, сотрудник аттракциона, регулирующий очередь, был по видимому готов к встрече с экскурсантами из любых уголков планеты. Подойдя к этой группе, он громко и вопросительно произнес «Five?», показывая при этом пять пальцев. Оказалось, что слово это они знали и все хором ответили «Five!» и дружно показали по пять пальцев. Все выглядело довольно забавно. По сути своей этот эпизод был контактом цивилизаций, но только в отличие от других таких встреч, проходивших в этой местности столетие-другое назад, был он спокойным и можно даже сказать дружелюбным. Обе стороны были выглядели удовлетворенными результатом диалога.

Индеец этот интересовался количеством туристов в группах, чтобы пропускать на стеклянную подкову людей не дробя эти группы. Посмотрев на нас он отчего то даже не спросил сколько нас, вероятно это было сразу понятно. Может быть он подумал, что мы тоже индейцы. Нас с сыном как то раз приняли за таковых когда мы были в маленьком городке Принстон, что на дороге в Южный Оканеган. Тут на Гранд Каньоне индейцы приветливы, хотя их традиционные песнопения звучат агрессивно и жутковато для непривычного уха – на арене неподалеку, несмотря на дождь, шло представление какого то племенного обряда. Гранд Каньон огромное счастье для племени хулапай и великое множество платежеспособных китайских визитеров подтверждает это как нельзя более красноречиво. Другие же племена, которым повезло меньше с родовыми вотчинами, вынуждены строить казино и торговать сигаретами. Общего у хулапай со, скажем,

потомками Бизоньего Горба только освобождение от уплаты налогов и, как утверждают некоторые источники, проблемы с алкоголизмом.

Ходить по стеклянному мосту действительно страшновато. В первые моменты чувствуешь легкое головокружения от вида под ногами, но это быстро проходит, хотя ощущение хрупкости всей конструкции остается. Гиды не устают повторять что конструкция моста, несмотря на визуальную хрупкость, с таким запасом прочности, что даже Боинг мог бы тут приземлиться. Первым же человеком шагавшим по этому мосту был американский астронавт Базз Олдрин, знающий что такое прогулка по небесам не понаслышке – он был членом экипажа, высадившегося на Луне в 1969 году.

Надо сказать, что стеклянным на этом мосту является все – и бортики и пол. Так что в какой то момент можно действительно ненадолго почувствовать себя висящим в невесомости над Гранд Каньоном. Народу на мосту довольно много, но все передвигаются осторожно с благоговением глядя на оранжевую пропасть.

- До нее три с половиной мили, - кто то авторитетно сказал, показывая на изгиб течения реки Колорадо где-то далеко внизу.

«Партбоссы» негромко переговаривались, с нескрываемым восхищением глядя в даль и показывая друг другу что-то на скалах. Кто-то, втихаря протащив с собой фотокамеру, исподтишка делал фотки. «Партбоссы», увидев это, перешли на осудительный тон, недовольно смотря на нарушителя правил. Нарушитель не был китайцем. Китайцы, в основной своей массе, народ очень дисциплинированный. Даже тут, вдали от Поднебесной, хотя может быть и под присмотром партии в виде этих солидных дяденек. Другое дело, что впечатление от Гранд Каньона вообще и от моциона по стеклянному эллипсу в частности остается несколько парадоксальным – оно таково, что, как будто бы Гранд Каньон со всеми его красотами вдруг телепортировали в вancouverский Чайна-таун.

Однако, настоящий Чайна-таун начинается в сувенирной лавке сразу на выходе с моста. Все девушки-сотрудницы этого магазинчика – англо-говорящие китайки, но видно, что для большинства из них английский не родной. Поскольку идет выбор и покупка фотографий, сделанных на мосту, то речи на мандарине в этой лавке очень много. Судя по всему Гранд Каньон открыл для себя гигантский рынок в виде потребителей красот природы из Поднебесной и тут делается все, для того, чтобы туристы оттуда не испытывали никаких лингвистических сложностей. Мог ли предполагать Бизоний Горб, отправляясь в поход против техасцев, что через всего каких-нибудь 150 лет в этом месте Гранд Каньона мандарин вытеснит и ненавистный английский, и хорошо известный испанский и уж тем более его родной язык команчей, бывший тогда настоящим Lingua Franca в торговле между племенами прерий?

Времена меняются, языки тоже. Остается только Гранд Каньон.

Гуано

Как то раз в школе на уроке химии нам рассказывали про нитраты. Потом нам дали задание что-нибудь почитать по этому поводу. Я, помнится мне, взял в библиотеке массивный гроссбух с просто энциклопедическими данными по всей неорганической химии. Забавным оказалось то, что неорганическое соединение нитраты имеют зачастую вполне органическое происхождение. Организмы, активно его производящие, это птицы и летучие мыши. Иногда бывает так, что продукт этой производительности, растянутой на тысячелетия, аккумулируется в гигантских объемах на небольших площадях. И называется этот продукт в этом случае заморским словечком гуано.

Залежи гуано это по сути своей массивные хранилища окаменевших фекалий птиц и летучих мышей. Там где есть гуано должно быть сухо – вода имеет свойство вымывать нитраты из даже окаменевших нечистот. Гуано обладает рядом крайне полезных особенностей. Оно использовалось как удобрение для почв, как составной компонент в изготовлении взрывчатых веществ и, как как бы парадоксально это не звучало, в косметике, в частности туши для глаз. Описывая полезность гуано, знающие англоязычные граждане любят добавлять прибаутку «Теперь ты понимаешь, почему твой дедушка так часто говорил твоей бабушке убрать это дерьмо с ресниц?». Сейчас важность гуано как ресурса отходит в прошлое. Современные фертилайзеры для почв куда более эффективны, что уж говорить про оружие. И даже в той же «Маскаре» гуано уже не найти, так что наверное прибаутка будет жить быть может еще одно поколение прежде чем навсегда уйти из живого языка в толковые словари прошлого.

Гуано добывалось в основном в Южной Америке. Но вот один из таких ресурсов, давно утративший свою актуальность, находится в одной из пещер Гранд Каньона, тут в землях хулапай. Попасть в него со стеклянного моста проще простого – стоит взять шаттл от Skywalk'a до этой точки Гранд Каньона, которая так и называется Guano Point. Шаттл идет туда всего минут пять. Оказавшись на Гуано Пойнт любой здравомыслящий турист отдаст должное профессионализму деляг туристического бизнеса, планирующих визиты на Гранд Каньон в этом месте – все что было увидено до Гуано Пойнта, включая прогулку по стеклу, выглядело по сравнению с величием и благообразием этой точки каньона также как, скажем, стандартная «хрущевка» с отелем «Беладжио» в центре Стрипа в Вегасе. Совершенно понятно почему Гуано Пойнт припасен напоследок – покажи его вначале, во все остальные места резервации хулапай никто и носа не сунет, не говоря уже о том, что туристические доллары останутся не потраченными. Это видимо и называется правильным маркетингом.

Гуано Пойнт это длинный (километра полтора), и узкий (визуально от 20 до 50 метров в зависимости от точки местонахождения) массив, уходящий прямо в центр локального разлома Гранд Каньона. По нему можно пешком дойти до того места, где все вокруг как на вершине горы – обрывы со всех сторон, река Колорадо далеко на дне и чувства страха и мистичности, окутывающие как облака отроги и скалы лежащие где-то внизу. Как раз в этом месте и находится старая заброшенная штольня, где когда-то давным давно добывали гуано летучих мышей для производства динамита. Стоя над этой штольней (там есть такой небольшой и удобный для

обзора холмик) ощущаешь себя как в эпицентре урагана, застывшего во времени. В таких местах могут зарождаться религиозные движения или переживаться божественные откровения. Еще в таких местах делается астрономически большое количество фотографий.

Мы всей семьей резво прошагали от автобусной остановки до самой штольни став по щиколотку оранжевыми от размытой охры. Ребенок радостно карабкался по красным скалам, измазав куртку и штаны. Отчего то в этом месте нет суматохи подобной той, что царила когда мы только приехали, хотя визитеров с Поднебесной также много. Почти все помогают друг другу с фотографированием, несмотря на языковые барьеры. И все время от времени останавливаются и задумчиво смотрят в даль. Несмотря на совсем небожественное название местности (все таки гуано) многие туристы похожи на посетителей хорошо намоленного храма с неподдельной благодатью.

- У, тут красиво! Папа, смотри – bald eagle!

Мой сын показал на летящего белого орла. Выглядел он практически также как и наши канадские. Образ Гранд Каньона немыслим без парящего орла; устоявшийся стереотип имеет вполне обоснованные корни. Орел важно покружил и скрылся в перине тумана.

Мы долго бродили по каменистым тропинкам Гуано Пойнта, глядя то на обрыв справа, то слева, то спереди не переставая дивиться факту, что в месте, от которого в буквальном смысле захватывает дух, сосредоточено так много древних нечистот.

Индейцы хулапай делают много для того, чтобы их культура не осталась незамеченной в величественной тени Гранд Каньона. На специально оборудованной арене ансамбль вокалистов и танцоров исполняет какой-то ритуал, с характерными нервными танцами и жутковатым подвыванием. Они одеты в мокасины, куртки и леггинсы с бахромой с неизменным головным убором из перьев. Инструменты тоже традиционные, барабаны и бубны. Они стараются и несмотря на то, что ритуал скорее устрашающ, чем привлекателен, от него остается хорошее впечатление.

Кое-где можно увидеть хижины в которых их предки жили в те времена, когда земля все еще тряслась от бешеного топота миллиона бизонов. Тут же воссоздана индейская баня, sweating lodge по английски. И баня и хижины производят несколько убогое впечатление. Они крошечные даже по меркам киргизских юрт. Один из экспонатов этого музея под открытым небом удивил – это был настоящий тандыр для выпечки. Очень похоже на среднеазиатский, но только, как и все вокруг, ярко-оранжевого цвета. У моего ребенка в школе был как то раз урок об индейской кулинарии и мы даже попробовали индейский хлеб баннок. Но то был хлеб канадских индейцев; что именно пекли предки индейцев хулапай в этих оранжевых тандырах осталось неясным.

Удел племени в долгосрочной перспективе выглядит неплохо благодаря Гранд Каньону. Как и везде тут тоже есть проблемы. Бросается в глаза избыточность веса у многих. Куда серьезнее

проблема с алкоголем; показателен факт того, что один их официальных праздников племени хулапай это Sobriety Day или День Трезвости по-русски. Еще одна проблема это безработица, несмотря на то, что больше половины персонала тут индейцы. Возможно эта проблема исчезнет после того как Дональд Трамп построит тут отель, о чем уже ходят слухи по всей Неваде.

По дороге обратно силуэты деревьев Джошуа сияли свежестью в полумраке после прошедшего дождя. Я продолжил чтение о походе Бизоньего Горба. Это был эпический поход по меркам тех времен и ресурсов. В рейд были взяты даже женщины – вещь практически немыслимая для племен прерий. Команчи пересекли весь Техас и взяли штурмом порт на побережье Мексиканского Залива. Из жителей городка уцелели лишь те, кто смог вовремя отплыть на безопасное расстояние в море. Орды Бизоньего Горба разграбили и сожгли порт, захватив большое количество добычи, самым ценным из которых были лошади. Читая о команчах не перестаешь изумляться их сходству во многих аспектах с киргизами; бесконечная любовь к лошадям лишь одна из деталей, сближающих эти два, столь разных народа.

Каньон был вотчиной и последним пристанищем команчей, но не Гранд Каньон Аризоны, а каньон Пало Дуро, в Техасе. В Пало Дуро были разгромлены последние из кочевых команчей, а остатки загнаны в резервации где-то в Оклахоме. Американская кавалерия настолько опасалась рецидивов их воинственности, что почти все захваченные лошади в том каньоне были уничтожены, что дало повод для легенды – говорят, что в полнолунные ночи (полнолуние в Техасе до сих пор называют Comanche Moon) гигантский косяк лошадей-призраков с потусторонним ржанием пронесется по массивам каньона Пало Дуро.

Было уже совсем темно, когда мы заехали на плотину Гувера, архитектурно достаточно неприятное, но весьма внушительное по размерам сооружение. Расположена она прямо на границе Аризоны и Невады, и поскольку часовой пояс проходит по границе между штатами, попадая в Неваду экономишь целый час. Плотина не в состоянии работать в полную мощь из-за недостаточной полноводности реки Колорадо, которую она перегораживает. И хотя по размерам она в одной лиге с Гранд Каньоном, знакомство с этой плотинкой совершенно не будоражит - эрозия почвы в Аризоне куда более креативна, чем архитектурная мысль проектировщиков этой исполинской дамбы.

Был как то по каналу Дискавери фильм о том, что будет на планете, если человечество вдруг по каким-то причинам исчезнет. Всего через двести лет, утверждали авторы, плотина Гувера будет начисто стерта с лица Земли. Ничего подобного Гранд Каньону или тому же Пало Дуру не предрекалось. Что касается команчей, то от них осталась насыщенная событиями история и бесчисленные споры один из которых - как же все-таки звали того вождя, организатора военного рейда на побережье Техаса. Большинство источников свидетельствуют, что его имя Бизоний Горб (Buffalo Hump), но существуют данные о другом варианте – его имя на языке команчей звучало как Po-cha-na-quar-hip, что в переводе на английский означает “Erection that won't go down”.

Последний фронтир

- Мистер, вы не в очереди?

Небритый индеец с длинными волосами и зубами гризли на шее в виде бус приветливо смотрел на меня, держа в руках литровую бутылку водки. На этикетке был изображен белый медведь; витиеватый курсив читался как «Вечная Мерзлота». За ним стояла еще парочка ребят, будто бы сошедших со страниц рассказов Джека Лондона о Клондайке – угрюмо насупившихся, в грязной одежде и руками, словно только что добывавших золото в этой самой вечной мерзлоте.

- Нет, я не в очереди, - ответил я и отошел в сторону.

Я зашел в этот вино-водочной магазинчик, чтобы купить бутылку вина к ужину. Расположенный в самом центре города, магазинчик предлагал довольно большой ассортимент вин, но сразу было ясно, что крепкий алкоголь тут более популярен, чем легкое баловство типа пива или вина. Местная водка предлагалась в крупной по емкости таре и название ее прекрасно отражало местный колорит – кроме «Вечной Мерзлоты», были «Чистилище», «Обморожение» и ряд других не менее элегантных брендов.

Вот уже несколько часов я находился в Джуно – живописном городке, отчаянно прилепившемся к подножию огромной, густо поросшей лесом горы у окна и являющимся при этом административной столицей. То, что Аляска это само воплощение концепции контраста осознается сразу по прибытию в этот областной центр – штат Аляска по площади в два раза больше Техаса, но при этом ее столица это крошечный городок, растянувшийся в узкую полосу вдоль залива и насчитывающий около 30 тысяч душ.

Выйдя из магазинчика я отправился по узкой улочке, резко берущей вверх градусов под сорок. Прогулки по улицам Джуно требуют достаточно неплохой физической формы. Это вам не прерии – горы тут повсюду и даже самая высокая гора на этом континенте, пик МакКинли, расположена тут, на Аляске, правда намного севернее, там где теплый океан уже не греет побережье и зимой трещат настоящие морозы. Тут, в Джуно, да и пожалуй вдоль всех океанских языков, кромсающих берег на множество островов и полуостровов и собирательно известных как Внутренний Пассаж (Inside Passage) климат совсем не такой, каким он приходит на ум при упоминании об Аляске. Тут тепло и влажно, дожди бывает идут неделями, хотя ледники и айсберги совсем не редкость.

Многие города этого «Последнего Фронттира», как иногда называют Аляску, основаны золотоискателями для которых близость гор и превратности климата не были препятствием. Джуно не исключение. Своим названием он обязан канадскому золотоискателю из Квебека Жозефу Джуно, искавшему драгоценный металл в округе и, если верить легенде, серьезно раскошелившегося на виски для золотоискателей – делегатов съезда, созванного для решения вопроса с названием города. Было это давно, в 1881 году. Но и сейчас «золотое» наследие Джуно, если судить по необычайно плотности ювелирных заведений в даунтауне, живет и процветает.

Остановившись у перекрестка, чтобы перевести дух от бодрого шагания в гору, я оглянулся по сторонам. Окно офиса на первом этаже в ближайшем здании пестрело лозунгами вроде «Америка хочет работать!» и именем текущего американского президента Барака Обамы. На крыльце перед дверью в офис, сидели два коренастых индейца с интересом меня разглядывающих.

- Мистер, у вас есть две минуты? – вдруг спросил один из них.

Резкий запах перегара окутал меня словно облака вершину горы через залив. «Не иначе «Вечная Мерзлота»», передернулся я от неожиданности.

- Спасибо, мне ничего не нужно, - ответил я и продолжил восхождение.

- Мне не нужны ваши деньги, мне нужно только две минуты вашего времени! – крикнул мне он вслед.

Впереди замаячил купол православной церкви. Я ускорил шаг обрадованный тем, что водка не единственное русское наследие, оставшееся на Аляске.

Русское наследие

Факт продажи Русской Америки, нынешней Аляски, Соединенным Штатам, широкоизвестен не только любителям истории. В России эта транзакция века, осуществленная в 1867 году, была популяризована поп-группой «Любэ» в начале лихих девяностых разгульным кабацким шлягером «Не валяй дурака Америка!». Что касается самой Аляски, то знание это вкраплено не только в фамилии многих резидентов этого штата, но и в ландшафте городов и топонимике. Надо сказать, что сделка была феноменальной по своей выгоде для Америки, заплатившей примерно два цента за акр земли; репродукцию чека, выписанного американским казначейством русскому правительству можно без труда найти в Интернете.

Пыхтя как загнанная лошадь, я добрался до церкви. Здание этой церкви Святого Николая нельзя было назвать архитектурным шедевром. Незамысловато срубленная, она не была особо древней – табличка у забора информировала, что освящена она была «лишь» в 1894 году. Внутрь попасть нам не удалось, церковь была закрыта. В окошке прилегающего похоже окрашенного бело-голубого здания (судя по всему административной пристройке) мужчина с колоритной бородой напряженно всматривался в дисплей компьютера. «Не иначе батюшка трудится», подумал я, фотографируя церковь. Вспомнились бессмертные строчки Высоцкого «в небе синем колокольнями исколотом...». Небо над церковью Святого Николая в Джуно было грязно-серым с рваными клочьями облаков, но купол, как и где-нибудь на Среднерусской Возвышенности был золотым – «чтобы чаще Господь замечал».

Туристические проспекты об Аляске никогда не обходят стороной факт того, что когда-то эта огромная территория на северо-западе Северной Америки принадлежала России. Многие острова

и города здесь зовутся так, будто бы это вовсе не Америка – остров Баранова, остров Куприянова или Петербург не будут резать ухо англосакским прононсом. Бывшая губернаторша Аляски Сара Палин даже хвасталась (видимо, в шутку) тем, что видит Россию из своей резиденции. Если спуститься вниз от церкви Святого Николая то можно оказаться около самого фешенебельного отеля Джуно, именуемого «Бараноф» в честь первого российского правителя этих мест Александра Баранова. Немного ниже можно купить матрешку или хохлому в магазинчике, название которого не предполагает многих толкований – «Русский Дом». Там же, словно ископаемые в музее палеонтологии, выставлены на продажу осколки советского прошлого, вызывающие легкую улыбку у тех кто родился в той почившей империи и полное безразличие у всех остальных.

Я помню, как в глубоком детстве был под сильным впечатлением от рассказа Джека Лондона «Потерявший лицо» про, возможно, вымышленные события тут на земле Аляски и Юкона. Жестокие схватки казачьего отряда Малахова с местными индейцами в попытке обложить данью мехами (самым ходовым тогда товаром) местное население привели к разгрому этого отряда и проявлению чудес изобретальности в плену единственного выжившего по фамилии Субьенков. Заморочив голову вождю клана, он смог убедить его быстро отрубить ему голову, что в контексте описанных событий выглядело как своего рода выигрыш. Вождь, в итоге, лишился своего статуса в племени и стал «потерявшим лицо» - человеком, позволившим себя обмануть. Десятилетия спустя подобный же сюжет мне встретился в рассказе Элмора Леонарда «Тропа апачей» (Trail of the Apache), только роль казаков играла американская кавалерия, а индейцев Аляски – апачи Аризоны и Нью-Мексико.

Впрочем, взаимоотношения аборигенов и колонистов не всегда были напряженными. Тот же Александр Баранов был женат на дочери вождя и имел от нее троих детей. Уже в другом городке, Кетчикане, нас подвозила веселая девушка – узнав, что мы говорим по-русски, она радостно нам рассказала, что семья ее отца это русские колонисты со времен Русской Америки, перемешанные с коренными жителями Алеутских островов. На певицу Бьорк она была совсем не похожа, но говорила вполне искренне.

Русское наследие ярко представлено в торговле и не только матрешками. Многие торговые лавки этих крохотных городков вдоль побережья также апеллируют к этой традиции, пышно называя себя как-нибудь типа «Русско-Американская Компания».

В общем, Россия прошлого играет глубоко позитивную роль в облике Аляски современной. Возможно это связано с фигурой самого Баранова, который, если верить некоторым данным, был кристально честным человеком – при передаче дел следующему губернатору, реальный баланс превысил имеющийся в гроссбухе на серьезную сумму. Про чиновников нынешней России рассказывают много всякого, но ничего подобного слышать еще не приходилось. Возможно поэтому американцы с почтением относятся к персоне Баранова – в его честь назван не только центральный отель в столице, но и большой сухогруз, а в городе Ситка (бывший Ново-Архангельск) ему установлен памятник.

Золотая лихорадка

Скагвей принято называть городом, хотя при населении в тысячу человек этот порт к северу от Джуно больше похож на Голливудские декорации для съемок вестернов. Его неширокие улицы застроены бутафорскими зданиями, сооруженными во времена золотой лихорадки и многократно модернизированными с тех пор. Сам город, как и Джуно, зажат в тиски между практически отвесными скалами и узкой океанской губой.

Своим появлением Скагвей обязан новостям с Клондайка, облетевшими Америку в 1896 году. И хотя сам Клондайк расположен за сотни километров в канадском Юконе, дух Клондайка и «бриллиантовый дым» быстрого обогащения тщательно оберегается тут в Скагвее, последнем «цивилизованном» месте перед долгой и изнурительной дорогой к заветному золотоносному ручью. Дорога эта, Чилкут Трэйл, если судить по современным даггеротипам, едва ли была прогулкой по парку – отвесные заснеженные перевалы и донельзя нагруженные золотоискатели со сворами лаек тяжело топчущие снег длинной вереницей почти физически передают ощущение холода и усталости. Глядя на эти суровые черно-белые фотографии Скагвей с его барами и салунами кажется просто эдемским садом с виски и кабаре.

Один из таких салунов, «Красная Луковица» (Red Onion Saloon) функционирует до сих пор. Нравы в этом злочном заведении изрядно смягчились с тех пор, как толпы авантюристов со всей Америки проводили тут досуг до или после (если удавалось намыть золотишка) эпического похода на Юкон. В те времена тут был публичный дом, контролировавшийся местной организованной преступностью. Отчаянные девушки легкого поведения развлекали суровое мужичье за пригоршню долларов и узнать о том, как это было можно на втором этаже этого заведения, где теперь расположен музей. На первом же этаже теперь ресторан, забитый до отказа туристами. Приветливые официантки фертильного возраста одеты так, как должно было одевались сотрудницы салуна когда-нибудь в 1896. Я поболтал с одной из них, улыбочивой дамой с глубоким декольте виртуозно разносящей пиво возбужденным историей посетителям. Затеяливая цветная татуировка на ее мускулистых плечах была тем немногим, что мешало окунуться в «золотое» прошлое окончательно.

В здании напротив тоже музей – музей бара. Стойка, кассовый аппарат, витрина с архаичными бутылками пива, виски и другого горячительного сохранены в том виде в каком они были на рубеже 19-го и 20-го столетий. Странная музыка, льющаяся из допотопного фонографа наполняет бар стариной также как и резкий запах звериного меха. Теперь здесь тихо (если не считать старинной фонографической музыки), но трудно сомневаться в том, что в каком-нибудь 1898 в этом баре все было куда более оживленно поскольку кроме бара это заведение выполняло и функции местного казино, где золотоискатели резались в карты и играли в бильярд надо полагать не «на щелобаны». Если присмотреться к пивным бутылкам, то невозможно не заметить,

что тогда их импортировали сюда аж из Сиэттла, хотя теперь тут повсюду подают некий местный аляскинский эль – напиток далеко не элитный, но прекрасно вписывающийся в местный антураж.

Вся эта стилизованная под Дикий Запад, или точнее Северо-Запад, архитектура иногда содержит в себе смысловые ляпы. Одно из двухэтажных сооружений в центре местного бродвея зазывает очарованного туриста потратить доллар-другой вывеской «Копченый лосось и сувениры» (Smoked Salmon & Gifts), но при этом фасад его грубовато расписан изображениями белоголовых орлов, чаек, китов и дельфинов.

- Папа, а где же лосось? – озадаченно спросил меня ребенок, изучив анималистическую живопись.

- Видимо его всего закоптили, - пошутил я.

Но даже эти несуразности укладывались в ландшафт вполне себе естественно; строго говоря, вся эта шумиха с золотом на Клондайке заставляла предприимчивых и уверенных в себе граждан идти на совершенно неоправданные риски, свидетельством чему сухая статистика – из примерно ста тысяч золотоискателей реально золото нашли только четыре тысячи. Остальные 96% вне всякого сомнения сполна насладились красотами Аляски и суровой природой Юкона, теряя время, деньги, надежду, во многих случаях здоровье, а частенько и жизнь. Но если бы не эта золотая лихорадка такие шедевры Джека Лондона как «Любовь к жизни» и «Белое безмолвие» не стали бы культовой литературой советской молодежи, а уж тем более не сделали бы Скагвей туристической Меккой американского севера. Так что «безумству храбрых поем мы песню»...

Что касается копченого лосося, то с ним на Аляске полный порядок. Причем как с копченым, так и со всяким другим.

Лосось и другие звери

Время езды на автобусе из даунтауна Джуно на живописный ледник Менденхолл (Mendenhall) составляет около получаса. Часть пути пролегает вдоль океанского залива, куда впадает несколько речушек. Хайвей построен прямо над ними. У одной из этих речек в тот день наблюдалось серьезное скопление пернатой братии – белые чайки и черные вороны облепили берега так плотно, что было впечатление как будто кто-то пролил струю воды на шахматную доску. Проезжая прямо над речкой я обратил внимание на немного неестественный цвет воды.

- Сокай идет! – бодро сказал наш рыжебородый водила, указав на речку.

И тут я понял в чем было дело. Цвет воды был странным из-за того, что тысячи лососевых спин резали ее поверхность, идя на нерест в верховья реки. Темно-бурые, блестящие спины, толкаясь и отпихивая друг друга бороздили реку против течения, повинувшись могучему инстинкту продолжения рода. Трудно было даже сказать чего больше было в этот момент в этом русле – воды или лососевых тел, без усталости рвущихся к материнскому ручью, чтобы отложить (или оплодотворить) икру и умереть. Такого рыбного столпотворения я еще не видел, но

поразительней всего, что вся эта сцена, словно сошедшая с канала Animal Planet, имела место быть *в городе* и прямо *под главным хайвеем*.

- Сейчас не видно, но иногда на берегу лежат тюлени, - опять сказал водила – приплывают рыбкой на нересте закусить.

Тюленей не было, однако количество рыбных тел в разной стадии разложения обильно усыпали собой берега, свидетельствуя, что кое-кто покрупнее чаек закусывает тут однозначно. Через некоторое время мы увидели этих покрупнее, но были это отнюдь не тюлени.

- Последний автобус обратно в шесть вечера, - предупредил нас водитель, указав на вывеску на лобовом стекле, где это было прописано даже по-русски и причем без ошибок. Исполинская река льда, глетчер Менденхолл, была видна как на ладони с этой конечной остановки.

- А кто опоздает, что тогда? – спросила пышнотелая дама с гигантским фоторужьем.

- Кто опоздает будет ночевать с медведями, - ответил тот и по доброму улыбнулся.

Через две минуты, когда автобус скрылся за ближайшим перелеском, мы все узнали, что рыжебородый дядя вовсе даже не шутил.

Остановка примыкала к густому лесу, сквозь который был проложен лабиринт тропинок на помостах. Вдоль одной такой тропинки протекал ручей с уже видимой нами сценой – нерестящимся сокаем, только тут, уже вдали от океана, он был ярко красный с деформированными ртами, дышащий на свой рыбный ладан. Мы шли по тропинке, углубляясь в лес. Вдруг резкий звериный запах брызнул в лицо, заставив нас инстинктивно замедлить шаг. Послышался топот дюжины ног – группа людей с объективами длиной в руку резво промчалась мимо нас.

- Она переместилась, - бросил полушепотом на ходу один из них.

Мы переглянулись, пытаюсь понять что же все-таки происходит.

Где-то далеко глухой трелью прозвучало что-то вроде отбойного молотка.

- Не иначе Сара Палин строчит из пулемета, - весело сказал один из приехавших с нами в автобусе туристов. Все остальные засмеялись.

Человек с фотоаппаратом, быстро шагающий мимо нас, неодобрительно взглянул на нашу группу и приложил палец к губам.

- Тихо. Она там не одна.

«Да кто же там?», промелькнуло в голове. Любопытство и страх перед неизвестным смешались в один нервный венегрет эмоций. Я взял ребенка за руку, напряженно всматриваясь в почти сплошную зеленую стену из деревьев.

Тропинка делала резкий крюк, обогнув который мы увидели толпу народа, которые перешептываясь показывали пальцами в сторону чащи. Женщина в униформе американского рейнджера в широкополой шляпе с улыбкой приблизилась к нам и негромко сказала:

- Она поймала еще одну рыбу.

Сбросив скорость до минимума мы приблизились к тому месту, где стояла толпа. Вдруг все стало ясным – черная медведица с двумя медвежатами размером не больше моего кота, спокойно тусовалась в зарослях. Один из медвежат сидел на дереве, второй с аппетитом поглощал красного лосося, сидя на траве. Тихонько жужжали фото и видео камеры. Английская речь перемежалась с немецкой, но к этой закономерности мы уже привыкли еще в Британской Колумбии – чем более дикая природа вокруг, тем больше немцев с фоторужьями. Медведицу отчего-то совершенно не смущало большое количество людей, разглядывающих ее и ее потомство с деревянного помоста в каких-нибудь десяти метров от нее. Откуда ни возьмись появилась еще одна рейнджерша с такой же ослепительной улыбкой как и у первой. Встав около нас, она важно заметила:

- Их у нас тут на Менденхолле семнадцать.

Семнадцать черных медведей, медведиц и медвежат без страха перед людьми спокойно рыбачат в окрестностях глетчера Менденхолл, нагуливая жир перед аляскинской зимой в каких-нибудь двадцати минутах езды от даунтауна Джуно. Девиз штата Аляска «Последний Фронтир» оправдывал себя на все сто процентов у этого глетчера.

Одним из самых серьезных походных предметов, которые стоит брать с собой на Аляску является бинокль. У нас его не было, что лишило нас массы возможностей понаблюдать за легендарной фауной Севера в деталях. Медведи Менденхолла не в счет – они подпускают к себе так близко, что бинокль не нужен. В Скагвее мы взяли машину и поехали на Юкон, пересекая запутанные границы Аляски, Юкона и Британской Колумбии. В десятке километров от городка Каркросс дорога проходит вдоль ослепительной красоты озер с изумрудной водой. Остановившись у одного из них, чтобы сделать фотографии, мы заметили купающегося лося. Вот где бы бинокль пришелся кстати – нас разделяли не менее пятисот метров. Лось был без рогов, так что может быть эта была лосиха, хотя сказать точно было трудно поскольку самец свои величественные рога время от времени сбрасывает. Был он желтоватого цвета; энергично нарезая круги по отмели у берега, он словно обдумывал плыть или не плыть через озеро. Глядя на него мне вспомнилось как много лет назад отец мне описывал запутанную родоплеменную структуру киргизов, из которой я понял, что клан, к которому принадлежал он (и, видимо, теоретически и я) назывался *сары-быгыш*, что в буквальном переводе означает «желтый лось». Помню, я с удивлением спросил его тогда, откуда такое странное название, ведь лоси в Кыргызстане никогда не водились.

- Так ведь на Алтае они есть! – с энтузиазмом ответил мне тогда отец.

После чего последовала не менее запутанная легенда о мифическом герое Манасе, приведшим киргизские племена с Алтая на Тянь-Шань по причинам, еще более загадочным, чем сама фигура Манаса. Сюжет этот в полумифической истории многих народов крайне популярен – Арпад

привел орды венгров в Паннонию, Аспарух сделал тоже самое с ордами болгар, откочевав с Волги на берега Черного моря и тп. Начал накрапывать мелкий дождик. Вершина горы, примыкавшей к озеру, которое бороздил лось, стала затягиваться тучами. Тучи довольно быстро поглотили редколесье на вершине и стали сползать вниз. Лось по прежнему топтался на мелководье, так и не решив плыть или не плыть. В своей нерешительности он напоминал Кыргызстан который получил собственную государственность, благодаря совершенно уникальному стечению исторических обстоятельств, и сразу после этого увяз в нерешительном топтании на месте несмотря на сгущающиеся над ним тучи.

Но континентальная Аляска не совсем то же самое, что прибрежная. Аляска побережья интересна морской фауной самых разных, часто исполинских размеров, а также тем, чего больше нигде нет в таком легкодоступном виде – гигантских размеров глетчерами, или ледниками как их называли в курсе школьной географии за шестой класс.

Ледники

Один мой приятель, человек с медицинским прошлым, рассказывал мне, что как-то раз на экзамене в институте перепутал евстахиеву трубу с фаллопиевой, чем поверг в шок профессора. Этот забавный эпизод вспоминается при навигации в сложной системе проливов, островов и полуостровов южной Аляски. Если смотреть на карту, то изрезанный тектоническими катаклизмами берег словно пронизан тысячами труб разной толщины в разных направлениях, самое популярное из которых – с юга на север. Люди знающие утверждают, что еще один виновник этой комплексной топографии это глетчеры, беспощадно кромсающие Аляску даже сейчас.

Мы бороздили прибрежные воды на большой посудине, шедшей под голландским флагом. После захода в Скагвей, корабль отправился в длинный узкий залив, именуемый Glacier Bay из-за высокой плотности ледников, сползающих в него со всех сторон. Вода за бортом походила на суп с вонтонами из-за плавающих в ней льдин разного калибра, не тянущих однако на айсберги. Погода была прекрасная. Натянув на самые уши шапки (так-то бывает в августе на Аляске), мы жадно пожирали очами чуда света по обе стороны нашего судна.

Ледники на фотографиях не состояниии передать ощущение величия и грандиозности этого любопытного природного явления, давшего название целой геологической эпохе. Благодаря цикличности прохладных и теплых периодов планеты, ледники, эти колоссальные реки льда, то сковывают своими ледяными объятиями гигантские участки суши, то отступают на север и в высокогорье, чтобы вновь разползтись по континентам в следующий ледниковый период. Если верить таблицам геологических интервалов планеты, ледниковые периоды штука довольно банальная – последний из них был всего несколько сотен лет назад.

Любые попытки вербально описать увиденные глетчеры являются красноречивым подтверждением известного клише, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Глядя на

огромные бело-голубые массивы льда, очень четко начинаешь понимать насколько крошечна и незначительная твоя роль в этом мире, где на геологической шкале все имеет несопоставимые с привычными нам размеры – как время, так и пространство. Попытаться сопоставить себя с глетчером это тоже самое, что сопоставить себя и, скажем, инфузорию-туфельку – только в другую сторону. Кое где поверхность ледника выглядела так, как будто некий великан насыпал ее перцем из гигантской перечницы.

- Ну надо же, ледник не чистят! – фыркнула стоявшая неподалеку американка и сразу же зажужжала фотокамерой.

С другой стороны судна раздался нешуточный грохот. Оказалось, что от глетчера откололась глыба и с треском и грохотом рухнула в воду. Кое кто успел снять этот эпизод на видео и теперь радостно прокручивал отснятое знакомым.

Гористая местность вокруг глетчеров была почти полностью голой, без какой либо растительности если не считать редкие кустики и траву. Это не мешало, однако, местной разновидности горных козлов задумчиво глядеть в нашу сторону. Козлы эти абсолютно белые с небольшими черными рожками. Чем они тут питаются осталось загадкой.

За ледниками в этом заливе, который еще является национальным парком США, следит лесничий, или лучше сказать ледничий. Ввиду удаленности залива от цивилизации трудно сразу понять каковы функции этого лесничего, кроме как рассказывать туристам об особенностях того или иного глетчера. Более того, в середине сентября залив покрывается льдом до следующей весны и всякая навигация в нем полностью прекращается. И стоят себе глетчеры, скованные холодом даже больше обычного, среди белого безмолвия и трескучих морозов и лишь одинокий лесник, терзаемый приступами *cabin fever*, угрюмо смотрит на них в те моменты, когда скупые лучи короткого полярного дня согревают на мгновение тысячелетнюю бело-голубую толщу, помнящую трубный глас мамонта и топот шерстистого носорога.

Каяки и ножи

В детстве я, помнится, листал книжку американского художника Рокуэлла Кента, где были вклейки с репродукциями его работ. Многие из них я до конца не понимал (наверное и до сих пор не понимаю – символичность, заряженная верой в коммунизм, это штука на любителя), но вот все, что касалось изображений ландшафтов севера мне запомнилось неплохо. Самая яркая его работа это пожалуй что «Эскимос в каяке» на которой эскимос в белой куртке гребет на фоне айсберга посреди пугающе безграничного водного пространства. Репродукция передавала ощущение хрупкости и опасности. Сколько ему плыть до родного стойбища? Не вынернет ли агрессивно настроенный морской зверь из ледяной пучины? Не налетит ли ненароком шторм? Картина поднимала множество тревожных вопросов и судьба отважного эскимоса выглядела весьма неопределенной.

Я не мог отделаться от воспоминаний об этой работе Кента, усаживаясь в трехместный каяк вполне современной конструкции в деревушке недалеко от Кетчикана. Айсбергов вокруг не было – Кетчикан расположен у самой южной оконечности Аляски, откуда рукой подать до канадского Принца Руперта. Океан был не так спокоен как на картине; легкая рябь бодрила серую поверхность и порою, когда вдали торопливо проплывала моторка, вода вспенивалась небольшими волнами.

Управлять каяком было делом непростым и довольно трудоемким - плечевой пояс работает как следует, хотя пластиковое весло очень легкое. Самое главное приноровиться к тому, чтобы правильно поворачивать в ту или иную сторону. Для этого в каяке есть специальная педаль, контролирующая скрытую под водой лопасть. Но это современная инженерная мысль – как управлялись с поворотами этой лодки эскимосы времен Кента (и раньше) остается загадкой. Возможно, что каяк для эскимосов был сродни лошади для кочевников Центральной Азии; подобно тому как дети в азиатских степях учились ездить верхом раньше, чем ходить, дети эскимосов осваивали каяк в соответствующем возрасте. Вполне вероятно, что седла для лошадей и педали для каяков это инновации, появившиеся значительно после того, как всадники-гунны опустошили Европу, а эскимосы расселились от Аляски до Гренландии, покорив тундру и ледяные моря.

Начинать на каяке плавание в океан (который язык не повернется назвать открытым – это довольно узкий залив), к островам в нескольких километрах от берега, довольно страшновато. Вполне свойственные нам, континентальцам, приступы паники проходят минут через десять, когда весло худо-бедно начинает слушаться. В море то и дело выпрыгивал лосось – как раз шел нерест сокая. У островов морские звезды самых разных расцветок лепились к скалам. Вода была теплая, как в океане так и от мелкого дождика, покрывавшего мои очки мутными разводами. Обогнув острова и взяв курс обратно мы поняли одну важную особенность – эта часть Аляски ничем не отличается от побережья Британской Колумбии и острова Ванкувер.

Каяки не единственное изобретение эскимосов, привнесенное в общечеловеческую культуру. Еще один культовый предмет получил, по крайней мере в этих местах, широкую популярность – эскимосский нож улу. Его можно увидеть во всех магазинах, торгующих сувениры для туристов. Нож этот больше похож на небольшой мастерок, рукоятку которого немного видоизменили, но он, как оказалось, крайне удобен в резке овощей. Конечно же исторически вряд улу использовался для резки овощей (да и вряд ли эскимосы вообще употребляли в пищу овощи). Я видел фотографии, на которых добытая охотниками белуха (белый кит) где-то на Баффиновой Земле разделяется женщинами для вяления – они ловко кромсали ломти белухи окровавленными улу на почти что идеальные квадраты.

Мы купили улу в Кетчикане и с тех пор жена использует только его в приготовлении салатов. На лезвие заметна гордая надпись «Сделано на Аляске», сталь может быть и не золингеновская, но вполне приличная. Традиционно, улу занимал почти что сакральное место в быте эскимосов; нож этот тщательно оберегался и передавался из поколения в поколение. Считалось, что опыт, накопленный поколениями семьи, хранился в улу и получавший его потомок получает весь опыт

отцов и дедов. Если это правда, то наш улу будет хранить знания о том, как готовить греческий салат. Передастся ли это знание далее покажет время.

Эскимосы и индейцы, золотая лихорадка и медведи с лососем, айсберги, улу и русское наследие – Аляска интересна и непохожа другие уголки планеты. Разнообразие сюжетов на Аляске чем-то напоминает кубик Рубика, хаотично запутанный и ждущий любителя головоломок, готового потратить время и силы, чтобы увидеть в хаосе путь к упорядоченности. Но все аспекты жизни и истории, увиденные нами на Аляске, оправдывают лозунг штата – это действительно фронтир. Печально лишь то, что скорее всего он действительно последний.

Последний Дикий Запад

Закат мог бы быть более ярким, если бы черные и неровные, как кляксы пролитой на ватман туши, облака не заслоняли собой время от времени солнечный овал. Вой ветра и рев прибоя казались все более громкими, быть может потому, что пробивающиеся сквозь тучи и ветер лучи становились все слабее. Под ногой хрустнуло; я опять наступил на высохшую скорлупу какого-то моллюска. Ребенок что есть сил тянул меня по мелкому, как пудра, песку к ближайшим валунам. За тесно заросшим соснами утесом вдруг мелькнула корабельная мачта. Я пригляделся. Я был неправ. Мачтой оказался раскачивавшийся в такт порывам ствол старого дерева, почти полностью лишенный веток. Старого настолько, что вполне возможно, его видели матросы испанских галеонов, бросавших якорь у этого пляжа более двухсот лет тому назад. Галеоны, как это ни странно для той эпохи, на задержались в этих местах надолго, уступив место английской короне и компании Гудзонова Залива. Все, что осталось от их скоротечного визита лишь скудные данные в энциклопедиях, да название деревушки неподалеку – Тофино.

Пролив

Существует гигантское количество поводов не соглашаться с точкой зрения Джорджа Буша на те или иные аспекты повседневной реальности и глобальное потепление лишь один из них. Как известно, президент Соединенных Штатов считает, что этого явления в природе не существует. Многие жители Британской Колумбии придерживаются иного мнения, ибо последние несколько лет сырой и дождливый климат Северо-Западного побережья, от Сиэттла и до верхней оконечности острова Ванкувер, стал удивительно засушливым. Острее всего этот феномен пережили в этом году жители Тофино, где за июль-август вместо среднестатистических 200 мм осадков выпало всего 3. Поэтому, когда моя жена уверенно загрузила в багажник дюжину бутылок с водой, я, сделав усилие, подавил в себе вспышку сарказма и с пониманием кивнул. Вода в Тофино нам пригодилась, но, как оказалось, по совершенно другой причине.

Отступавший несколько тысячелетий назад ледник пробуравил поверхность провинции в которой я живу, настолько серьезно, что огромные массивы суши оказались вдруг островами, отделенными от континента проливами разной ширины. Иногда проливы эти узкие и тогда континент и остров, как правило, соединяет мост, но чаще мостов нет и попасть на остров можно лишь на пароме. Ванкувер, самый крупный из таких островов, отделен проливом Джорджия, самым широким из проливов.

Из ванкуверской гавани Хорсшу Бэй паром идет на остров до городка со смешным названием Нанаймо около двух часов. Окрестности этой гавани и плавание через пролив убедительно оправдывают девиз провинции "Beautiful British Columbia" (есть такая странная особенность в Канаде и Америке - давать девизы провинциям и штатам). От Хорсшу Бэя исходит известная своей живописностью дорога на Вистлер, там где будет зимняя олимпиада в 2010. Будучи зажатой между Coast Mountains и морским заливом, она помпезно, но не без оснований, называется Sea to Sky. В хорошую погоду вода в гавани и в проливе сверкает синевой с солнечными блестками. Цвет этот, в сочетании с зеленью густых лесов вокруг и снежных макушек гор, запросто создает людям с моей степенью близорукости иллюзию натурального импрессионизма - стоит только снять очки.

Хорошая погода и йодистый морской воздух превратили моего ребенка в настоящий динамит - я едва поспевал за ним в лабиринте лестниц и переходов паромного судна. Поэтому любоваться пейзажами вокруг приходилось между прочим, что, в общем то, тоже удавалось. Дорога на Нанаймо не так сильно изобилует каменистыми островками, на которых любят загорать тюлени (по другому не скажешь, хотя понятно, что загар им вроде как ни к чему). Таких островков много, когда паром идет в Викторию, а это значительно южнее. Дорога на Нанаймо сродни океанскому вояжу в миниатюре - когда за дрожащей дымкой исчезают силуэты скайскрейперов даунтауна, вокруг не видно ничего кроме бескрайнего синего (в плохую погоду серого) океана да чаек, парящих иногда почти параллельно судну. И хотя земли не видно всего чуть больше часа, а паром совершенно не похож на утлую джонку, первобытный страх нет-нет да пронзит мелким ознобом при взгляде на горизонт. И как только люди расселились по всей Полинезии, включая даже те клочки суши, типа острова Пасхи или Хендерсона, что удалены на сотни миль от ближайших, зачастую таких же крохотных островов? Тур Хейрдал в свое время пытался доказать, что Гавайи и Пасхи (и что-то еще) колонизировали американские индейцы, преодолевшие гигантские расстояние по беспокойному океану на плотках из бальсы. Тающие между небом и водой очертания даунтауна не могли не убедить меня в том, что колонисты эти были людьми далеко не робкого десятка. Впрочем, ребенок носящийся как метеор с палубы на палубу, на давал возможности сосредоточиться на подобных размышлениях.

При приближении к гавани Нанаймо несколько живописных утесов и довольно крупный остров полностью заросший елью дают понять, что цивилизация осталась на континенте. Это правда только отчасти, ибо Нанаймо вполне современный городок, с вездесущим Старбаксом и типичными североамериканскими моллами. Но природа даже в самом Нанаймо сохранилась в более первозданном виде, чем в Ванкувере, что несколько странно, поскольку городишко этот старше Ванкувера на дюжину лет. Нанаймо ассоциируется у людей малоискусшенных типа меня в первую очередь с Пэмелой Андерсон, которая тут родилась, и с так называемым Nanaimo bar -

очень вкусным тортиком, рецепт которого сочинили нанаймовские повара еще в 1930-х годах, и который теперь такой же краеугольный камень кондитерского мира Канады, как, скажем, Киевский торт в России или пахлава в Средней Азии.

Как только мы выгрузились с парома, умотавшийся ребенок уснул в своем выдавшем виды кар-сите. Умотавшиеся же родители взяли курс на тот берег острова Ванкувер, где уже нет уютных проливов, а есть только непостижимый в своих размерах Тихий океан.

Остров

Британская Колумбия настолько велика по площади, что, как когда то писал National Geographic, саму Британию в ней можно спрятать так, что британцы ее никогда не найдут. Тут много всего самого большого (высокого, глубокого и тп). В местных вода, к примеру, живут самые большие дельфины, которых тут называют Orca или Killer Whales, а по русски это касатки. В местных лесах водятся самые большие медведи - гризли. Остров же Ванкувер тоже самый большой - на западном побережье Северной и Южной Америк. И хотя в мировом масштабе он "всего лишь" 42-й, это совершенно не чувствуется, когда едешь по серпантину горной дороги от Нанаймо до Тофино. Горы, разделяющие по центру остров, весьма типичны для западной Канады - снежные вершушки, очень густой лес, в основном хвойный, и множество красивых, обычно узких и длинных, озер. Местами лес редок - работа логгеров. Тучи кое где накрывают собой вершины, вселяя почти что библейское благоговение. Мы ехали по извилистой, как линия Серпинского, дороге, которая выглядела неуклюже лишней на фоне почти что первобытного ландшафта.

Трафик на дороге был почти несуществующим по сравнению с ванкуверским. Раз минут в 5-10 попадалась машина, ехавшая нам навстречу. Над вершушками пихт величаво парили орлы. Дорога почти постоянно шла вдоль обрыва с одной стороны и отвесных отрогов с другой и может быть поэтому других животных, обычно смело тусующихся вдоль трассы, не было видно. Однако в одну пробку мы все таки попали, простояв в ней минут 15 - примерно в самой середине острова жутковатого вида машины шумно долбили скалы, расширяя дорогу. Дорога, вообще говоря, была не широкой - всего по одной полосе в каждую сторону. Но принимая во внимание, что асфальт тут проложили лишь в 70-х годах, она вполне приличного качества. Веселая блондинка, регулирующая движение вблизи этих гремящих монстров, приветливо с нами поболтала.

- Далеко еще до Тофино? - спросил я, закрываясь от солнца ладонью, как Илья Муромец с известного полотна.

- Часа два езды.

- Дождь то будет?

- Ждем-с.

И почему все женщины, работающие в этой дорожной, с позволения сказать, индустрии, блондинки? Впрочем, на родине Пэмелы Андерсон так наверное и должно быть.

Изредка вдоль дороги висят рекламные постеры с предложением заняться рыбалкой на каком-нибудь озере неподалеку. Люди, знающие толк в местной рыбалке, ловят в таких озерах форель и пресноводную разновидность лосося именуемую кокани. Кокани меньше своего океанского сородича, но по слухам не менее вкусный. Общая теория такова, во всем, опять же, виноват ледник. Его беспорядочное отступление к северу привело к тому, что часть лососяной популяции оказалась отрезанной от большой воды и постепенно в каждом водоеме лосось эволюционировал в кокани. В совсем уж больших озерах, типа Харрисона, водится осетр, но его ловить нельзя, так как популяция его сильно пострадала и сейчас восстанавливается, будучи под строгой охраной. Я, помнится мне, когда был пацаном, ловил самодельной удочкой в Иссык-Куле чебачка да маринку, которых даже и рыбой то назвать нельзя по сравнению с лососем Британской Колумбии. Увы, чебачок тот и тогда был редок, а сейчас по слухам почти пропал, да и сам Иссык-Куль, уникальный водоем с соленой водой медленно, но неуклонно движется по стопам Арала. Глядя на многочисленные озера по дороге в Тофино, Иссык-Куль невозможно не вспомнить. С грустью.

Довольно интересный участок дороги проходит через провинциальный заповедник МакМиллан. Лес в этом заповеднике (он, собственно, поэтому и заповедник) это нетронутые человеком и природными катаклизмами пихты Дугласа и красные кедры гигантской высоты и обхвата. Некоторые из них, если верить данным опубликованным на постерах у дороги, старше 800 лет, но большинство "молодняк" - всего под 300. В заповеднике можно остановиться и погулять по специальным тропинкам, опутывающим участок леса, прилегающий к дороге. Лес в этом месте как в картинках из детской энциклопедии со статьей о джунглях, которую я замороженно перечитывал помногу раз в далеком детстве - исполинские стволы, кое где поваленные старостью и бурями, лианы, обвивающие массивные ветви и полностью покрытый ковром из мха и каких-то хвощей и плаунов нижний ярус, удивительного нежно-зеленого цвета. Когда то вся Британская Колумбия была покрыта такими лесами. Теперь же такие вот сохранившиеся фрагменты девственной природы тщательно оберегаются от логгеров и служат серьезным фактором привлечения туристов. И надо признать, что сам факт того, что лес, пусть даже такой древний, является туристическим объектом не может не навеять невеселых мыслей. Большой автобус с такими вот туристами из Китая припарковался одновременно с нами и оживленная толпа бросилась бродить по лабиринтам тропинок активно жужжа цифровыми камерами. Вспомнились читанные недавно статьи про экологический коллапс обширных территорий Поднебесной и донытья в животе захотелось, чтобы чаша сия миновала Британскую Колумбию.

После населенного пункта Порт Альберни, где нет ничего примечательного кроме лесопилки (в силу наличия которой пункт собственно и существует) и до самого Тофино дорога идет сквозь полнейшую дикость. Дорога делает крутой изгиб почти у самого берега, оставляя озеро Кеннеди справа от себя - озеро настолько большое, что если бы не карта, я бы остался в полной уверенности, что это океанская губа, въевшаяся глубоко в тело острова. Но океана не видно до самого Тофино и вовсе не потому, что он далеко, а просто из-за того, что лес на побережье

настолько густой, что охарактеризовать его можно как сплошная зеленая стена. Представьте себе то, что называлось когда то в совке живой изгородью, увеличенную в тысячи раз и вы получите смутное подобие этого барьера из растительности.

Там, где дорога изгибается в сторону Тофино, налево уходит трасса в деревню с романтическим названием Уклюет, которая по населению значительно превосходит Тофино (1753 против 1286 душ), но по какой то непонятной причине несравнимо менее популярна как точка туризма. Не мне судить, но кто знает - быть может все дело в названии этой деревушки.

Проехав сквозь коридор из зеленых стен, мы наконец то въехали в заветный пункт назначения. Океан, окружающий его с трех сторон, моментально сделал понятным факт того, почему за сезон Тофино посещает более миллиона человек. Я вышел из машины и, взяв ребенка на руки, долго смотрел на ближайший залив. Двести с лишним лет назад глаза Джеймса Кука, Джорджа Ванкувера, Вальдеса и Галиано видели почти тоже самое - разницей были лишь моторки Boston Whaler, пришвартованные у простенькой деревянной пристани и несколько аккуратно подстриженных фикусов.

Деревня

Названия, даваемые разным географическим объектам, не всегда легко объяснить или хотя бы предположить такое объяснение с точки зрения здравого смысла. Иногда сделать это можно с каким то приближением; вот, скажем, Новгород наверное был так назван потому, что предводитель славян ильменских, его заложивших, решил по какой то причине, что этот населенный пункт будет отличаться от других (может быть, Пскова или Ладоги) своей новизной. Чаше названия лишены логики и могут быть отслезены лишь в историческом контексте. В Канаде полно таких "нелепых" названий. Ванкувер расчленен на две неравные по площади части длинным и узким заливом Баррард. Назван этот залив, если верить источникам, в честь некоего Гарри Баррарда, который никогда не бывал в здешних местах, но при этом был другом Джорджа Ванкувера в годы его службы в Карибском море. В память о друге капитан Ванкувер назвал открытый им залив, на берегах которого потом вырос город, носящий уже имя самого Ванкувера. Эта часть западной Канады, как и многие другие регионы Северной Америки, изобилует названиями индейского и британского происхождения. Но кое где неожиданно, как василек в однородном поле ржи, проскакивает испанское словечко - остров Габриола, залив Кордова, деревня Тофино.

Редкость таких испанских названий объясняется тем, что к моменту освоения и колонизации Северо-Западного побережья Америки, британский флот начинал серьезно доминировать в большей части известных европейцам вод. Строго говоря, сам остров Ванкувер открыл вовсе даже не Джордж Ванкувер, а легендарный Джеймс Кук, сложивший голову вскоре после этого на Гавайских островах. Открытие острова совпало с началом самой популярной разновидности коммерции в те времена - торговли пушниной.

Серьезные исследования островов Британской Колумбии были начаты одновременно как британцами, так и испанцами. Однажды, экспедиция под предводительством капитана Ванкувера неожиданно столкнулась с кораблями испанских картографов Вальдеса и Галиано. Несмотря на то, что обычно такие столкновения ничем добрым не заканчивались, Джордж Ванкувер и испанцы довольно дружелюбно отнеслись друг к другу и даже поимели совместную трапезу. А затем разошлись, как в море корабли. В буквальном смысле.

Исследуя западное побережье острова Ванкувер, Вальдес и Галиано назвали одну из бухт именем испанского адмирала, картографа и учителя математики (вот ведь какая разносторонняя личность!) Висенте Тофино де Сан Мигеля. Было это в 1792 году. Впрочем, сама деревня появилась намного позже, в 1875. Ну а дорогу к ней проложили и вовсе недавно, в 1959.

Главный козырь Тофино в привлечении туристов это удивительно длинный и убийственно красивый пляж, который так и называется - Лонг Бич. Пляж этот простирается почти по самого Уклюета, и каждый фрагмент этого пляжа на всем протяжении имеет свое "узкое" название. Пляж это полоса белого, очень мелкого песка, шириной в сотню метров, выходящая прямо на открытый океан, где прибой не прекращается никогда и рев волн стоит постоянно. Это нравится серфингистам - затянутые в черные гидрокостюмы, с вытянутыми овалами досок в руках, они бесстрашно бросаются в пенящиеся буруны. Серфингистов много, причем разного возраста и обоего пола. Пару лет назад я как то видел карту ареала большой белой акулы, куда включалась южная половина острова Ванкувер. В свете этого воспоминания невозможно не предположить, что серфингисты народ отчаянный - люди бывалые утверждают, что самое большое проявление храбрости это пребывание угрозой быть атакованным акулой. Впрочем, экстремальные виды спорта популярны в Британской Колумбии, как нигде. Сноубординг - еще один пример. По слухам, на могилах сноубордистов, сложивших головы в местных горах, по традиции пишут "He died when doing what he loved" (Он умер, делая то, что любил). Я видел как то раз, что вытворяют сноубордисты, когда ехал на фуникулере на вершину горы Блэккомб в Вистлере - такое наплевательское отношение к, как минимум, собственному здоровью позволяют себе далеко не все. Пишут ли тоже самое на могилах погибших серфингистов мне неизвестно. Зато хорошо известен другой факт - экстремальные виды спорта, включая серфинг и сноубординг, занятия далеко не дешевые. Но дешевизна это совсем не то, что ожидает рядового туриста в Тофино. С точки зрения коммерции - Тофино это воплощенная в реальность мечта любого гангстера, от Аль Капоне и до Пабло Эскобара. И дело вовсе не в нелегальных видах деятельности или криминале - их скорее всего как таковых в Тофино просто нет. Дело в монополии. Смысл существования гангстеров сводится к постоянному стремлению к монополии в каком то бизнесе, будь то алкоголь или кокаин или чтонибудь еще. В мире гангстеров стремление к такой монополии чревато вещами неприятными типа членовредительства или умертвления конкурентов; в Тофино же монополизировано почти все и безо всякого членовредительства. Возможно, это стало реальностью из за того, что деревушка маленькая и контролировать ее экономику, которая почти полностью зависит от туризма, относительно легко.

Собственно монополия сводится к тому, что несколько заведений общепита, один вино-водочный магазин и два гастронома это все, что ожидает туриста, избалованного бесконечным

богатством выбора, доступного на континенте. В Тофино нет привычных сетей супермаркетов типа Safeway или Save-On-Foods, нет кофейных джойнтов таких как Старбакс или Тим Хортонс и (о ужас!) нет даже иконы развитого капитализма - МакДональдса. Вместо этого вас ожидают небольшие сельские забагаловки, вполне приличные с точки зрения предлагаемой снеди, порою с нелепым антуражем и с ценами, от которых холодный пот прошибает до самых кончиков бакенбард. Если принять во внимание, что за год сюда приезжает более миллиона человек, а ближайшая деревня (тот самый Уклюлет) в 40 километрах, можно представить себе насколько рентабелен должен быть бизнес у этих сельских заведений. Запасенная вода в багажнике пришлось кстати - уж на нее то можно было не тратить.

Впрочем, мы как туристы, были нетипичны. Визуальные наблюдения показали, что основная масса приезжих делится на две части - среднего и пенсионного возраста европейцы (очень часто слышится немецкая речь) и канадская молодежь, внешний вид которой не предполагает обеспеченности и которая часто передвигается по острову автостопом. И тем и другим дороговизна наверное по барабану. Все это, конечно же, с лихвой компенсируется пляжами, стонущими водами прибоев, первозданными лесами, утесами и скалами, и всякой морской фауной, которую запросто можно лицезреть прямо на берегу. Принято считать, что Тофино это место, где поэт и художник может почерпнуть подорванное суетой большого города вдохновение; такие вот художники и поэты бродят там и сям по пляжу с задумчивыми лицами, глядя на горизонт. Мы гуляли по пляжу с ребенком, который отказывался сидеть в коляске, потому что побежать рассматривать моллюсков, облепивших прибрежные валуны было куда интереснее. Равно как и наблюдать за морскими звездами и попавшими в каменные полости с водой креветками - существами, опоздавшими к отливу. Гулял ли по этому пляжу Джордж Ванкувер, Джеймс Кук или Вальдес с Галиано? Возможно. Не говоря ничего о полученных ими впечатлениях от местного ландшафта, история сохранила упоминания об их неподдельном интересе к морской фауне региона. Увы, интерес этот был глубоко отличен от поэтического или художественного и в конечном итоге привел в резкому сокращению популяции калана, чья пушнина оказалась объектом коммерции сначала Британской короны, а потом Компании Гудзонова Залива. Выменивать пушнину у индейцев островов Нутка и Ванкувер на котелки и бусы было популярно до тех пор, пока мех не вышел из европейской моды. Начало такой торговли ознаменовало собой, как и во многих других уголках американского континента, трагедию аборигенов, которая отчасти продолжается и до сих пор.

Индейцы

Один из туристических проспектов, которые в большом количестве представлены на стенде парома, характеризует населенный пункт Эсовиста как "flourishing settlement". Расположено это местечко в километрах десяти от Тофино и представляет из себя несколько проржавевших трейлеров и грубо сколоченных избушек; оно настолько крошечное, что его даже нельзя назвать деревней. На улице перед "домами" развешано белье для просушки, что показательно - сушилки настолько прочно вошли в канадский бытовой уклад, что увидеть такое вот развешанное белье

почти нереально. Между трейлерами уныло шляются беспородные неухоженные дворняги. Из поселка в сторону Тофино бредут вдоль дороги индейцы, иногда голосуя проезжающим машинам. Выглядят они совершенно не так, как представляет себе индейца среднестатистический выходец из "совка", очарованный легендарными образами Гойко Митича.

Если сделать попытку охарактеризовать такого вот современного индейца Британской Колумбии в двух словах, то получится следующее: добродушие, граничащее с наивностью. Спокойствие, флегматичность, даже какая то инфантильность - это тоже можно добавить. Я был однажды свидетелем эпизода в Ванкувере как в большой очереди в какой то фаст-фуд люди платили деньги в кассу и ждали минуту другую, пока заказанный бургер не вынырнет из окутанных паром недр джойнта. Когда очередь рассосалась (кончился перерыв на ланч у офисных работников) одинокий индеец продолжал стоять еще минут десять, виновато смотря на кассиров. Оказалось, что в суматохе заказ у него приняли, деньги взяли, но забыли выдать. И вот он, вместо того, чтобы как нормальный канадец спросить, а чего так долго, (американец бы устроил скандал и стал бы звонить своему адвокату) просто стоял и молчаливо пялился с виноватым видом на кассиров, как ребенок ждущий Деда Мороза. Когда все прояснилось бургер ему с извинениями конечно же дали, он вежливо всех поблагодарил и медленно побрел куда то.

Индейцев в Британской Колумбии несоизмеримо меньше, чем всех остальных. Причины столь резкого дисбаланса не оригинальны - европейские болезни, привнесенные вояджерами и колонистами, повторили то, что произошло в других частях континента на столетие-другое раньше. Квантлин Колледж один из наиболее популярных у выпускников ванкуверских средних школ; табличка у реки Фрезер недалеко от Форта Лэнгли поведаст любознательному прохожему, что в этом месте была большое поселение индейцев племени Квантлин, тогда, когда Форт Лэнгли только закладывался. Спустя несколько лет от индейцев и деревни осталось только слово, загадочным образом перекочевавшее в название колледжа, - все племя целиком вымерло от оспы.

- Привет Том, у тебя что новый щенок?

- Привет Ванесса. Как дела?

Индеец лет тридцати пяти сидел на ступеньках тофинского гастронома с кондовым советским названием "КООП" с симпатичным щенком лайки. Грубая грязная веревка вместо поводка. Том небрит, заросший, в замызганных куртке и джинсах. Хорошая полупьяная улыбка на лице. Ванесса с иголки одетая блондинка, бизнес-леди по манерам и решительным движениям, уверенно зашла в гастроном и уже было закрыла за собой дверь, как Том вдруг произносит:

- Ванесса, щенок новый. Хаски.

Та понимающе кивает и углубляется вовнутрь. Том продолжает полупьяно и отрешенно улыбаться, поглаживая симпатичную собачонку. Имена у местных индейцев совсем не такие как в романах Майн Рида и культовом фильме советских школьников "Вождь Белое Перо". Незамысловатые, широкораспространенные английские имена - Том, Джон, Люк, Кристина,

Дженнифер, Маргарет... Только вожди, которых изредка показывают по телевидению и у которых берут интервью глянцевого журналы, добавляют к своим простым английским именам что нибудь экзотическое, типа "Билл Бешеный Медведь Джонсон". Индейские фамилии не сложнее имен. Куда подевались все эти, завораживающие с детства, Монтигомо Ястребиные Когти, Дикие Мустанги и Длинные Карабины? Канули в небытие вместе с индейцами Квантлин и яростью Джеронимо.

Сумерки сгустились и залив, отлично видимый днем с главного тофинского "проспекта", слился с небом. Ребенок сонно глядел по сторонам, сидя в коляске. Мы перешли через улицу; трое индейских подростков, что то сосредоточенно курили. Увидев нас, один из них начал отчего то стыдливо бычковать и прятать куда то в рукав обшлюявленную самокрутку. Его примеру последовали и двое других. Почувствовался сладковатый аромат марихуаны. Как и Том, подростки небритые и заросшие, в засаленной одежде, не знавшей "Тайда". Тот, что начал прятать бычок первым, что то буркнул двум другим и вся компания, одинаково сутулясь, неуклюже перешла дорогу в противоположную сторону. Вспомнился заголовок из читанной пару десятилетий назад "Литературной газеты", на том развороте, что был посвящен зарубежной хронике - "Облик такой молодежи подчас трагичен".

Индейцы в Канаде не платят налоги и имеют привилегии, типа могут ловить лосося сетью, в то время как все остальные должны пользоваться удочками. Их резервации раскиданы по всей провинции; по свидетельству друга, некоторое время работавшего пиццезомом, в день выдачи вэлфера (это типа пособия неимущим) количество заказов из близлежащей резервации резко возрастает. Они режут обалденные тотемные столбы с животными и мифическими существами, как бы вырастающими друг из друга; особенно этим славятся племена с Островов Королевы Шарлотты, что лежат далеко к северу, у Аляски. У них богатая мифология и завораживающая история. Что касается будущего, то тут трудно сказать что то определенное. Несколько лет назад проходил я как то мимо обувного магазина в Барнаби, в котором была распродажа. Народ в буквальном смысле роился в пирамидах коробок с туфлями и сандалями в самой популярной капиталистической забаве - как можно больше сэкономить. Одна груда таких коробок отличалась от других - на крышках было стилистическое изображение сурового индейца с карабином в руках и банданой на голове. Под портретом была надпись таким же шрифтом, что использовался на листовках во времена освоения Дикого Запада - GERONIMO. Легендарный вождь апачей, совершавший дерзкие набеги и бросавший вызов американской кавалерии, стал заурядным брэндом вполне мирного товара.

Имя вождя тофинских индейцев также увековечено - пляж Виканиниш потрясающе красивое место; одноименная гостиница неподалеку рассчитана на толстосумов. О том, что Виканиниш это имя вождя я узнал из брошюры, взятой в мотеле где мы останавливались. Чем знаменит этот вождь и соизмеримо ли его величие с Джеронимо, Татанкой Йотанкой и Ситкой Чарли я нигде не нашел.

* * *

Возраст ребенка не дал нам возможности испытать самое интересное - мы не смогли поехать на моторке смотреть китов, касаток и медведей (которые едва ли не позируют туристам на каких близлежащих островках). Почти каждый городок на острове Ванкувер предлагает подобного рода экскурсии, но в Тофино они особенно славятся из за того, что за один тур можно посмотреть и китов, и медведей и даже гнездовья белоголовых орлов.

Вместо этого мы с ребенком исколесили побережье в округе, и ненастье не было нам преградой. Свежий океанский воздух, пахнувший йодом водорослей и солью, едва ли не буквально очищает разум, подтверждая избитый тезис о том, что "Tofino coastline is a great place reconnect yourself with nature". Частенько накрапывал дождик и дул сильный ветер. Оставляя следы на мокром песке, я представлял нас скаутами капитана Ванкувера, исследующими пляж в надежде найти индейцев, готовых к бартеру пушнины на европейские безделушки. Место действия и антураж дикой первозданности вокруг вполне соответствовали этой роли. Проблема была лишь со временем (чуть больше двухсот лет) и весьма современным Bed&Breakfast, прилепившимся на скалах вдали.

Преследуя убегающего ребенка я взобрался на выступающую в море скалу почти полностью покрытую плотной мозаикой из мидий. Поймав сына, я взял его на руки и посмотрел на запад. На западе не было ничего кроме ревущих бурунов Тихого океана. Одинокий ствол, принятый мною за мачту галеона, по прежнему раскачивался в такт порывам ветра. Мы с смотрели на него, на крошечный утес, густо поросший соснами, на белые гребешки набегающих волн. Мы смотрели на океан, стоя на самом краю самого крайнего Запада. Крайний Запад был так же дик как и двести лет назад. Хочется верить, что когда мой сын приведет сюда моего внука, дикость эта не исчезнет.

Часть третья - Вымыслы и Домыслы

Об именах

Несмотря на то, что в Канаде национальной игрой - тут было бы уместно сказать религией - является хоккей, в Британской Колумбии довольно серьезно развит тот европейский футбол, который на этом континенте называют соккером. Возможно это обусловлено большой пропорцией иммигрантов из тех стран, где религией можно считать соккер, таких как Англия или страны Латинской Америки. В то, теперь уже былинное время, когда моя иммиграция только началась, тревожнения и хроническое безденежье скрашивались любительским футболом-соккером по субботам с подобным мне, но при этом и крайне разношерстным людом.

Играл со мной в одной команде парень из истерзанного войной Сальвадора по имени Ромеро. Был он приветлив в общении, с грозно рокочущим даже для латино звуком «р» в разговорах на неродном ему английском; глядя в его черные, как спелые оливки, глаза вспоминались такие

читанные когда-то в ранней юности слова как Кетсалькоатль и Чичен-Ица. Ромеро был техничен; он умел закручивать мяч в обвод «стенки» не хуже Креспо или Суареса. Бывало что иногда на наши игры приходила его худая смуглая жена. Она скромно, если не сказать сиротливо, стояла на обочине футбольного поля, наблюдая за потными мужиками, гоняющими выдавший виды мяч; при случайной встрече взглядов она виновато улыбалась, нервно теребя потертую сумку на плече.

Помнится как я что-то обсуждал с Ромеро после игры, когда она подошла к нам и он нас представил.

- Это Долорес, моя жена. Моя, головная боль, - сказал он и почему-то громко рассмеялся.

Долорес сдвинув брови и сверкнув вороныими очами, легонько стукнула его по спине.

«И чего это он?», подумал я тогда.

Работал я в то время в колл-центре одного крупного американского сотового оператора. Мой рабочий деск располагался прямо рядом с испанским отделом, чье существование было оправдано растущей семимильными шагами испаноязычной популяцией в Америке, особенно в таких местах как Лос Анджелес, Нью Йорк и Майами. Знакомый кубинец, работавший там, и учившийся когда то в Москве, дал мне как-то полистать книжку с легкомысленным названием «Испанский для чайников». Несмотря на название, книжка была неплохо составлена и очень доступна для восприятия. Простудировав с дюжину страниц, я с ужасом осознал причину сардонического подхихикивания Ромеро над супругой. «Долор» по испански означает «боль»; соответственно девушку звали в переводе на русский даже не просто «Боль», а «Боли», во множественном числе. При этом их фамилия звучала как Де Кабеза; «кабеза» по испански «голова», отсюда и головная боль о которой и говорил Ромеро.

Как и масса других имен в испаноязычных культурах, имя Долорес имеет вполне четкие христианские корни. Дева Мария, мать Христа, согласно преданию пережила в жизни семь больших горестей и поэтому в католической церкви иногда зовется как Мария Семи Горестей. Слова «горесть» и «боль» в испанском обозначаются одним словом «долор». Любопытно, что имя Мария в Латинской Америке распространено также широко как и Долорес. Уменьшительно-ласкательная форма этого имени известна всем, кто когда либо интересовался творчеством Владимира Набокова – Лолита. Все это я узнал уже позже, а тогда меня очень удивляло каким образом родителям могло прийти в голову назвать дочь таким странным именем?

Изучение вопроса откуда берутся те или иные имена может быть весьма увлекательным времяпрепровождением. Часто, однако, бывает так, что точных данных, типа как в случае с Долорес, найти не представляется возможным и тогда открывается поле для спекуляций. Обычно в качестве официальной версии выбирается наиболее правдоподобная. Как, например, в случае с именем страны в которой я живу. Никто уже не скажет точно откуда взялось слово Канада, но якобы европейский первопроходец Жак Картье в диалоге с двумя индейцами племени гурон получил от них инструкции как пройти к их деревне, что на языке их племени звучало как «каната». Было это в 1535 году. Если это так, то вторая по площади (после России) страна в мире,

раскинувшаяся от Атлантики до Тихого Океана и входящая в «большую семерку» называется не иначе как просто «Деревня». Понимал ли Картье на что идет, называя так сначала небольшую область в южном Квебеке, а потом и весь Квебек подобным образом (название это значительно позже распространилось на всю современную Канаду)? Что мешало ему поискать более соответствующее калибру открытия название? Можно конечно предположить, что азарт поисков судоходного выхода к Тихому Океану с последующими перспективами торговли с Китаем заслонил собой здравый картографический смысл. Однако так это или не так надежно окутано туманом истории.

Те индейцы гурон, что были проводниками Жака Картье возможно и не подозревали, что название их племени сыграет серьезную роль в североамериканской топонимике. Самый пожалуй известный географический объект, носящий имя Гурон это одно из гигантских озер, входящих в систему Великих Озер Северной Америки. Само же племя сохранилось, правда, в весьма усеченном виде, и имеет собственную резервацию в Квебеке, где даже осуществляет попытки сохранения языка (делать это крайне трудно будучи лингвистически между английским молотом и французской наковальней, выражаясь образно). Судьбу племени гурон можно назвать счастливой на фоне бесчисленных трагедий других коренных народностей Америки, полностью исчезнувших с лица Земли. Причины этих трагедий были разнообразными, и одна из них – преднамеренная раздача зараженных оспой одеял не имеющим иммунитета индейцам.

Эта губительная политика в отношении североамериканских племен активно промотировалась в свое время Британской короной с целью ликвидации коренного населения в буквальном смысле. Один из ее активных адептов был главнокомандующий английской армии в Америке Джеффри Амхерст. По его собственному признанию, он *«был готов использовать любые методы для уничтожения этой отвратительной расы»* (мой вольный перевод). Операция Амхерста по раздаче зараженных одеял считается одним из первых задокументированных фактов биологической войны. Любопытно однако то, что имя этого сурового английского офицера увековечено в географии Новой Англии и Канады; самый, пожалуй что, известный из населенных пунктов названных в честь него это вполне себе мирный академический городок Амхерст в Массачусетсе, где расположен университет и одноименный колледж. Имя Амхерст ассоциируется теперь куда больше с качественным высшим образованием нежели с политикой геноцида по отношению к американским аборигенам.

Судьба имени Амхерст вполне созвучна имени другого английского генерала, Роберта Монктона. Примерно в ту же эпоху, когда Амхерст планировал свои биологические атаки, Монктон отличился (опять же под эгидой Британской короны) в борьбе с французами в Квебеке. Англия тогда выиграла войну с Францией и французские колонии последней стали английскими. В силу запутанных политических коллизий у английской администрации в приатлантической области Канады (известной сейчас как Новая Шотландия) сложилось впечатление о нелояльности франкоязычного населения этой области английской короне. Избавится от дискомфорта этой (мнимой или реальной) нелояльности было решено весьма радикальным образом – все население этой области, по французски именуемой Акадия, было депортировано (многие были отправлены в тогда все еще франкоязычную Луизиану). Руководил процессом депортации своей

железной рукой генерал Роберт Монктон. Столица канадской атлантической провинции Нью Брансуик названа в его честь. Город этот известен тем, что несмотря на усилия генерала по депортации, изрядная часть населения считает французский своим родным языком; кроме этого принято считать, что в Монктоне отлично готовят лобстера, которого вылавливают в богатых этим ракообразным прибрежных водах.

Бывает и так, что тема имен той далекой эпохи колониальных войн раскрывается более щедро, чем ожидаешь. Помнится в далеком детстве, я листал какую-то книгу по искусству, где была репродукция полотна с названием «Понтиак вождь оттава». На репродукции был изображен атлетичного вида мужчина с решительным лицом и в индейской одежде. Понтиак, легендарный вождь, возглавивший одну из знаменитых войн против британской колонизации континента, был лидером племени оттава. Его имя продолжает жить в названиях ряда топонимов, а также в марке американского автомобиля. Название его племени подарило имя столице государства где я живу. Полотно это, как тот пресловутый шампунь *Head&Shoulders*, был как два в одном – изучение вопроса привело к знанию и о Понтиаке и об оттава.

В такой практике бывают ситуации, когда название чего-либо именем одиозных исторических личностей прошлого порождают недопонимание между аборигенами Северной Америки и разного рода официальными организациями. После широко известной операции по ликвидации Бен Ладена, президент Обама дал понять (по причинам не совсем ясным), что название этой операции американского спецназа было «Джеронимо», по имени легендарного вождя апачей, много лет неустанно водившего за нос американскую кавалерию, преследовавшего его в пустынях Аризоны и Нью-Мексико. Масса индейских организаций выразили протест против такого названия, апачи в том числе, а потомок самого Джеронимо даже написал официальное письмо президенту с требованием принести извинения. Шуму в прессе по этому поводу было едва ли больше, чем по поводу самой операции и ее результата. В то же самое время, когда Пентагон называл боевые вертолеты американской армии «Апач» никаких протестов не возникало. Очевидно, что название несущей смерть боевой машины современным апачам не столь неприятно как название отдельно взятой операции, принесшей смерть вполне определенным лицам.

Однажды я побывал в крошечном городке Каркросс в канадской провинции Юкон. Городок это был одним из тех немногих, что лежали на пути в глубь провинции, туда, где течет заветный золотоносный ручей Клондайк. Сейчас это туристический пункт, где можно увидеть косящие под старину ювелирные магазинчики с характерными названиями типа «Золотой Песок» и отведать невероятных размеров плюшки с корицей. А тогда, в конце 19-го века, тут пили, дрались и готовились к тяжелому переходу суровые золотоискатели, стянувшиеся сюда со всего света.

Золотые лихорадки в то время сотрясали континент. Золото находили то на Юконе, то в Колорадо, то в Калифорнии. И всегда история была похожей – гигантское число авантюристов устремлялись к золотоносному потоку, где всегда имел место одинаковый сценарий: либо ты быстро находил золото, либо быстро терял сбережения и здоровье. Философия обогащения как такого в таких местах резко контрастировала с пуританской, той что оставалась далеко на востоке, в Новой

Англии. Там на востоке, неторопливый пуританин планировал достичь благосостояния «потихоньку - через трезвость, бережливость и кропотливый труд»¹². А тут на золотых приисках все надеялись прыгнуть из грязи в князи, может быть не безболезненно, но однозначно быстро. Причем азарт моментального обогащения висел в воздухе бриллиантовым дымом не только над руслом рек, где усталые мускулистые парни промывали песок, но и в салунах, где состояния переходили из рук в руки в течении нескольких часов при игре в карты. Потеря всего не считалась чем-то позорным и каждый, кто проигрался в пух и прах всегда мог все начать сначала. Неудача была лишь этапом на пути к успеху и поэтому среди серьезных исследователей бытует мнение, что благодаря такому сложившемуся отношению к неудачам сегодняшний американский капитализм крайне динамичен.

Динамизм этот можно встретить не только в бизнесе, но и казалось бы в такой консервативной сфере как имена, даваемые детям американцами и канадцами. Россию принято считать страной консервативной; если это так, то сфера имен, даваемых детям, едва ли не самое яркое проявление этой консервативности. То множество имен из которых родители черпают идеи относительно того как назвать ребенка как правило ограничено именами из Библии (особенно Нового Завета)¹³, традиционными именами греческого и славянского происхождения с редкими, иногда нелепо звучащими, вкраплениями появившимися в советское время, типа Баррикада или Даздраперма (скажу сразу, что эти два имени я знаю лишь из литературы и киберпространства, а вот человека по имени Владлен я знал лично).¹⁴ Общий пул имен из-за этого консервативного подхода достаточно ограничен. Многие имена порою оказываются несколько затертыми, то, что называется по английски *overused*. Помнится мне в моем классе в средней школе было целых четыре Наташи, что создавало небольшую неразбериху (уже позднее имя «Наташа» стало нарицательным с не особо благородными коннотациями в таких местах как Турция). Дела обстоят совершенно иначе в Америке – тут динамизм имен бывает ошеломляет девятым валом изобретательности и неожиданности.

Пул имен из которых американцы черпают идеи намного шире из-за того, что американская нация имеет множество этнических компонентов, не только европейских, хотя европейские имена преобладают. Можно запросто встретить мужчину с итальянскими корнями, носящего германское имя Курт; я лично знаком с девушкой, чьи родители иммигрировали из Индии, но это не помешало им назвать дочь (опять же!) Наташей. При этом американцы очень легко трансформируют фамилии известных граждан в имена – имя МакКензи, будучи изначально коренной шотландской фамилией, теперь довольно распространенное женское имя (еще

¹² Характеристика американского историка Брэндса (H.W. Brands), в оригинале звучащая как “a little at a time, year by year through sobriety, thrift and steady toil”.

¹³ Многие ветхозаветные имена, такие как например Давид или Сара, очень широко распространены в англоязычном мире; в России же их можно встретить в почти исключительно еврейских семьях.

¹⁴ Тут я имею ввиду прежде всего этнически русских граждан России. Дела с именами среди других этносов России могут обстоять совсем иначе.

примеры: Харрисон Форд – известный американский киноактер, Андерсон Купер – популярный журналист с канала CNN).

Но на этом дело не останавливается. Любые слова могут запросто стать именем, и главное в том, что отношение к этому абсолютно нормальное. Мальчика могут назвать Рок (Rock – камень по английски), а девочку Мелоди (мелодия). Именами могут стать календарные обозначения, такие как Эйприл или Мэй (Апрель и Май соответственно) или название штата (знаю девушку по имени Дакота). У моих друзей есть приятель которого зовут Кел; родители называли его так, потому что он родился в канадском городке Келовна. Как то раз в вancouverском аэропорту, где я проторчал много часов по ряду причин, я столкнулся с местным политиком популистского толка по имени Стоквелл Дэй (Stockwell Day)¹⁵. Имя этого политика очень необычно и в переводе на русский может прозвучать как «хорошо припасенный» (в толковании возможны варианты). Одно время в англоязычном мире было распространено имя Гэйлорд (Gaylord), то есть «Веселый Лорд» буквально; однако с приобретением слова *gay* вполне конкретных новых коннотаций, отличных от «веселый», популярность его сошла на нет. Венцом этой именной фантазмагии пожалуй что можно считать известную историю, рассказанную Левиттом и Дубнером¹⁶. Как-то раз в многодетной американской семье отец семейства назвал одного из мальчиков Виннер (Winner, «победитель» по английски), а другого Лузер (Loser – «неудачник»). Был ли папаша под воздействием *spiritus vini* когда давал детям такие имена или же просто хотел пошутить истории неизвестно. Судьбе, однако, было угодно сыграть шутку куда более интересную. Биографии мальчиков оказались диаметрально противоположными, но совсем не так, как может показаться глядя на их имена. Лузер закончил колледж и Полицейскую Академию и в конце концов стал начальником полицейского пресинкта (аналог российского РОВД) в одном из американских городов и уважаемым в своем комьюнити гражданином. Виннер же избрал карьеру мелкого криминала и не раз оказывался по разные стороны закона со своим единоутробным брательником.

Заслуживает отдельного рассмотрения тема имени как дани уважения тому или иному индивидууму. Ушедший из жизни русский оружейный конструктор Михаил Тимофеевич Калашников запомнился миру странным предсмертным посланием российскому церковному патриарху и беспрецедентной по популярности моделью огнестрельного оружия, официально классифицированного как АК-47. Оружие это настолько популярно в многих частях Африки (в том числе), что его помещают на национальные флаги, как это сделал измученный гражданской войной Мозамбик. Кроме этого, серьезность роли этого оружия в новейшей истории Африки

¹⁵ Стоквелл Дэй (Stockwell Day) политик федерального уровня, занимавший одно время пост министра в правительстве Стивена Харпера. Когда я только приехал в Канаду, он возглавлял почившую в бозе федеральную партию «Канадский Альянс» и был заметной медиа фигурой по этому поводу. Тогда же я впервые услышал известную теперь композицию ирландской группы U2 “Beautiful Day” и некоторое время всерьез полагал, что песня эта использовалась в качестве музыкального сопровождения избирательной кампании этого политика.

¹⁶ См. «Freakonomics: A Rogue Economist Explores the Hidden Side of Everything (P.S.)»

прослеживается в мужском имени Калаш, ставшего популярным в некоторых странах черного континента. Интересно, что слово «калаш» как таковое можно встретить в заснеженных отрогах пакистанского Гиндукуша, где проживает племя калашей. Племя это - крошечный островок язычества в океане ислама, окружающего их со всех сторон. Кроме этого, среди калашей можно встретить голубоглазых блондинов, что в свое время породило романтическую легенду о том, что калашаи это потомки ушедшего на восток римского легиона (также встречается версия об одном из полков войска Александра Македонского). Однако несмотря на то, что автомат Калашникова весьма популярен в Пакистане, данными о том встречается ли среди калашей мужское имя Калаш я не располагаю.

Имя Манас известно каждому, кто когда нибудь бывал в Кыргызстане. Манас это эпический герой киргизов, аналог Ильи Муромца из русских былин, или Зигфрида из «Песни о Нибелунгах». Эпос о его подвигах вошел в книгу рекордов Гиннеса как наиболее объемное произведение этого жанра. Деяния его поистине эпохальны для его времени, например, в числе прочего он со своим воинством ставит на колени китайскую империю и штурмует Пекин. При отсутствии четких стратегических ориентиров и перманентного политического хаоса в Кыргызстане современном, фигура Манаса является соломинкой, за которую киргизы лихорадочно хватаются в попытке очертить свой идеологический фундамент. Сакрализация Манаса идет такими темпами, что его, без сомнения монументальная, фигура становится заезженно банальной (даже в Москве ему поставлен памятник). Так почему же имя легендарного героя вызывает смущенную улыбку у людей, чей родной язык английский?

Если букву в букву написать имя Манас по английски, то получится *Manas*. Произношение этого слова по английски возможно с ударением на первый слог, и тогда слово по звучанию напоминает английское *menace*, что переводится как «угроза». Имя героя получается немного мрачноватым и каким-то не особо геройским. Если же ударение поставить на второй слог (как и делается в оригинале), то ассоциации уходят в совсем другую плоскость: *man* это человек (в данном случае существительное может трансформироваться в прилагательное и тогда «человеческий» или «человеческая» - родов в английском нет), а вот *as* произносится абсолютно также как и *ass*. Последнее означает «осел», но в повседневном североамериканском слэнге слово это используется в совсем ином ключе, говорить о котором в контексте данной заметки просто неприлично¹⁷ (из этой же оперы название киргизского города Кант – слово «конт» по киргизски означает «сахар»; по-английски же это вообще нецензурное слово, значение которого любознательный читатель очень легко отыщет самостоятельно).

Поэтому вопрос дачи имени ребенку для иммигранта представляет из себя уравнение со многими неизвестными. С одной стороны, хотелось бы, чтобы ребенок чувствовал свою связь с родиной предков, а с другой стороны избежал насмешек от англоязычных сверстников в школе и на улице.

¹⁷ Вот какие значения по слэнговой составляющей приводит официальный словарь:

Ass, noun Vulgar.

1. the buttocks.

2. the rectum.

3. Slang. sexual intercourse.

Это, кстати говоря, касается не только иммигрантов из Кыргызстана в Америке или Канаде. Мои армянские друзья, жившие одно время в России, рассказывали про то, как их приятель по имени Перч получил прозвище Перчик (что в принципе его устраивало), а вот другой их знакомый всякий раз приезжая в Россию представлялся как Паша поскольку его настоящее армянское имя было Панос (древнее имя из армянского фольклора).

Если вернуться к Кыргызстану и попыткам киргизов подчеркнуть национальную идентичность, то не может не бросаться в глаза становящаяся популярной манера изменения фамилий, которую можно назвать «дерусификацией». Система простая (если не сказать примитивная) и чем она лучше русифицированной не очень очевидно: любая русифицированная фамилия (почти всегда оканчивающаяся на «-ов») замещается на имя отца и приставку, указывающую на пол. Например, если отца звали Шабдан, то фамилия сына будет Шабдан улуу, а фамилия дочери Шабдан кызы. В следующем поколении имя Шабдан уже пропадет из рассмотрения и фамилия будет конструироваться по такому же принципу, но уже из имени отца, а не деда Шабдана. Таким образом фамилия как таковая утрачивает свою изначальную функцию как родового маркера, как доказательства принадлежности к той или иной генетической ветви, которой можно гордится (или наоборот – стыдится). Это может внести некоторую неразбериху в разного рода статистику и полностью смешать карты родовой приемственности, но отчего то многих киргизов это не пугает – фамилии по такому принципу множатся как на дрожжах. Всякий раз встречая в прессе такие вот фамилии мне вспоминается история о регрессе племен острова Тасмания, расположенного к югу от Австралии.

Остров Тасмания был когда-то частью Большой Австралии (которая включала в себя кроме этого острова еще и Новую Гвинею). Около 40 тысяч лет назад наш вид Гомо Сапиенс расселился по всей территории этого континента, включая нынешнюю Тасманию. В результате массивного таяния ледников, произошедшего чуть позже, Тасмания оказалась отрезанной от материка и населявшие его аборигены стали островитянами. После этого у тасманийских аборигенов, ввиду изоляции (и других причин), начался регресс, приведший к тому, что к моменту изучения этих примитивных племен антропологами, большая часть приобретенных когда-то навыков была утрачена. Была утрачена даже технология разведения огня (известная практически всем изученным первобытным племенам). Современной антропологией тасманцы были признаны наиболее примитивным племенем современности.

Ползучая примитивизация Кыргызстана заметна во многих сферах – от рецидивов феодализма в государственном управлении и до фактического возврата к натуральному хозяйству в экономике – и гордый отказ от русифицированных фамилий в угоду их «исконно киргизскому» формированию лишь один из эпизодов, сближающих откатившихся в палеолит тасманцев с так называемой титульной нацией¹⁸ современного Кыргызстана.

¹⁸ Понятие титульной нации активно используется в Кыргызстане политиками националистического толка для обозначения этнических киргизов, проживающих в Кыргызстане (кроме этого исторически киргизы живут в Китае, Афганистане и других государствах Азии). Интересно однако то, что наиболее радикальные

Строго говоря, Кыргызстан не единственное место на планете, где имеют место такие вот псевдо-фамилии. В обжитой викингскими Исландии до сих пор сохраняется похожая система, не изменившаяся со времен Средневековья ввиду изоляции Исландии от континентальной Европы. Там также имя отца играет первостепенную роль, а поколение дедов теряется. Если отца зовут Асмунд, то дочь будет носить фамилию Асмунддоттир, а сын Асмундссон. Их дети, в свою очередь, уже не будут иметь никакой фамильной связи с Асмундом. В Исландии, правда, никогда не было русификации или чего-нибудь эквивалентного, равно как и революций и других социальных потрясений (если, конечно же, не считать банковского кризиса 2008 года). Народ Исландии, благодаря богатым рыбным ресурсам и функционирующим демократическим институтам, нельзя назвать бедным. Однако вряд ли Исландия служит каким-либо ориентиром для Кыргызстана. Власть придерживающиеся Кыргызстана с завидным постоянством декларируют намерения стать «среднеазиатской Швейцарией», однако с каждым годом страна становится все более похожей на перманентно беспокойный Афганистан.

Некоторые слова возникают как своего рода субститут настоящему названию, которое табуировано и запрещено к произношению вслух. Эксперты по этимологиям считают, что так, например, возникло русское слово «медведь». Древнее индоевропейское слово «бер», обозначающее это грозное животное, в силу суеверий заменялось медведем (медведь это тот, кто *ведает*, где находится *мед*). Сохранилось оно лишь в русском слове «берлога», то есть жилище медведя и в названии некоторых топонимов (город Берлин например, имеющий, кстати говоря, на гербе медведя). Похожая ситуация наблюдалась когда-то и с именами. Ребенку давалось имя, но в силу суеверий его не следовало произносить на постоянной основе – вместо этого использовалось прозвище, как правило неказистое, а иногда и просто отталкивающее. Считалось, что злые духи, могущие принести вред ребенку, не позарятся на него, если его имя не будет звучать привлекательно (почему считалось, что представления о привлекательности имени у людей и духов совпадали – отдельная тема). У разных народов эти суеверия уходили в прошлое в разное время. Например, у киргизов эти поверья бытовали еще в прошлом веке и поэтому до сих пор можно встретить людей с таким именем, как, например, Джаманкул, что можно перевести как «Плохой батрак». Кое-где это табу сохранилось до сих пор. Скажем, в иудаизме категорически запрещено произносить вслух имя бога. В известном мюзикле «Скрипач на крыше», главный герой Тивия-молочник постоянно вступает в диалоги с всевышним, часто ироничные, почти всегда на грани критики его, всевышнего, воли относительно судьбы еврейского народа в отдельно взятой русской деревне и конкретно Тивии благосостояния и семейного положения. Однако при этом он никогда не произносит его имени. Один из крупных философов современности Адольф Грюнбаум, живущий и работающий в Америке, рассказывал о любопытном эпизоде из своего детства. Детство его пришлось на самое начало нацистской эры в германском Кельне. Ребенком он посещал уроки иврита в еврейской школе и как-то раз что есть силы прокричал на весь класс запретное имя бога. Учитель, услышав это, гневно стукнул по столу кулаком и объявил, что это самое ужасное, что может сделать верующий еврей. Этот странный запрет заставил юного

политики-националисты не спешат дерусифицировать свои фамилии, продолжая оставаться одной ногой в ненавистном «колониальном» прошлом без каких-либо видимых неудобств по этому поводу.

Грюнбаума глубоко задуматься, что в конечном итоге привело его к занятиям философией и атеизму.

Факт того, что имена многих канадских иммигрантов с пост-советского пространства прописаны в их до-эмигрантских паспортах кириллическим алфавитом создает определенные неудобства при получении паспортов канадских, где используется алфавит латинский. Перевод имен с русского на английский (или французский) порождает массу вопросов. Как, например, перевести букву «ц»? Что делать, если переведенная один в один буква «у» оказывается в закрытом слоге (в закрытом слоге английская “u” читается как русская «а»)? Ну и так далее. Это приводит к тому, что имена и фамилии оказываются искаженными, иногда до такой степени, что их владельцы официально их меняют, чтобы избежать путаницы и бесконечных вопросов окружающих. Переводы с русского языка еще не самый клинический случай. Знакомый иммигрант из Гонконга рассказывал, что поскольку в китайских диалектах существует понятие тональности, то фамилия, переведенная на английский как «Чен» (Chen) на самом деле представляет из себя четыре разные фамилии, которые просто невозможно перевести на английский иначе. Ну и плюс использование иероглифов вместо букв, которое совсем не упрощает ситуацию.

Бывают и другие причины, заставляющие людей менять имена. Иногда происходит это по чисто эстетическим соображениям. Мне рассказывали историю (уже не знаю правда ли это), что некий иммигрант из России по фамилии Голопупов сменил эту фамилию на вероятно показавшееся ему более привлекательным *Prince*. В еврейской традиции смена имени может произойти, если человека носящего его, постоянно преследуют неудачи или несчастья. Такую же традицию можно проследить у других народов. Легендарный аварец Шамиль, долгое время успешно противостоящий российской экспансии на Северный Кавказ, был при рождении назван Али. Был он слабым и часто болеющим ребенком, и поэтому родителями было принято решение переименовать его в Шамиля. Люди, верящие в силу такого шага, увидят правильность этого поступка в последующей, необычайно яркой, биографии ребенка (скептики отметят, что корреляция не обязательно гарантирует причинно-следственную связь). А бывает, что в расклад вмешиваются чисто коммерческие соображения: в любом крупном галантерейном супермаркете Америки обязательно будет в наличии секция «Ральф Лорен» (Ralph Lauren), где будет продаваться одежда от этого известного модельера, однако мало кто знает, что настоящее имя легенды моды не Ральф Лорен, а Ральф Лифшиц.

Когда я учился в колледже (уже в Канаде), один мой преподаватель, очень умный парень с дипломом МГУ, пришел как то раз проводить лабораторные занятия в новой рубашке, те что называют по английски *polo shirt* – обычно довольно элегантные изделия с коротким рукавом, какие в изобилии можно встретить в коллекциях того же Ральфа Лорена. Вечером того же дня по местным новостям показали кадры из зала провинциального суда, где шел процесс над серийным киллером несчастных проституток ванкуверского Истсайда Робертом Пиктоном – подсудимый был одет в точно такую же рубашку, как и мой преподаватель. Утром портрет Пиктона, в этой же рубашке, напечатали в провинциальных газетах. Препод наш, пришедший на следующий день проводить семинар в этой же рубашке, эмоционально прокомментировал это следующим образом:

- Жену вчера чуть не задушил, как Отелло прямо. Это она мне рубашку на распродаже купила!

Подобные по накалу чувства время от времени появляются у разных людей, когда они встречаются с необычными носителями своего имени, пусть не всегда и лично. Чувства эти не всегда отрицательные, а часто довольно противоречивые. Известный английский историк Хью Томас (Hugh Thomas) упоминает, что одной из причин написания крупного исследования по работоторговле был факт обнаружения им любопытного факта: как то раз, копаясь в хранилище *Archivo de Indias* в испанской Севилье, наткнулся на путевой документ, своего рода счет-фактуру, в которой указывалось, что в 1792 году двадцать чернокожих рабов были доставлены в Гавану, Куба на ливерпульском судне по командованием капитана некоего Хьюго Томаса. Мой друг по имени Маркус, рассуждая вслух о людях с его именем, вспомнил массу известных личностей (включая знаменитого хоккеиста Маркуса Наслунда¹⁹, а также античных персонажей Маркуса Аврелиуса и Маркуса Антониуса²⁰), однако, по его признанию, наиболее странная фигура в этом ряду Маркусов был древнеримский повар Маркус Поркиус, подаривший миру первый трактат по кулинарии. Что касается имени автора этих строк, то хвататься близостью к чему-то особо хорошему в этом смысле не приходится – первое, что приходит в голову это имя Иди Амина, жестокого угандийского диктатора, изгнавшего из страны наиболее активное в экономическом плане индийское население и кормившего крокодилов трупами уничтоженных политических оппонентов; и имя афганского президента Амина, вызвавшего гнев СССР и погибшего при штурме его дворца советским спецназом. А бывает, что имя слегка напоминает какое нибудь обычное слово и тогда людям творческим открывается широкое поле для конструирования вербальных аллюзий – читая текст писательницы Галины Рэмптон, прекрасно описывающей британскую руральность, я столкнулся с фразой «*кровля, помнящая Кромвеля*²¹», подчеркивающей старину отдельно взятого строения где-то в глуши английского Норфолка. Грамотно построенные аллюзии эти создают труднообъяснимое чувство ментального обогащения, хотя, конечно же, все зависит от таланта автора.

Имена, которые люди дают другим людям или каким либо объектам бывают осмысленными и не очень; хорошо продуманными или случайными; благозвучными и наоборот. Угнездившись однажды в официальных документах (свидетельстве о рождении, картографических документах, каталогах небесных тел и тп) они практически навсегда остаются с нами за редким исключением (типа как переименования городов или улиц после коллапса империй или как в вышеописанном случае с имамом Шамилем). Бывает иногда и так, что названия, известные нам в определенных коннотациях, идут в жестком разрезе с теми обстоятельствами, которые их окружают. Английское судно «*Либерти*» (*Liberty*), спущенное на воду в 1801 году, использовалось его судовладельцами

¹⁹ Легендарный шведский хоккеист, игравший за клуб «Ванкувер Канакс».

²⁰ Имена Маркус Аврелиус и Маркус Антониус в русской транскрипции принято писать как Марк Аврелий и Марк Антоний.

²¹ Оливер Кромвель – английский политический деятель 17 века, один из лидеров английской буржуазной революции.

для транспортировки чернокожих рабов с побережья Африки в английские владения в Карибском море (Барбадос, Антигуа и тп). Вряди ли несчастные чернокожие африканцы, набитые как сельдь в бочку в трюм этого корабля, и понимавшие, что ничего хорошего в Новом Свете их не ждет, знали, что название перевозящего их судна переводится с английского как «Свобода». Ну а какими соображениями руководствовались хозяева корабля, давая такое имя работорговому судну вообще непонятно.

Такую же странную игру слов можно встретить в другом месте и в совершенно другой эпохе. Польское местечко Освенцим, так же именуемое по немецки Аушвиц, где располагался самый крупный нацистский концлагерь, вошло в историю как «фабрика смерти». Доставляемых туда нежелательных для Третьего Рейха людей со всех концов оккупированной Европы (изрядную часть из которых составляли евреи), ждала смерть – либо от газа «Циклон Б» либо от рабского труда и содержания в нечеловеческих условиях. Отдельно с депортированными доставлялся их багаж, который отправлялся в секцию концлагеря, именуемого как «Канада». «Канада» была сортировочной станцией, где багаж этот подвергался инвентаризации и упорядочиванию, чтобы потом использоваться на нужды рейха (впрочем не только – коррупция среди персонала СС была впечатляющей). Крошечная доля узников знала о том, что на самом деле там твориться; были это те, кто был специально отобран лагерной администрацией для работы в этой секции. Однако называлось это место «Канада», поскольку считалось, что Канада это место неисчислимых богатств и благополучия. Таким вот странным образом имя моей страны оказалось связанным с одним из самых мрачных эпизодов в истории человечества.

- Папа, а в Дании живут киргизы? – спросил меня вдруг ребенок, когда я забирал его после тренировки.

Немного опешив и почесав голову, я ответил:

- Думаю, что да. Киргизы они сейчас везде живут. А почему ты спрашиваешь?

- Дети со спортивной секции думают, что у меня датские корни из-за моего имени, но я то знаю, что ты киргиз. Папа почему ты меня так назвал?

Я вновь почесал голову. Я понимал, что для того, чтобы изложить все мои мотивы, мне пришлось бы провести не один час в диалоге с сыном. И поэтому я перевел разговор на другую тему.

- Давай как лучше расскажи как вы сегодня в школе на санках катались. Снег ведь не растаял еще?

- Нет! Мы сделали маленький трамплин и я ...

Слушая веселый щебет ребенка о той радости, что принес детям редкий в Ванкувере снегопад, я задумался. Наши предпочтения по части имен, даваемых детям могут быть невероятно сложными и при этом еще и глубоко личными, такими о которых не хочется говорить вслух даже с самыми близкими. А бывают и предельно простыми. И поэтому когда мне такой же вопрос задаст моя дочь, мне не придется увильнуть и чесать в затылке. Ее имя не предполагает длительных объяснений на грани с метафизикой. Ибо имена моей матери и моей дочери совпадают.

Post Scriptum

Возвращаясь к теме о названиях работорговых судов невозможно не вспомнить историю корабля 'La Amistad', ставшего плавучей сценой редкого и успешного восстания чернокожих невольников, во время плавания из Гаваны (Куба) в Пуэрто Принсипе (Куба) в 1839 году. Судно перевозило купленных на аукционе в Гаване рабов (доставленных из Сьерра Леоне, Западная Африка) в количестве пятидесяти трех человек на сахарную плантацию одного испанского землевладельца. Во время плавания часть негров смогла избавиться от цепей с помощью случайно найденного в их отсеке ржавого гвоздя. Вооружившись мачете, складированных там же, африканцы смогли выбраться наружу и перебить почти всю команду, включая капитана судна. После долгого дрейфа, корабль пристал в берегах Лонг Айленда, штат Нью Йорк. Далее последовало длинное и широко известное судебное разбирательство, в которое были вовлечены американские аболиционисты, владельцы судна, испанский плантатор и даже царствовавшая тогда испанская королева Изабелла Вторая. В конце концов, после длительных и замысловатых коллизий, дело выиграли аболиционисты и выжившие африканцы были освобождены и отправлены обратно в Сьерра Леоне в 1842 году. Все эти события были отражены в художественной форме Стивеном Спилбергом в одноименном голливудском блокбастере с превосходной актерской игрой Энтони Хопкинса и Мэтью МакКоннехи. В контексте данной заметки следует однако отметить, что кровавая драма, разыгравшаяся на судне, и взаимная враждебность вовлеченных в события сторон резко контрастировали с названием корабля - в переводе на русский испанское слово 'La Amistad' означает 'Дружба'.

В это время ведущие морские державы мира частенько воевали друг с другом (Англия с Францией, Голландия с Португалией и тп), оспаривая монополию на торговые маршруты и новые территории. Бывало захватывали корабли друг у друга, используя их потом по назначению, но уже под своими флагами. Так, например, случилось с голландским судном 'Zorg' - будучи специально построенным для торговли 'черным деревом' Африки, оно досталось в качестве трофея английскому торговому флоту. В процессе ремонта судна, его название было неправильно прочитано и поэтому корабль случайно оказался переименованным в 'Zong'; мне неизвестно, что означает последнее, но вот изначальное голландское название можно перевести как 'Забота'.

Возможно подобный диссонанс был настолько типичен в ту эпоху, что это нашло свое отражение в европейской литературе. Новелла 'Таманго' Проспера Мериме одно из наиболее ярких произведений, отражающих реалии эпохи трансатлантической работорговли. В ней успешный французский капитан с ярко выраженными предпринимательскими наклонностями строит корабль для торговли рабами и называет его 'Надежда'. Купленные им в устье реки Сенегал рабы устраивают бунт в самом сердце Атлантики, что не оставляет никакой надежды не только убитым капитану и команде, но и самим бунтовщикам, поскольку никто из них не в состоянии управлять кораблем. В конце концов погибают все, кроме одного африканца, случайно спасенного проходящим мимо английским фрегатом.

Интересен еще один нюанс из этой новеллы. Вначале, когда капитан и вождь африканского племени торгуются при покупке партии рабов, они выпивают большое количество водки. Именно водки, как это звучит в русском переводе. Понятно, что наличие водки на французских работорговых судах в ту эпоху (новелла впервые опубликована в 1829 году) было явлением скорее всего маловероятным. В английском переводе они пьют уже не водку, а бренди. Я обратился к оригиналу на французском языке; в нем Мериме пишет, что пьют они напиток именуемый по французски eau-de-vie, что на английский действительно переводится как бренди (точнее, фруктовый бренди). Быстрый поиск в сети показал, что алкоголь этот является аналогом балканской ракии и немецкого шнапса, то есть в каком то смысле это действительно водка, по крайней мере по части крепости. Любопытно и то, что eau-de-vie с французского буквально переводится как 'вода жизни', что порождает еще один странный контраст - скреплять транзакцию по продаже в рабство людей, распивая при этом 'воду жизни' выглядит, мягко говоря, несколько негуманно.

Срочность

Багровый шрам пролегал широкой полосой по центру его черепной коробки. Видимый сквозь пряди вороных волос он невольно заставлял задуматься - откуда такой шрам у обычного офисного работника? Радж внимательно изучал распечатку.

- Сколько лет опыта у вас работы с базами данных? - спросил он не отводя взгляда от бумаги.

- Семь-восемь, - ответил я.

Аккуратно подстриженная бородка, как и водится у молодых преуспевающих канадцев панджабского происхождения, и идеально выглаженный костюм откуда-нибудь из *Moor's* или *Tip Top* резко контрастировали с моей недельной щетиной, мешковатыми штанами и старым свитером, привезенным еще из России. Я посмотрел в окно. Вид был совсем неплохим с десятого этажа этой высотки прямо в сердце даунтауна. Глядя вниз можно было почти физически чувствовать вибрации делового центра этого совсем уже не дикого Запада с бесконечными вереницами пешеходов, автомобильной суетой и уличными вендорами, торгующих питу с мясом и хот-доги. Я вновь скользнул глазами по суровой отметине на его голове. Может авария какая или несчастный случай?

Сидя в кресле в кабинете этого менеджера по персоналу на десятом этаже я был уверен, что сейчас начнется технический или логический тест. К ним я уже привык равно как и равнодушному отношению сотрудников отдела кадров к кандидатам. Равнодушие это было вполне оправдано, если, как говорят англичане, побыть в его, менеджерской, обуви. Приходят к тебе толпы страждущих, одетых небрежно типа как я сейчас, но чаще в костюмах и галстуках, и четким натренированным голосом начинают рассказывать как они где-то далеко в Индии, России, Иране или где-нибудь еще писали программы для запуска спутников на орбиту или для чего-то

подобного и соизмеримо уникального. Ну как отсеять зерна от плевел? Логические тесты наиболее логичный способ, pardon за каламбур. Иногда предлагают тесты технические, что тоже вполне логично.

Радж еще раз пробежал глазами мой послужной список и, отложив его в сторону, глубокомысленно скрестил пальцы рук и внимательно посмотрел на меня. Никакого теста, впрочем, после этого не последовало.

- У нас тут несколько необычная ситуация, - сказал он очень серьезно, - и нам нужен сотрудник, который в состоянии работать самостоятельно.

- Ну так это нормально, - ответил я, - почти всегда приходится самостоятельно.

Он посмотрел на меня снова с такой серьезностью во взгляде, что мне стало не по себе. Казалось, его шрам на голове стал больше от повисшего в воздухе напряжения. Заурчал мобильник и он, извинившись, ответил на звонок. После односложных «Да, да...», он завершил разговор и протянул мне руку.

- Спасибо, что пришли. Мы, возможно, с вами еще свяжемся.

Озадаченный, я вышел из кабинета и направился к лифту.

Аромат уличного вендора, поставившего свой ярко раскрашенный трак прямо перед выходом из этой офисной многоэтажки, заставил почувствовать себя голодным.

- Баранина у вас есть? – спросил я девчонку на кассе, симпатичную брюнетку с пирсингом на обеих бровях.

- Конечно есть! Вам с цацки?²²

- Давай с цацки и лука побольше.

Я заплатил девчонке и встал в сторонке от траке, ожидая когда здоровенный детина с разноцветными наколками на бицепсах сварганит мою питу.

День приближался к полудню, времени ланчей, и народ стал оживленно подтягиваться к траку. На противоположной стороне улицы парни в спецовках пытались развернуть на торце офисной высотки рекламное полотно. Было пока неясно что именно рекламировалось поскольку развернули его только на половину. Похоже это было нижняя часть изображения, на которой были видны только длиннющие женские ноги, обутые в туфли с высоченным каблучком.

Проходящий мимо седовласый дед в смешной цилиндрической шляпе встретился со мной взглядом и игриво показал большим пальцем на разворачиваемое полотно. Потом подмигнул. Мне стало смешно и я улыбнулся.

²² Цацки – греческий соус из козьего йогурта, огурцов и чеснока

- Ваша пита с бараниной, мистер, - детина из трака протянул мне сверток с моим заказом, - лука побольше положил как и просили.

- Спасибо, - сказал я ему и взял еду.

Я неторопливо зашагал в сторону набережной. Толстые чайки истерично горланили, паря над даунтауном. Пита была замечательной.

Следующим утром меня разбудил телефонный звонок. Несмотря на выходные звонил Радж из той компании, где у меня было интервью накануне.

- Мы приняли решение. Мы хотим, чтобы вы начали работать прямо в понедельник. Это вас устраивает?

Я почесал репу спросонья и несколько секунд пытался осознать сказанное.

- Да конечно. А что по зарплате?

- Мы считаем, что названная вами цифра вполне резонная.

Я продолжал чесать репу и пыхтеть. Чтобы ответственно дать согласие мне надо было выпить чашку чая. На мгновение в эфире повисла немного напряженная тишина. И вдруг Радж сказал:

- Но наш босс выразил мнение, что дополнительные семь тысяч в год будут уместны, если вы сможете принять наше предложение.

«Хитрый малый», подумал я и сказал как можно более равнодушно:

- Я согласен. Когда открывается офис?

- В девять утра. Я очень рад, что вы согласились. Уверен, что работа в нашей компании вам понравится. Джим, наш ведущий программист, введет вас в курс дела.

- Хорошо, я буду ровно в девять в офисе.

- Отлично! Сара, начальник отдела кадров, подготовит все нужные бумаги. Не забудьте захватить с собой SIN²³ и медицинскую карту. У меня только одна просьба...

Он вдруг с бойкого, почти кричащего голоса, перешел на полусшепот.

²³ SIN – Social Insurance Number, персональный номер, присваиваемый государством для социальных и налоговых целей гражданам Канады и резидентам со статусом Landed Immigrant.

- ... Помните мы с вами обсуждали способность работать самостоятельно? Ну так вот я искренне надеюсь, что у вас получится. Но если сразу не будет получаться, вы, я надеюсь, проявите настойчивость.

«Чего он привязался с этим? всю жизнь так работаю!», подумал я.

- Да конечно, все будет в порядке. До понедельника.

- До понедельника, и еще раз спасибо.

Я бросил свой мобильник на пол, повернулся на другой бок в надежде поспать еще немного. Но только я начал дремать и бриллиантовый дым неожиданно свалившихся семи тысяч уже почти что сомкнулся надо мной мутной дремой, как прозвенел будильник. Через полчаса у ребенка начиналась тренировка по футболу. Я встал и потер виски пытаюсь привести себя в чувство. С кухни доносились голоса и запах овсяной каши. «Ну вот, с понедельника начну работать», подумал я и потопал умываться.

Утром в понедельник жена протянула мне завернутый в полиэтилен бутерброд с сыром и колбасой.

- Забутровку сделала, - сказала она, - ни пуха тебе ни пера в первый день.

Я улыбнулся: давненько не слышал я от нее этого сибирского словечка, обозначающего взятый на работу ланч.

- К черту! – ответил я и, сунув бутерброд в сумку, поцеловал жену.

Зонтик, как всегда, был забыт дома и поэтому из метро до офиса мне пришлось довольно резво пробежаться, чтобы не промокнуть до нитки. «Дождик на дороге – хорошая примета», успокаивал я себя, заполняя бумаги выданные мне начальницей отдела *Human Resources* Сарой. Кое-где на листы бумаги капнула вода, оставив расплывчатые разводы чернил принтера и моей шариковой ручки. Сара внимательно изучила мою писанину в разводах, похмурилась, но ничего не сказала.

Джим, программист с которым мне предстояло работать, оказался высоким и очень худым парнем в очках с сильными диоптриями. Его печальные серые глаза казались еще больше и печальнее, чем на самом деле, будучи увеличенными сквозь эти линзы. всю первую половину дня мы готовили мой компьютер к работе, устанавливая на него бесчисленные пакеты программ для баз данных, среду для непосредственного написания кода и многочисленные апдейты для них. Джим был очень приветлив и внимателен, но не особо разговорчив. Единственное, что я понял, что у него есть собака, которую он очень любит и girlfriend, которую он любит не меньше. Иногда, когда инсталляция какого-нибудь апдейта была особенно долгой, в воздухе вдруг висла напряженность, создающая неловкость для нас обоих. «Пройдет наверное, все таки первый день», думал я, пялясь в медленно ползущий столбик на дисплее, показывающий прогресс по

установке. В установке следующего пакета мне надо было ввести несколько команд, прежде чем все запустить. Я быстро напечатал то, что было нужно, но, после звучного пыхтения, компьютер выплюнул сообщение, что в командах допущены синтаксические ошибки. Джим улыбнулся и показал мне карандашом на мониторе на набитые мною строчки. Посмотрев внимательно, я понял, что вместо *list* я написал *lust*, а вместо *live* – *lice*.²⁴

- Вожделение и вши вряд тут помогут, - сказал Джим и засмеялся.

Я был вначале сконфужен своими опечатками, но смех Джима был так заразителен, что я тоже начал хохотать. С полминуты мы смеялись почти что до слез. «Ну вот, вроде контакт налаживается», подумал я, как вдруг большая красная капля плюхнулась на мою клавиатуру, измазав две или три буквы. Я с удивлением поднял глаза и понял, что у Джима пошла из носа кровь. Он сконфуженно и неуклюже поднес ладонь к носу, лихорадочно шарясь в карманах другой рукой видимо в поисках салфетки или платка. Потом он встал и быстро удалился, капнув по дороге еще раз, но уже на пол. Я не знал что сказать и растерянно смотрел на его удаляющуюся фигуру. Откуда ни возьмись появилась Сара с большим количеством салфеток, как простых бумажных, так и дезинфицирующих в пластиковом цилиндрическом контейнере. Она по хозяйски протерла пятна крови и, глядя на меня, натужно растянула губы в улыбке.

Минут через пятнадцать Джим вернулся. Извинившись, он протянул мне очередной инсталляционный диск. Мы продолжили. В час дня Джим предложил прерваться на ланч и быстро ушел. Я взял свою сумку и решил прогуляться до ближайшего молла.

Дождь, зарядивший с утра, кончился к полудню и на улице было чисто и свежо как и всегда бывает после продолжительных вancouverских дождей. Я, не особо торопясь, зашагал к торговому центру, где можно было спокойно перекусить в одном из фуд-кортов. Ту рекламу, что парни в спецовках растягивали на торце высотки, уже установили и стало ясно, что это была реклама водки «Абсолют Оранж» - длинноногая рыжая девица в экстремально короткой юбке томно улыбалась с полотна, опираясь на исполинских размеров бутылку с этой водкой, игриво держа в одной из рук полуочищенный апельсин. «Здесь было бы уместно перепутать *list* и *lust*», усмехнулся я заходя в молл.

Взяв в «Старбаксе» кофе я стал искать куда бы присесть. Было время ланчей и народу в фуд-корте было довольно много. Свободных столиков не было вовсе, но за столиком в дальнем углу маячила одинокая фигура и я направился туда, лавируя между жующими гражданами как в крокодиловых ботинках, так и в грязной одежде строителей. Сладковатый запах жареной свинины в кисло-сладком соусе наполнял этот уголок фуд-корта – китайская забегаловка бойко торговала шанхайской лапшой и этой самой свининой неподалеку.

- К вам можно? – спросил я.

- Да конечно, присаживайся сынок.

²⁴ *List* по английски «список», *lust* – «вожделение». *Live* – «живой», *lice* – «вши».

Я бросил взгляд на соседа по ланчу. Им был старик с глубокими морщинами, изрезающими его смуглое лицо словно Гранд Каньон просторы Аризоны. Он рассеянно листал одну из тех бесплатных газет, что раздают у входа в метро по утрам. С мгновение я силясь вспомнить где я видел это лицо; старик, прочитав мои тщетные потуги, задорно сказал:

- Видел ту девчонку-то на рекламе? Я не думал, что она рыжей окажется.

Старик заразительно засмеялся. Я вспомнил, что это был именно тот дед в странной цилиндрической шляпе, который мне подмигнул тогда, показывая на полуразвернутый рекламный рулон, где блистали ноги этой «абсолютной» модели. Когда я ждал свою питу. Я улыбнулся и вытащил свой бутерброд.

- Красивая дама, ничего не скажешь, - дипломатично сказал я, отхлебывая кофе.

- Как моя жена пол-века назад, - сказал дед, - только она у меня не рыжая. Вороная. Была когда то.

Дед сосредоточенно посмотрел в одну точку, выглядя при этом как индейские вожди на старых даггеротипах – отрешенно и выразительно. Потом он уткнулся в свою газету. Я жевал свой бутерброд, отпивая кофе и листая новости на мобильнике.

Остаток дня мы с Джимом продолжали готовить к работе мой компьютер, «заливая» на него массу всего нужного. Сразу после пяти Джим сказал, что ему надо убежать. Сказав, что оставшееся мы доделаем завтра он быстро ушел. Я провозился еще с полчаса, кастомизируя свою среду на операционке. На даунтаун неспеша напоззли сумерки и за окном включились фонари. Вновь зарядил мелкий дождь. Я выключил машину и монитор, накинул куртку и пошел к выходу. Проходя мимо кабинета Сары я услышал странный звук.

- До завтра, - бросил я ей на ходу.

- Да, до свиданья, - ответила она мне, оторвавшись от вороха бумаг, лежащих перед нею и я понял звук этот был оттого, что Сара плакала. Тушь с ее накрашенных глаз растеклась из-за слез и они представляли из себя то, что на этом континенте зовется *raccoon eyes*, «глаза енота». Я вопросительно смотрел на нее не зная как себя повести в этой ситуации. Она махнула мне рукой, чтобы я шел. Озадаченный, я направился к выходу из офиса.

На следующий день мы с Джимом закончили подготовку моей среды и приступили к непосредственно коду программного приложения, которое компания планировала выпустить на рынок через несколько месяцев. Джим терпеливо и основательно объяснял мне суть бизнес модели, как хранятся данные и структуру самого кода. Я много конспектировал и утомлял Джима своими многочисленными вопросами. В конце недели нас навестил Радж, блестя своим шрамом на черепе под жидкой прядью сверкающих волос. Бодро осведомившись как идет дело, он попросил меня заглянуть к нему в течении дня. Я зашел к нему перед уходом. Радж выглядел так, что как будто бы он пытался мне что-то дать понять, но никак не мог этого сказать и должен был догадаться сам. Его шрам при этом краснел и выглядел слегка жутковато. В конце концов он опять осведомился как идут дела с вниканием в суть дела. Я сказал, что нормально.

Ближе к Пасхе стало теплее. Прогуливаясь на обеде до того молла, где я обычно проводил свой ланч, я стал делать довольно длинную петлю, чтобы побольше подышать свежим воздухом. На углу, где я поворачивал в сторону молла, похоже был своего рода *cash corner*, место где народ собирался на стихийную биржу поденной работы. Были то в основном мускулистые небритые парни в ботинках со стальными носками – судя по всему работа была в основном на стройках. У многих из них были индейские черты лица и смуглая кожа. Как то раз народу было там больше обычного.

- Да куда же запропастился этот чудак из МакЭлпайна? Я со Сквомыша приехал, он сказал, что будет к полудню и до сих пор нет его, мать его раззэдак! – горячился здоровенный индеец с рябым лицом когда я проходил мимо.

- Мистер, у вас не будет сигаретки? – обратился он ко мне.

«Лицо у парня как поверхность Луны», вглядываясь в его изрытую оспинами физиономию. Парень производил хорошее впечатление честного работяги.

- Сигарет нет, но есть жвачка, - ответил я, протягивая ему упаковку «Орбита», где еще была пара штук.

- Спасибо мистер, жвачка даже лучше, - ответил он и взял ее у меня.

В молле я время от времени встречал того странного деда. Похоже ему было нечего делать в течении дня. Он почти всегда сидел за тем дальним столиком у китайского джойнта и частенько в руках у него были газеты. В четверг перед Страстной Пятницей²⁵ я встретил его снова.

- Видел, тут рекламу с рыжей девчонкой то убрали. Там где водка была. Теперь бритвы какие то рекламируют, с другой девчонкой.

Я вспомнил, что рекламу «Абсолюта» со стены высотки действительно убрали и вместо нее вывесили полуголую блондинку, со счастливой улыбкой бреющую ноги.

- Та новая не очень что-то, - продолжил дед не дожидаясь моего ответа, - та рыжая мне больше нравилась. На жену мою была похожа.

- Она ведь у вас брюнетка? – я сделал попытку поддержать разговор, он дед продолжал не обращая внимания на мою реплику.

- Она в реставрационной конторе служила, в такой, что помещения после пожара там или затопления в порядок приводят. Даже после аварии в которую мы с ней попали, когда ехали как-то раз домой из Орегона. После той аварии у меня кости поломаны были в нескольких местах, а у ней все было в нормально, кроме одного – совершенно пропало обоняние! Вообще запахи перестала воспринимать. Так ты думаешь что после этого было? У ней карьера в гору пошла, пока

²⁵ Страстная Пятница (Good Friday) – пятница перед Пасхой, выходной день в Канаде.

я в госпитале кости сращивал. И знаешь почему? Контора ее получала заказы на уборку помещений, где были трупы. Ну умер, скажем, старик какой-нибудь дома у себя, а его только через несколько дней хватились. Ну понятно дело – запах в доме такой, что святых выноси. Народ с трудом справлялся. А жене, после аварии без обоняния – без проблем. И стали ее все больше и больше на такие вот задания посылать. Потом супервайзером сделали.

Дед улыбнулся в усы, видимо с теплотой вспоминая те времена. Я был слегка озадачен обстоятельствами такого карьерного роста и не знал что сказать.

- Так она у вас наверное уже вице-президент в этой компании, - попытался я подыграть деду.

Дед вздохнул и посмотрел на меня.

- Умерла супруга моя. В скорости уже пять лет будет как богу душу отдала. На Пасху померла. А ты знаешь кто на Пасху помирает?

- Кто?

- Праведники. Они сразу в рай отправляются. На Пасху кто попало на тот свет не идет, - подытожил дед с важным выражением лица.

Я шел в офис дивясь странной судьбе дедовской супруги и его рассказу о том, кто уходит из жизни на Пасху. Хотя мысль о том, что на Пасху, праздник воскрешения, вообще кто-то умирает казалась несколько нелепой.

Я уже неплохо разобрался в коде который написал Джим и даже написал несколько дополнительных функций к этой программе, что компания готовила к запуску. Все складывалось хорошо, я все глубже вникал в суть бизнеса и даже предложил пару изменений, который были одобрены прожект менеджерами. В тот четверг перед праздниками, когда дед рассказал мне о своей жене, Джим сильно кашлял и поэтому ушел раньше обычного. Перед уходом он пожелал мне хорошей Пасхи и выходных и даже пожал мне руку. Я был рад тому, что немного нелюдимый программмер, стал более общителен.

Хотя я и не хотел задерживаться, мне пришлось проторчать чуть дольше – хитрый баг в коде никак не мог выйти на чистую воду несмотря на все мои усилия. «Ладно, починю на следующей неделе», подумал я и потопал в сторону лифта. В офисе оставалась только Сара. Когда я проходил мимо ее кабинета она подняла на меня глаза и увидел, что она опять прослезилась. «И чего она все рыдает?», подумал я, помахав ей рукой на прощанье.

Выходные пролетели, как всегда, быстрее чем хотелось. Я водил ребенка на тренировки и смотрел с ним футбол по телеку, а в воскресенье жена испекла большой кулич по поводу Пасхи, который мы с удовольствием ели с чаем, вспоминая как когда-то давным давно в Советском Союзе Пасху неформально праздновали с куличами и крашенными яйцами и какой, пусть непонятной, но искренней радостью это было для детей.

Во вторник утром опять пошел дождь и я опять забыл зонтик. Резвая пробежка от метро до офиса воспринималась не иначе как дешевое дежа-вю. Я зашел в лифт и, стряхивая воду с рукавов куртки, нажал кнопку своего этажа. «Сейчас фиксану того бага», подумал я пока лифт полз наверх. Подходя к офису я ощутил странную нервозность вокруг.

Все сотрудники кучковались в разных углах офиса, нервно поглядывая на меня; Радж и Сара были у моего деска, очевидно в ожидании моего прибытия. Сара вновь была заплаканной, но в этот раз у ней даже не было туши на красных распухших глазах. Я подошел к ним и спустя мгновение понял все. Мне внезапно стали ясны и настойчивые потуги Раджа от которых багровел шрам на его голове, и рыдания Сары с разводами вокруг глаз, и срочность с которой менеджеры хотели, чтобы я разобрался в коде программы и капли крови на клавиатуре в первый день моей работы.

- Так он хоть не мучился? – тихо спросил я их.

- Говорят, что нет, но кто знает в точности? – ответил Радж, лихорадочно теребя волосы над шрамом, - с момента госпитализации и до смерти прошло три дня.

- Что конкретно? – еще тише спросил я.

- Рак, - шепотом ответила Сара и стала громко всхлипывать.

- Ты только правильно пойми, - добавил Радж, - Джим сам просил никому не говорить. Знали только я, Сара и владелец компании. Босс просил сказать, чтобы ты взял два дня выходных, чтобы прийти в себя, но мы очень рассчитываем, что дату запуска продукта не надо будет переносить.

Я молча кивнул и медленно зашагал к выходу. Обернувшись, я спросил:

- А когда это произошло?

- В воскресенье, на Пасху.

Дождь на улице превратился в сплошную мелкую водяную пыль, которую называют *drizzle* по-английски. Я машинально потопал по своему длинному маршруту, пытаюсь привести в порядок мысли. Рекламу бритв на торце высотки вновь поменяли, на этот раз на рекламу жевательной резинки «Орбит»: огромная упаковка этой жвачки на рисунке была окружена нежно-зелеными листочками мяты. На повороте, там где мускулистые парни толпились в ожидании работы, я увидел того индейца, что просил у меня сигарету. Я пошарился в карманах – жвачки не было. К углу подъехал трак с надписью «MacAlpine Construction», из которого кто-то крикнул:

- Билл, у тебя тикет для форклифта есть?

Тот самый индеец с рябым лицом моментально откликнулся.

- Конечно есть!

- Залезай, есть срочная работа в Суррее!

Трак, взяв индейца, укатил, оставив других парней что-то громко обсуждать. Я вспомнил Джима, его худобу и нелюдимость, его терпение и методичность и подивился его хладнокровию, с которым он обучал меня все это время. Я вспомнил как он весело смеялся, когда я перепутал «список» с «вождедением». Дождь покрыл мелкими каплями мои очки. Я зашел в супермаркет, чтобы вытереть их. Взяв бутылку воды я подошел к кассе. «Что же будет теперь с его собакой?», мелькнуло в голове.

- Чтонибудь еще? – спросила меня на кассе девушка с персидскими глазами и заметным испанским акцентом.

- Дайте мне еще упаковку «Орбита», - сказал я ей, вытаскивая мелочь.

Девушка растерянно оглядела все что у ней было разложено и смущенно сказала:

- Вы знаете «Орбита» у меня тут нет, но вообще он у нас есть. Подождете?

Она стала махать другой девчонке, расставлявшей товар неподалеку.

- Подожду. Не срочно, – ответил я и стал звонить домой.

Парадокс Англии

- Его черепная коробка была рассечена на две части алебардой, а челюсть и щеки истыканы кинжалом, - Малколм, с серьезной физиономией, жестами показал как должно быть ужасно это было.

- Бедняга, ведь на автостоянке нашли, - пробурчал Ангус, споласкивая свою чашку.

-Ну что поделаться, он ведь проиграл эту битву.

На мгновение воцарилось молчание. Загудел вскипевшей водой чайник. Малколм налил себе кипятка в пузатый заварник с листовым чаем; Ангус заваривал чай прямо в чашке. Оба предпочитали британский «Тетли». Кофейный аппарат сиротливо стоял в углу – кофе ни Ангус, ни Малколм, ни я не пили. Ангус и Малколм, мои коллеги в этом офисе, были родом с севера Англии, а там чай в большем почете, нежели кофе. Там же, на севере, у городка Лестер, были найдены останки средневекового английского монарха Ричарда Третьего, павшего смертью храбрых в феодальной стычке много сотен лет назад. Данный факт и обсуждался в это раннее утро на кухне нашего ванкуверского офиса.

- Ну скажите тогда, отчего у него так сильно был изогнут позвоночник? – прервал я эту созерцательную тишину, вспомнив жутковатую фотографию выкопанного на паркинг лоте скелета.

Я знал, что спровоцирую дебаты, но мне страшно нравилось наблюдать за тем, как Ангус и Малколм спорят; в такие мгновения пространство кухни густо наполнялось йоркширским прононсом и можно было подумать, что место действия не западная Канада, а какой-нибудь Баскервиль-холл. Строго говоря, из Йоркшира родом был только Ангус; Малколм и еще несколько ребят, усердно писавших код в этой фирме, были из других графств Соединенного Королевства. Иногда я их вообще не понимал, особенно когда они что-нибудь трещали скороговоркой. Но чаще удавалось разобрать общий смысл и после этого, наводящими вопросами, понять до конца суть сказанного.

- У него был сколиоз от рождения! – уверенно продекламировал Малколм.

- Какой сколиоз? Все от упражнений с двухметровым луком, которые были обязаны делать все дети по три часа в день. По закону! – Ангус красноречиво поднял вверх указательный палец, подчеркивая, что от этих мероприятий не освобождались даже августейшие особы.

- Так ты что думаешь из Ричарда хотели сделать Робина Локсли?

- Стрелки из лука были элитой армии, типа как сейчас пилоты. Принц Гарри ведь не пошел в пехоту, и Ричард не стал бы секирой махать...

Диспут накалялся. Мне очень хотелось остаться подольше и услышать все доводы, но надо было идти – через несколько минут мне должны были звонить с другого конца континента.

В детстве, когда я научился читать, я вдруг осознал, что у меня есть вполне четкие представления о тех или иных странах в те или иные эпохи. Вначале это были страны сказочные типа Изумрудного Города, сменившиеся на вымышленные типа тех, что сочинял Жюль Верн или Обручев со своими Плутонией и Землей Санникова. Ну а потом оказалось, что я неплохо знаком с Англией в разные периоды ее истории. Больше всего в этом постарались Стивенсон и Конан Дойль, однако в это утро мне вспомнился «Айвенго» Вальтера Скотта, в котором феодальная раздробленность и взаимная неприязнь саксов и норманнов провоцировала яркие вспышки бессмысленной, но галантной рыцарской доблести. Если добавить к этому гипнотический парадоксализм Льюиса Кэролла, то наверное можно сказать, что Англия была наиболее знакомой и даже по приятельски своей страной для любого советского школьника, чьи передвижения по планете в большинстве случаев ограничивались городом проживания с редкими вылазками куда-нибудь туда, где были пионерские лагеря или проживали родственники. Знания об Англии аккумулировались с такой быстротой, что факт того, что по английскому была тройка выглядел как то совсем нелепо.

При этом детство мое проходило в крайней удаленности не только от Туманного Альбиона, но и от Европы вообще, на периферии Советского Союза, в азиатском подбрюшье российской империи, как выражался Солженицын. В самом центре города, носившего тогда другое название, был расположен кинотеатр «Россия», функционирующий до сих пор, и чудесным образом уцелевший после двух опустошительных для центральных кварталов революций. В этом кинотеатре я впервые соприкоснулся с Англией визуальным образом, а не книжным. Точнее сказать, с тем образом Англии девятого века, который представлялся правдоподобным

голливудским режиссерам, создавшим фильм «Викинги». И хотя фильм этот был снят в 1958 году, в кинотеатре «Россия» в начале восьмидесятых его крутили так, как будто это был хит текущего сезона. Кинозал был набит до отказа. Озвучивание было замечательным – Кирк Дуглас звучал настолько естественно говоря по русски, что я не удивился много лет спустя, узнав о его славянских корнях. Англия в фильме выглядела удивительно живописной, с почти что сказочными замками из камня и ярко-синим океаном, по которому плыли воинственные бородатые скандинавы. Суровая реальность средневековой жизни и смерти отодвигалась на задний план романтическим образом английской принцессы из-за которой в фильме щедрыми потоками текла голливудская кровь. Викинги находили Англию крайне привлекательной и посещали ее очень часто. И знание о том, что Англия это именно то место, куда стоило добираться несмотря ни на какие трудности, великолепно транслировалось с широкоформатного экрана.

Англы и саксы, этнокультурная доминанта Англии, собственно и давшая название этой стране (Страна Англов) воевали с викингами почти что непрерывно целых три века. Эта страница английской истории крайне увлекательна и местами даже поэтична. *«Семь футов английской земли или чуть больше, если он и правда так высок»*, таков был ответ последнего англосакского короля Гарольда своему брату, переметнувшемуся на сторону викингов, когда тот спросил получит ли что-нибудь Харальд Хардрада, его союзник и вождь скандинавов, если сложит оружие. Так и вышло – в последующем сражении Харальд был убит, а его воинство разгромлено. Это, впрочем, не помогло англосаксам сохранить независимость ибо, как писал Вальтер Скотт, тот самый ветер, что развеивал победоносные штандарты Гарольда, надувал паруса норманнов, мчавшихся к берегам Англии через Ла-Манш. Меньше чем через месяц страна проиграла битву при Гастинге и в Англии установилось владычество норманнов.

История, впрочем, любит ставить вещи с ног на голову – все сложилось совершенно иначе по ту сторону Атлантики. Викинги первыми добрались до Северной Америки на пятьсот лет раньше Колумба, заложив колонию в канадском Ньюфаундленде. Англичане прибыли сюда намного позже, однако сражений не потребовалось - от колонии скандинавов к тому времени остались лишь тщательно замаскированные природой развалины и мимолетные упоминания в легендах местных индейских племен.

Одно время я работал в компании, расположенной в Суррее, одном из муниципалитетов Большого Ванкувера. Мой менеджер был такой же иммигрант как и я, уроженец Суррея, но только английского.

- Из одного Суррея в другой Суррей, - так он описывал свое передвижение по планете., - А почему? Потому что солнце не заходит над английской империей.

Он приходил на работу по пятницам в майке футбольного клуба «Челси» и страстно любил истинно британские шоколадки Кит Кэт. Эмиграция для него была делом совсем иным нежели для таких как я, если к тому же учесть, что портрет английской королевы до сих украшает собой канадские банкноты и монеты.

Смотря на карты трудно не согласится с тем, что солнце над империей действительно не садится. Строго говоря, сама империя уже давно прекратила существование в своем имперском виде, но вот топонимы продолжают пестреть на всех континентах, напоминая о былом величии правившей морями Британии. Иногда доходит до абсурда. В том же вандуверском Суррее есть район Гилфорд; приятель, вернувшийся из командировки в Англию, показал мне фотку, где он запечатлен на фоне колледжа Гилфорд в Суррее. Не всегда, однако, имперское наследие лежит на поверхности, иногда приходится копнуть чуть глубже, чтобы увидеть британский след в достаточно неожиданных местах. Если взглянуть на карту Афганистана, то можно заметить длинный и узкий участок территории, зажатый между Таджикистаном и Пакистаном, так называемый Ваханский Коридор. Эта неприветливое горное плато с почти что арктическим климатом практически не заселено, если не считать горстку (несколько сотен) застрявших в феодализме киргизов, кочующих по этому неуютному уголку центральной Азии со своими яками. Коридор этот, как политический субъект, был создан при активном участии Англии. Стояла геополитическая задача не допустить возникновения общей границы между двумя империями, Российской и Британской, и тогдашний афганский шах помог английской короне создать желанный буфер в этом высокогорье. Так что условная изоляция ваханских киргизов это в некотором смысле продукт английской колониальной политики.

В те годы когда я учился в школе, а Советский Союз быстро увядал во всех мысленных аспектах, стремительно растущие контрасты ярче всего подчеркивались английским языком во всех его ипостасях. Больше всего это проявлялось в музыке, львиная часть которой была на английском. То есть существовала музыка и не на английском, но не та, что была по настоящему популярной среди моего поколения и непосредственно предшествующего моему (поколение дедов было другой закваски). Те, чья молодость пришлась на период так называемой хрущевской оттепели, боготворили The Beatles и казалось, что почти все знали куплет-другой на языке оригина из творчества этой ливерпульской четверки (то, что почти никто не понимал их смысла – другой вопрос). Не будет преувеличением сказать, что для многих единственным стимулом для посещения уроков английского в школе или институте было жгучее желание разобраться о чем же все же поется в этих англоязычных песнях, обволакивающих липким гипнозом благоговения практически каждого. Несмотря на то, что словари были достаточно доступны, а уроки обязательны, число людей знавших английский по настоящему хорошо было исчезающе невелико. Знатоки эти пользовались колоссальным, хотя и часто скрываемым, авторитетом и привлекались страждущими к дешифровке заветных текстов. Я помню был свидетелем диалога, когда обсуждалась одна из песен The Beatles:

- Санек, ну скажи, что значит «*She's got a ticket to ride and she don't care*»?

- Ну это типа что у герлы билет уже есть и теперь ей все по барабану.

- А куда билет-то?

- Об это не говорят, слушатель сам должен понять. – с серьезным лицом важно отвечал «эксперт».

- А, ну круто. Ну ты голова Санек!

Коллапс Советского Союза открыл шлюзы потокам англоязычной музыки (и всего остального) уже по настоящему. Внезапно оказалось, что одна шестая часть суши была захолустной окраиной по части этого вида искусства. Оказалось также, что львиная доля по настоящему эпохально качественной музыки ковалась именно в Англии, а не в других англоязычных странах. Был в то время я студентом в одном из сибирских городов. Зимой, в разгар сессии, голова пухла от вколачиваемых словно гвоздей в доски знаний. На улице рано темнело. Сквозь окна обшарпанной общаги кроме времени суток все равно ничего не было видно из-за ажурных узоров инея. Гайдаровские реформы резко ограничили среднестатистический студенческий рацион. Один из немногих факторов, привнесший тепло и свет в конце туннеля в это незабываемое время, был густой баритон Дэвида Гэхана²⁶ неустанно несущийся из колонок допотопной магнитолы, что стояла у нас в комнате на лобном месте. Почти все, что пел Гэхан звучало мрачно, но видимо реальность на тот момент была еще более тоскливой, поскольку после этой музыки откуда то находились силы и даже осторожный оптимизм. После бессонных ночей, проведенных в умопомрачительных студиях, я приходил после зачета или экзамена к себе в комнату, бессильно падал на выдавший виды «мамонт» (так называли самопальные двухъярусные кровати) и, закрыв глаза, слушал суровый гэхановский вокал, представляя себя не «во глубине сибирских руд», а там, где северная Атлантика целовала волнами дуврскую белизну.

Когда морозы были не особо суровыми, а сессия не на носу, мы бывало гоняли мяч на покрытом толстым слоем снега стадионе. Парадоксальным образом в этом уголке континента, где зимние виды спорта должны были по идее жестко доминировать, самой популярной игрой была та, что придумали в Британии для игры на траве. Травы на том стадионе, надо сказать, не бывало даже летом – это был какой то песочноподобный грунт. А вот зимой одеяло снега, прикрывающее этот грунт, стонало от десятков ног, играющих в футбол. Играть было весело, а падать не больно из-за снега. Иногда игры затягивались и разгоряченные студенты сбрасывали куртки и свитера, оставаясь лишь в майках. Когда я рассказываю об этих эпизодах знакомым из Англии мне не верят, думают что я сочиняю. Ну кто в здравом уме будет играть в футбол на снегу при отрицательной по Цельсию температуре, да еще скинув при этом верхнюю одежду? Однако все обстояло именно так – любимая всей планетой английская игра в Сибири времен романтического капитализма переживала именно такие метаморфозы.

Игра в полуголом виде в футбол на сибирском морозце была вещью не особо новой для тех широт. В те моменты, когда у меня была свободная минутка для чтения, я помнится листал как-то раз заметки русского этнографа Богораза о юкагирах и наткнулся на сведения о том, что юкагирские женщины обрабатывая рыбу, бывало скидывали свои парки в мороз, чтобы не потеть больше необходимого. Мороз и снег в Сибири были штукой крайне банальной, едва ли заслуживающие особенного упоминания. А вот в Англии ни мороза, ни снега, по крайней мере по книжным источникам не было – теплый Гольфстрим согревал всю северную Европу и поэтому в футбол там играли на траве, а не на снегу.

²⁶ Дэвид Гэхан - вокалист и один из членов английской музыкальной группы Depeche Mode

Английский футбол, еще задолго до того, как российские олигархи наперегонки стали скупать клубы Премьер Лиги, был явлением интригующим и завораживающим. Уровень организации футбола в Англии был прямо пропорционален абсолютной магии на поле многих игроков, большинство из которых, кстати говоря, вовсе не были подданными ее величества. После сезона Премьер Лиги, который мы смотрели нерегулярно и в записи, называть футболом то, что предлагала отечественная одноименная индустрия, уже совсем не хотелось. Годы спустя я узнал, что во многих других уголках планеты история повторялась, причем иногда в виде кровавой драмы – в Африке, где тогда полыхали жесточайшие войны, бывало враждующие группировки шли в атаку друг на друга одетые в джерси любимых футбольных клубов английской Премьер Лиги. Совершенно размытые идеологические ориентиры заполнялись тем, что игнорировать было невозможно при любой власти – очарованием британского футбола.

Гайдаровские реформы, впрочем, отворили калитку для знакомства с Англией материальной и даже вполне доступной студенческому кошельку. Это заняло время - капиталистическая «сказка» на пост-псевдокоммунистической почве сказывалась не сразу. Зато после периода крепко затянутых поясов, стало возможным купить батончик «Пикник» или шоколадку «Виспа», про которую шутили, что английского воздуха в ней куда больше, чем английского шоколада (внутри эта шоколадка была в воздушных пузырьках как сыр). Чисто гастрономически те студенческие годы в Сибири помнятся мне двумя краеугольными «кулинарными» камнями – водкой разведенной в английском тонике «Швеппс» (мы любили горький лимон, Bitter Lemon) и батончиками «Пикник» на закуску. Комбинация необычайная, но крайне типичная для студенческих общаг в то время. Пластиковые бутылки от выпитого «Швеппса» тогда же подарили мне первое знакомство с концепцией recycling-a – местные бабульки срезали у них верхушки и использовали как цветочные горшки и для рассады.

Мой приятель Крис родился на острове Ванкувер в глубоко консервативной английской семье, в городе само название которого олицетворяет традиционность и консерватизм – в Виктории. В центре этого небольшого симпатичного городка можно увидеть позелевшие и уделанные чайками монументы таким грандам былого английского величия как Джордж Ванкувер и Джеймс Кук – оба подробно исследовали побережье Британской Колумбии, торговали с индейцами и интриговали против архиважного в то время соперника, Испании. Глядя на медную треуголку Джеймса Кука в гавани Виктории одновременно вспоминаются крайне полярные мелодии: шутивная песенка Высоцкого про то как аборигены съели Кука и торжественно-патриотичная композиция *“Rule Britannia, rule the waves!”*. В раннем детстве я много читал об английском мореплавателях, Крис увлекался тем же. Великих мореходов среди англичан было непропорционально много и часто бывало так, что изучение новых земель и торговых маршрутов они совмещали с такой криминальной деятельностью как пиратство. Причем пиратская составляющая вовсе даже не мешала вполне респектабельному увековечиванию в истории: пролив между Южной Америкой и Антарктидой носит имя успешного грабителя испанских колоний Перу Фрэнсиса Дрэйка; имя еще одного известного душегуба, промышленявшего в Карибском море, знакомо всем любителям рома в виде брэнда «Капитан Морган» (Captain Morgan).

Я хоть и потомок кочевников, по миру передвигаюсь не так много. Моя работа не предполагает длительных миграций по городами и весям. Я большую часть рабочего времени гляжу в дисплей компьютера и стучу по клавиатуре в надежде создать работающий код. Другое дело Крис. Благодаря ли своим английским корням или нет, передвигается он по миру очень интенсивно, причем как морем, так и сушей. Крис, как и его далекие предки, будучи торговым представителем одной крупной канадской компании, неустанно прокладывает новые торговые маршруты и поддерживает в рабочем состоянии существующие торговые артерии. Как то раз вернулся он из Айдахо.

- Ну так вот еду я себе по сельской местности, ничего не нарушаю и вдруг сзади откуда ни возьмись выныривает коп с мигалкой. Причем мигалка врублена, сирена тоже – как в кино! Обгоняет он меня и требует остановится на обочине через громкоговоритель.

- Ну а ты?

- А что я? Я прижимаюсь к бровке, торможу, кладу руки на руль, чтобы коп их видел и жду. Америка все таки, с этим лучше не шутить, можно и пулю получить.

Я заметил искорки веселости, пляшущие в уголках его глаз, хотя Крис и продолжал стараться выглядеть серьезным.

- Так вот, подходит он ко мне, здоровый такой детина в шерифской шляпе и на полном серьезе говорит «Давай лицензию и регистрацию или что там у вас взамен в Британии!». Я сначала не въехал, а потом как врубился с тяжелейшим трудом сдерживал смех, коп все таки.

- Ну так и чем все закончилось? – с нетерпением спросил я.

- Проверил он все, извинился и уехал. А я рулил потом и до самой Канады гоготал как ненормальный. Номера то на машине вancouverские, так он и прочитал “British Columbia”²⁷. И подумал, что я приехал прямо из Британии.

Подобных историй можно услышать множество – в Америке, стране говорящей на английском, и основанной в том числе британской иммиграцией, представления о далекой прародине зачастую такие же условные и схематичные как и скажем у рядового Гомо Сапиенса представления о том, что все мы вышли когда-то из Африки. В Канаде же и других странах Британского Содружества воспоминания об Англии куда более свежие и яркие. Английская королева украшает своими портретами не только дензнаки – при принятии канадского гражданства формально присяга о законопослушании приносится именно ей; флаг Британской Колумбии до боли напоминает Юнион Джек (Union Jack) Соединенного Королевства. Британская монархия также очень прочно угнездилась в канадских топонимах и большое количество населенных пунктов, улиц и площадей так или иначе связаны с английским королевским двором. Ну и абсолютное большинство знакомых мне канадских женщин (для многих из которых, кстати, русский это родной язык)

²⁷ British Columbia – Британская Колумбия, самая западная провинция Канады с крупными городами Виктория и Ванкувер.

слились в одно целое с голубым экраном в ту достопамятную ночь (ночь была тогда в Ванкувере), когда Вестминстерское Аббатство транслировало августейшее венчание принца Вильяма и простолюдинки Кейт.

Киргизский эпос «Манас» считается самым большим по объему в мире, превосходя во много раз «Илиаду» и «Одиссею» вместе взятых. Манас, эпический герой, начинает свои подвиги с того, что создает «кураму»(смесь) из разношерстного множества племен, включая таких далеких от тюрков как калмаки и манчжуры. Миф о Манасе было бы довольно просто трансплантировать в Туманный Альбион ибо английский этнос также крайне пестр по своему составу и включает кельтов, германцев англосаксов, франкоязычных норманнов, датчан и других. Мой генетический облик также очень разнообразен, но вряд ли я когда либо смогу стать англичанином (или киргизом) – я, как и многие из моего поколения, отчасти Гомо Советикус, отчасти что-то еще, чему еще не придумано названия.

Однако это не препятствие для того, чтобы иметь возможность ощущать свою связь с той цивилизационной вселенной, что была создана Англией. Хемингуэй писал о Париже как о празднике, который всегда с тобой. Владимир Набоков, большую часть жизнь проведший за пределами России, на вопрос не скучает ли он по родине отвечал, что та Россия, что дорога ему всегда вместе с ним в виде книг и воспоминаний. Парадокс Англии заключается в том, что мир созданный упрямыми британцами в состоянии вторгаться в твою жизнь вне зависимости от географии и времени. Это может быть в Средней Азии, на западном побережье Канады, в руральном Айдахо, Гонконге или Равалпинди. Это может быть во времена Советского Союза, на рубеже ушедших столетий или же в современности. Англия это не просто скалистый остров в Северной Атлантике – это цивилизационный эфир, пронизывающий наш мир во всех возможных ипостасях.

- Папа, смотри тут есть город Порт Стэнли! – мой сын разглядывал карту Фолклендских Островов у самой южной оконечности Южной Америки, - это что тот же лорд Стэнли, что создал парк в Ванкувере?

Я улыбнулся.

- Нет малыш, это другой Стэнли. Давай-ка чай будем пить, шесть часов уже.

- Ура! – воскликнул мой сын и полез в шкаф за печеньем Кэдбери.

Несоответствия

- ... И он, чувствуя, что того покидают силы, еще сильнее сжал его руку. Он завернул ее и крутил до тех пор, пока мускулы в плече не стали трещать. Сухожилия защелкали разрываясь, и, в конце концов, сустав выскочил со своего места и его рука оторвалась, заливая кровью все вокруг...

От услышанного я совсем забыл, что наливал кипяток в чашку с чайным пакетиком. Струйка горячей воды вылилась из чашки и закапала с края стола на пол. Я резко одернул босую ногу, ошпаренную горячими каплями. От этого дергания несколько капель попали мне на руку уже из чайника. Ставя его обратно на плиту, я сквозь зубы выругался по-русски.

- Что? – спросил сын, прервав свой рассказ.

- Ничего, это были плохие слова, ты их не запоминай. Так что, прямо так и написано?

- Да! И после этого Грендель, истекая кровью, бросился бежать к себе в логово, через болота. Он понимал, что близок его последний час...

Мой сын эмоционально рассказывал мне содержание прочитанной им книжки, древнеанглийского эпоса «Беовульф» в детском изложении. Ничего особенно детского в услышанном я не нашел, но сама книжка была неплохо издана – в твердом переплете с красочными иллюстрациями и крупным, слегка готическим шрифтом, она не могла оставить равнодушным ребенка младшего школьного возраста. На той странице, что была посвящена описанной схватке, непропорционально большой зеленого цвета монстр с перекошенным от боли лицом и кровоточащей раной вместо руки, ковылял по унылому сумеречному ландшафту. Макая пакетик с чаем в чашку, я листал книгу, рассматривая волшебных чудищ, драконов и атлетично сложенных блондинов в кольчугах и разным вооружением. Сам Беовульф, главный герой эпоса, мог бы запросто сойти за голливудскую кинозвезду. Сын продолжал рассказывать.

- ... И он освободил землю данов от этих монстров, а потом вернулся в Скандинавию...

Стало ясно, что героические похождения Беовульфа географически включали в себя в основном Северную Европу, те места, где сейчас расположены Дания, Швеция, Германия и Голландия. Странное чувство логической несостыковки знакомо засвербило в мозгу.

- Погоди малыш, ты ведь сказал, что эпос староанглийский. Так почему же он даже не разу не побывал в самой Англии? И вообще откуда он, Беовульф?

Оказалось, что эпос этот был создан до того, как англы (вместе с саксами) мигрировали из континентальной Европы в Британию; при этом главные события разворачиваются в землях данов и гетов. Сам Беовульф – некий принц из гетов, народности, населявшей тогда Южную Швецию. В этом староанглийском эпосе упоминания об англах так же редки как, скажем, английская речь в руральном Квебеке, а Англия как географическое место на европейской карте не упоминается вовсе.

Это любопытное противоречие никак не влияет на факт того, что эпос «Беовульф» считается одним из наиболее почитаемых произведений в корпусе англоязычной литературы. В эпосе (как и всегда в подобного рода текстах) на первое место выходит доблесть, честность и другие положительные качества главного героя и его окружения – например, в противостоянии с монстром Гренделем, Беовульф принимает решение не использовать оружие, а сражаться голыми руками, дабы не было «нечестного преимущества». Как почти всегда и случается, несомые в

массы читателей (или слушателей) посредством литературы моральные нормативы слабо влияют на ход истории. История потомков англов - не исключение. А одно из наиболее ярких проявлений этой истории, идущее в полном разрезе с какой либо моралью – активное участие Англии в период 17-19 веков в крупномасштабной Трансатлантической работорговле.

Необычный эпизод имел место когда-то в начале восемнадцатого века у побережья Бенина в Западной Африке, именуемого тогда Невольничий Берег. Капитан английского работоргового судна Вильям Снелгрейв скупал партиями чернокожих рабов для транспортировки в Антигуа для работ на плантациях. Неожиданно он получил приглашение от царька побережного государства Аллада, с которым (в числе прочих) он вел бизнес. Посещение этого побережья в то время почти всегда было рискованным, даже если приглашал сам монарх. Однако отказаться тоже было нельзя, поскольку Снелгрейв планировал долгое и взаимовыгодное сотрудничество на ниве этого жуткого бизнеса с приглашающей стороной. Взяв с собой с десяток матросов вооруженных мушкетами, капитан все же решил отправиться в гости.

Проплыв вверх по реке, Снелгрейв и его телохранители высадились на берег у августейшей резиденции. Царек встретил его при полном антураже, с большим количеством придворных и отрядом воинов, вооруженных луками, мечами и копьями. Состоялся обмен любезностями, после чего капитан презентовал необходимые для данной ситуации дары царьку.

Вдруг взгляд капитана упал на ребенка, привязанного ногой к столбу, которого он характеризует как «красивый мальчик примерно 18 месяцев отроду». Ребенок был в плохом состоянии, вокруг него уже вился большой рой насекомых. Капитан спросил монарха зачем ребенка привязали к столбу. Тот ответил, что ребенок этой ночью должен будет принесен в жертву для его королевского процветания. Снелгрейв замечает, что рядом со столбом находятся два жреца.

Капитан тут же приказал одному из матросов взять ребенка, чему попытался помешать королевский воин. Далее последовала стычка, едва не переросшая в кровавую потасовку. Однако ситуацию удалось разрядить усилиями капитана и короля. Далее король объяснил капитану, что ребенок это его собственность и никто не может просто так его у него забрать. Снелгрейв же ответил, что «его религия резко против такой ужасной вещи, как убийство совершенно невинного ребенка», после чего добавляет библейскую цитату, что относится к другим надо так, как и сам желаешь, чтобы относились к тебе. После чего он обменял ребенка по бартеру на «бусы небесно-голубого цвета, стоимостью примерно пол-фунта стерлингов». После этого состоялась трапеза и попойка.

В конце встречи король выразил свое удовольствие и пообещал к следующему визиту Снелгрейва новые партии рабов. Плывя обратно к кораблю, капитан отдал приказание одному из матросов найти женщину из числа купленных им ранее рабов, чтобы она заботилась о ребенке. Матрос сказал, что уже знает, кто может выступить в этой роли и что даже у ней есть материнское молоко в груди.

Как только матросы принесли ребенка на борт, одна из женщин с воплями бросилась к нему и взяла его на руки. Оказалось, что это именно та женщина о которой говорил матрос. Более того,

женщина оказалась родной матерью ребенку. Снелгрейв отметил, что «никогда более в своей жизни не видел я более трогательного момента – воссоединения матери и ребенка».

Вояж в Карибское море прошел без бунтов и корабль без приключений дошел до Антигуа. Более того, на аукционе по продаже рабов, Снелгрейв замолвил словечко одному плантатору, некоему мистеру Студли, который купил мать с ребенком и «был им добрым хозяином». Эту историю Вильям Снелгрейв описал в своей книге «Новые данные о некоторых областях Гвинеи и работорговле» (“A New Account of Some Parts of Guinea and the Slave Trade”), изданную в Лондоне в 1734 году.

Спасение малыша от неминуемой гибели от рук языческих африканских жрецов и последующее воссоединение с матерью поступок безусловно добродетельный; оправдание его христианской заповедью выглядит также весьма трогательно. Несколько отрезвляет факт того, что выкуп ребенка по бартеру за бусы «небесно-голубого цвета» в общем-то пустяковое усилие для капитана и никаких особенных жертв он не приносит. Куда более заметно другое противоречие – высоконравственное спасение ребенка происходит на фоне страшного эпизода в функционировании отлаженной системы бизнеса, в котором сотни людских судеб (стандартный работорговый корабль вмещал от 200 до 300 рабов для транспортировки) калечились до неузнаваемости, многие гибли еще на борту судна (от депрессии, безысходности и жестокости обращения), а те кто был продан в рабство на плантациях Нового Света медленно умирал от непосильного труда, принося сотни процентов на вложенный капитал их владельцам. При этом Снелгрейв, спасая ребенка, является активным участником этого процесса, имея в нем финансовый интерес (капитаны кораблей были в доле от прибыли).

Потомки германских племен к югу от тех мест, где разворачивались события в «Беовульфе» не были вовлечены в работорговлю с таким же размахом как Англия. Возможно потому, что в силу исторических причин им не удалось создать такую же гигантскую империю, о которой во времена Беовульфа пожалуй что никто даже и не мечтал. Последняя их попытка создать такую империю привела к колоссальным человеческим жертвам и жуткому опустошению Европы, прежде всего Восточной.

Когда-то в самом конце 1941 года на Восточном (для Германии) фронте произошел следующий случай. Дело было в Белоруссии. Подразделение СС получило приказ ликвидировать еврейское население одной из деревень. Офицер, руководящий операцией, по немецки щепетильно описал в рапорте все произошедшее под его командованием. В частности, когда очередную группу обреченных привели к месту расстрела (время газа «Циклон» и уничтожение людей на индустриальном уровне было еще впереди) возникла ситуация, которую разругать мог только начальник операции. После нескольких диалогов между немецкими солдатами, их местными помощниками (после войны их станут называть коллаборационистами) и переводчиком, оказалось, что одна из женщин в составе расстрельной группы не является еврейкой. Каким образом она попала в экзекуционные списки не уточнялось. Офицер СС, получив по его мнению достаточно доказательств о нееврейском происхождении женщины, вывел ее из строя и отправил обратно в деревню. После этого ликвидация продолжилась.

Вряд ли когда нибудь станут известны реальные мотивы такого решения этого германского офицера. Был ли он фанатичным нацистом, впитавшим в себя культивируемый в Третьем Рейхе антисемитизм, но при этом относящийся равнодушно или может даже с симпатией к представителям славянских народностей (ненависть к славянам, как известно, появилась в Германии куда позже)? Или может он, будучи эмоционально надломленным после многочисленных казней совершенно невинных людей, был рад возможности уменьшить количество смертей хотя бы на одну? Такое тоже возможно – известны факты когда участники расстрелов сходили с ума от пережитого и эксперименты с газами были мотивированы как раз тем, чтобы снизить число психических расстройств в подразделениях, осуществлявших расстрелы. Также возможно, что офицер просто буквально следовал инструкции из штаба, где говорилось о ликвидации только еврейского и никакого другого населения деревни.

В любом случае факт пощады нееврейской женщины произошел на фоне полного произвола и в атмосфере (предполагаемой) безнаказанности частей СС, выполнявших эту кровавую задачу; строго говоря, для этого офицера разница между ее смертью и жизнью была исчезающе невелика. Скорее всего лично для него это тоже не имело никакой разницы. Однако факт имел место быть – проявление этой странной добродетели командиром СС произошло на фоне небольшого фрагмента гигантской катастрофы еврейского народа, которую называют Холокостом.

Возможно надо быть неплохо подкованным в философии, чтобы в четких дефинициях дать оценку этим двум эпизодам, изложенным выше – спасение ребенка капитаном Снелгрейвом и вывод офицером СС женщины из состава приговоренных к расстрелу. Можно ли считать оба эпизода проявлениями добра в полном понимании этого слова, принимая во внимание обстоятельства при которых все происходило? Вполне возможно предположить и такую оценку – добродетели в этих двух фактах настолько же много, насколько «Беовульф» можно считать истинно английским эпосом.

В этой связи мне вспоминается любопытный эпизод из моего детства. Давным давно попал я как-то раз в больницу по пустяковому делу. В палате с унылыми серо-голубыми стенами и стандартными железными койками с продавленными сетками и выцветшими матрасами, проживали шесть или семь пациентов (включая меня). Жизнь в советской больнице была очень скучной – незамысловатые трапезы (было, помнится, много манной каши и какого-то киселя), прием лекарств, иногда процедуры разной степени неприятности. Скуку эту скрашивали как могли лишь чтение и разговоры с соседями по палате.

Одним из пациентов был еще крепкий дед. Никто не знал его точного возраста. По отчеству его никто не называл - для всех он был просто дед Терентий. У него была трость и совершенно нелепая ковбойская шляпа, с которыми он бодро выходил на прогулки по внутреннему дворику больницы, будучи одетым в застиранную донельзя больничную пижаму с дурацкими цветочками. Бывало матерился он от души, но в разговорах с детьми держал себя в руках и старался не сквернословить. Иногда мы беседовали глядя в окно на порыжевший от жары клен.

Был дед Терентий родом из семиречинских казаков, из каракольских староверов. Семья его была откуда-то из Теплоключенки, что на восточной оконечности озера Иссык-Куль. Судя по всему биография деда была весьма насыщенной, но судить об этом можно было лишь по обрывкам воспоминаний, которые будто светлячки ночью вспыхивали порою в его речи в наших неторопливых разговорах.

Как то раз разговорились мы о том нужно ли переучивать левшей пользоваться правой рукой. Отчего то в то время было принято левшей переучивать и детей в школе, которые писали левой рукой учителя заставляли писать правой. Оказалось, что дед Терентий тоже левша.

- Меня тоже переучивали, - сказал он мне, предсказуемо держа свою выдавшую виды трость в левой руке, - это еще до большевиков было. Но я тебе одну вещь скажу сынок – иногда левшой быть очень даже к месту.

Много лет спустя я узнал, что быть левшой в некоторых видах спорта означало иметь вполне конкретные преимущества перед соперником. В теннисе например. Или в боксе – в классическом голливудском блокбастере «Роки» с Сильвестром Сталлоне, одно из преимуществ Роки Бальбоа (героя Сталлоне) на боксерском ринге как раз заключалось в том, что он был боксером-левшой. Обороняться от ударов левши правшам, привыкшим к правостороннему миру, очень неудобно.

- Отец мой, как и все тогда казаки, шашкой мастерски управлялся. Когда меня стал учить увидел, что левой я вроде ничего, а правой – ну никак! Почесал батяня репу тогда и отчего то решил, что шашка слишком легкая, чтобы меня научить и надо инструмент потяжелее. Раздобыл он откуда-то киргизский ятаган – тяжеленный, ужас! Да и форма у него другая, он лезвием в другую сторону выгнут, не как шашка. И давай меня гонять. Помню, все лето каждое утро с этим ятаганом руку набивал, а батяня всегда рядом – чуть что не так, сразу подзатыльник. Потом верхом заставлял упражняться, с этим же ятаганом. Короче с годами выучился я таки и ятаган, и шашку в правой держать как следует.

Дед сделал движение ладонью, будто бы охватывал рукоятку этого ятагана. Его сухие морщинистые пальцы с желтыми ногтями при этом жутковато хрустели.

- Убили родителя моего на германском фронте в первую мировую. А я сам в конце концов к большевикам подался. Так вот был у меня в Чон-Кемине такой случай. Преследовал наш отряд контрабандистов тогда. Отец то с шашкой на фронт ушел: мне тот самый ятаган и остался. В общем, пришлось верхом рубиться. Смотрю, на меня справа ихний мырза заходит, его ятаган у него наизготовке, вот-вот рубанет. Тут мне левая рука службу сослужила. Я мерина своего резко вправо повел, ятаган перекинул с правой руки в левую, да и секанул мырзу по малахаю с той стороны откуда он не ждал. Тот с лошади своей и рухнул, а на мне – ни царапины. Оказалось потом, что насмерть его зарубил своей левой, даже толстый волчий малахай не помог...

Дед замолк тогда, помнится, и долго бесцельно вращал в руках свою трость. Казалось, что воспоминание об этом оживляло и угнетало его одновременно. Я не решался что либо сказать.

Близился день Победы. Больничные медсестры на большом отрезе ватмана довольно кустарно написали ярко-красной краской «Слава ветеранам!» и повесили его у нас в палате. Строго говоря, ветеран у нас был только один, дед Терентий, но никто не стал делать из этого, что называется по английски *big deal*, несмотря на то, что это был повод для борьбы со скукой. За несколько дней до праздника к деду приходила жена. Помнится, я зашел в палату тогда, когда она только ушла. Дед Терентий сидел на своей койке и что-то аккуратно раскладывал. Проходя мимо я кинул быстрый взгляд и увидел что это были медали.

- Эту под Смоленском получил, - сказал он мне, показывая мне одну из них, - моя первая была. Вот эту за оборону одной высоты на Украине; после той обороны два месяца в госпитале провалялся, думал уж все, отвоевался и отжил свое. Но выкарабкался. И опять на фронт. А вот эта, - дед нежно взял самую невзрачную и затертую медаль, - самая важная у меня.

Я посмотрел на эту медаль. На потертотом от времени желтом металлическом круге было написано «За взятие Кенигсберга». По сравнению с другими она казалась наиболее невзрачной, но по взгляду деда было видно, что более серьезной реликвии у него нет.

- Очень много крови пролилось тогда у Кенигсберга, - сказал мне дед, - Там стена была крепостная, мы ее атаковали несколько дней, а когда внутрь прорвались, пришлось врукопашную биться. И опять левая выручила. Ну и нож, что я в левом сапоге носил на всякий случай...

Дед вновь нервно замолчал как и первый раз в рассказе про ятаган и убитого контрабандиста. «Праздник все таки», подумал я, и робко спросил деда:

- Дед Терентий, а другие медали у тебя за что?

Три отложенные в аккуратный рядок медали контрастировали еще с несколькими, беспорядочно сваленными в один ворох.

- А эти? Эти я не надеваю даже. Эти несерьезные.

Он даже не удостоил взглядом эти скомканные советские награды. На одной из них, я заметил, был выбиты даты «1945-1965». Похоже это была одна из тех юбилейных медалей, которыми время от времени почему-то продолжали награждать ветеранов. Дед что-то бормотал себе под нос, видимо вспоминая былые дни, поглаживая ту, что была за Кенигсберг.

В ночь накануне дня Победы деда куда то срочно перевели. Утром мы узнали, что он умер. Краска на ватмане выцвела и стала похожей на высохшую кровь. Без деда надпись «Слава ветеранам» выглядела нелепой. Через два дня меня выписали из больницы.

Когда я вспоминаю про деда Терентия, мне иногда кажется, что его небрежное отношение к тем медалям, что он не собирался надевать, было продиктовано нелепостью такой формы заботы государства о ветеранах. Жизнь деда была полна риска и несоответствий, одно из которых, его леворукость, как минимум дважды спасало ему жизнь. Вручение ему мало что значащей юбилейной медали, человеку который пролил кровь на Украине и штурмовал Кенигсберг,

вероятно казалось ему еще одним досадным несоответствием. Наверное так же себя мог бы чувствовать Билл Гейтс²⁸ если бы кто-то предложил ему милостыню.

Мы с сыном вернули книжку о Беовульфе в библиотеку. Сразу после этого ребенок потянул меня за мороженым.

- Ну, и что тебе взять теперь в библиотеке? – спросил я его, пока он перемешивал ягоды и шоколадную стружку с шоколадным же мороженым.

- Теперь мне нужен «Моби Дик»!

- Откуда ты знаешь про эту книжку? Про что она? – притворно изумился я.

- Эта книжка про капитана, который искал в океане белого кашалота.

- Белого? А разве кашалоты бывают белыми?

- Я думаю, что бывают. Надо почитать книжку, - сказал ребенок, измазав рот в шоколаде.

Услышав про кашалота, я вспомнил об Аристотеле Онассисе и еще одном несоответствии²⁹. Усмехнувшись, я вытащил айпэд, залогинился на вебсайт библиотеки и стал искать в каталоге «Моби Дика».

"Божественное возмездие" - размышления о патриотизме

Вооруженные конфликты - едва ли не самое древнее занятие человечества и в этом смысле профессия военного может запросто конкурировать с другой хорошо известной (иногда ее называют древнейшей) профессией по части давности традиций. Любая война, как правило, штука глубоко эмоциональная. Однако чем дальше она назад во времени, тем менее серьезно она нами воспринимается. Скажем, оборона Севастополя Красной Армией в 1942-м году от германской группы армий «Юг» может заставить читателя этих строк задуматься о неподдельном героизме советских бойцов, вспомнить одноименное полотно Александра Дейнеки и специальный нашивной знак «Крымский щит» для штурмовавших город солдат вермахта и, конечно же, порефлексировать о загадочном предначертании Крыма, вновь ставшим российским после событий весны 2014-го³⁰. При этом воспоминания о, скажем, Отечественной войне 1812 года, скорее всего заставят вспомнить старую кинокомедию «Гусарская Баллада» и странную особенность олова становиться чрезвычайно хрупким при низких температурах (пуговицы на

²⁸ Билл Гейтс – основатель и владелец компании Microsoft, один из самых состоятельных бизнесменов в мире.

²⁹ Барные стулья на личной яхте греческого транспортного магната Аристотеля Онассиса были обиты кожей, взятой с гениталий полосатика Минке.

³⁰ Крым был присоединен к России (используется также термин «аннексирован») в марте 2014 года в результате драматических событий в украинской политике.

мундирах французских солдат были сделаны из олова и в результате зимних морозов ломались и крошились, добавляя неудобств спешно отступавшей армии Наполеона).

Война Соединенных Штатов Америки за независимость от английской короны – одна из таких далеких почти что мифических войн, судить о которой рядовой обыватель может лишь по курсу истории в средней школе, суровым портретам Джорджа Вашингтона и Томаса Джефферсона и совершенно фантастическому голливудскому блокбастеру Мэла Гибсона «Патриот», в котором реальность искажена до уровня, обычно наблюдаемого в фильмах о «Бэтмене». Гибсон не случайно именно так назвал свою кинофантазию – в этой кровавой агонии длившейся целых восемь лет, американцы называли себя «патриотами» (в то время как противоборствующая сторона именовалась роялистами). Патриоты боролись за свободу от английского ярма (в первую очередь налогового); тема завоеванной свободы с тех пор синонимична их борьбе, подтверждение чему начинается в самом начале континентальной Америки, знаменитой «Дороги Свободы» в Бостоне.³¹

Однако не все жители Америки, даже будучи уроженцами колоний, были на стороне «патриотов» в этом конфликте. Большое количество колонистов предпочли расстаться с молодым государством и переселиться в другие колонии (Канаду, острова Карибского моря) или же вообще вернуться в метрополию. Части этих вынужденных переселенцев была уготована крайне трудная судьба – во время войны по призыву английского короля Джорджа, тысячи чернокожих рабов американского юга, бросали своих хозяев и вставали под знамена Британской Империи в обмен на обещанную его величеством свободу. Многие из них оказались обманутыми, еще больше попали в зависимость почти не отличающуюся от рабства и практически все влачили крайне жалкое существование несмотря на пролитую кровь и самопожертвования. Британский религиозный и общественный деятель по имени Грэнвилл Шарп, сыгравший ключевую историческую роль в движении аболиционистов, выступил с проектом переселения этих несчастных бывших рабов в Сьерра Леоне в Западной Африке. Проект оказался утопией (Шарп был приверженцем архаичного уклада старой англосакской демократии, который он пытался привить бывшим рабам) ; переселенцы были атакованы местными племенами, страдали от болезней и хронической нехватки всего, что было нужно для фермерства. Будучи глубоко удрученным от неудачи проекта, Шарп размышлял над тем, что же все таки было не так в его планах и пришел к выводу, что кроме всего прочего виной фиаско был ром, доступный переселенцам и якобы усугублявший проблемы с малярией и другими тропическими недугами.

Этот необычный вывод английского богослова и филантропа вспоминается мне всякий раз, когда мои армянские друзья приглашают меня на весьма комплексный ритуал, именуемый по армянски хаш. Хаш это сложная церемония, начинающаяся довольно рано (в нашем случае примерно в девять часов утра). Состоит она в основном из поглощения большого количества пищи с кульминацией в виде говяжьего отвара из коровьих ног, произношения разнообразных тостов и

³¹ Дорога Свободы (Freedom Trail) – широко известная достопримечательность в Бостоне, представляющая из себя мощенную брусчаткой дорожку длиной в 2.5 мили, идущую через центр города.

обильного распития водки. Водка на хаше это мощный детонатор для всплеска мрачных воспоминаний и тягостной рефлексии. Тема Арцаха (так армяне называют Нагорный Карабах) затрагивается на хаше всегда и неизбежно (равно как и тема геноцида армян 1915 года). Однажды, когда уже было много выпито, один из гостей рассказал историю о своем знакомом, офицере Советской Армии, ушедшего защищать Арцах во время войны с Азербайджаном. Офицер этот после развала Советского Союза какое-то время не мог понять что ему делать дальше, поскольку государство, которому он давал присягу на верность перестало существовать. Вспыхнувший ярким пламенем карабахский конфликт стал для него своего рода ориентиром. Записавшись в добровольцы, он был отправлен в самое пекло боевых действий, где был убит спустя неделю.

- Он был настоящим патриотом Хаистана³², - подытожил рассказчик, после чего все присутствующие еще раз выпили.

Надо сказать, что армянский патриотизм (как вероятно и всякий другой) явление многогранное. После победы Армении в Арцахе Азербайджан и Турция наглухо закрыли свои границы, погрузив победителя в экономическую блокаду. Мой друг Вартан, проживший год в этой блокаде, вспоминает ее как кошмарный сон:

- Зимой было особенно плохо. Один раз меня чуть не загрызла стая бродячих собак – злые, голодные! В Ереване их тогда много было. Но хуже всего было с топливом. Парков в городе не осталось сейчас – все на дрова вырубил. Если бы не Азнавур не знаю как бы выжили.

По рассказам Вартана, Шарль Азнавур, известный французский шансонье армянского происхождения, известный своей благотворительностью, сыграл ключевую роль в материальной поддержке Армении в тот трудный для страны период. Многие в Армении считают этого родившегося и прожившего всю жизнь во Франции человека настоящим патриотом Армении. Обратная ситуация тоже имеет примеры в истории. Мисак Манушян родился в Западной Армении, на данный момент являющейся частью Турции. Ребенком он пережил все ужасы армянского геноцида, в котором потерял родителей. Перебравшись сначала в Сирию, а потом во Францию, он активно занимался литературной деятельностью, переводами на армянский французских авторов и даже принимал участие в издании ряда журналов на армянском языке, посвященных культуре. Во время оккупации Франции нацистской Германией, Манушян стал одним из лидеров французского сопротивления. В 1943 был арестован, подвергнут пыткам и затем казнен нацистами. Благодаря своей роли во движении сопротивления, он считается героем Франции, ему установлен памятник и в его честь названы улицы в разных французских городах. Парадоксальным образом поэт, делавший все для сохранения армянской культуры, оказался выдающимся французским патриотом.

Когда мой сын был в первом классе, накануне канадского праздника *Remembrance Day*³³ был у них урок посвященный канадским ветеранам. Ребенок принес книжные закладки из школы с

³² Хаистан – Армения на армянском.

портретами участников высадки в Нормандии в 1944 году и тихо и торжественно сказал, показав мне на морщинистые лица уже пожилых канадских десантников: “Papa, they fought for us!” («Папа, они сражались за нас!»). Канада была тогда все еще частью Великобритании, и канадские солдаты вместе с английскими войсками составляли костяк штурмовой группы на легендарном Джунго Бич и в других точках высадки, где в тот летний день канадской крови на пляжном песке было едва ли не больше, чем морской воды из Ла-Манша³⁴. Патриотическое воспитание детей в Канаде странным образом слабо связано с непосредственно Канадой, поскольку канадская армия воевала в основном за пределами страны. Впрочем, слово «воевала» тоже не всегда точно отражает те миссии, где Канада принимала участие: миротворческие операции в Боснии и даже миссия в Афганистане были в основном связаны с гуманитарными акциями типа распределения продовольственной помощи и строительства школ. Куда больше канадского патриотизма можно увидеть когда канадская сборная по хоккею выступает на разного рода международных турнирах типа олимпиад, когда улицы Ванкувера начинают утопать в красно-белых флагах с кленовыми листьями и совершенно незнакомые друг другу люди в метро вдруг в едином порыве дружно начинают петь канадский гимн по случаю очередной победы или взятой медали.

Когда я был школьником младших классов в почившей в бозе империи Советский Союз, патриотическое воспитание детей фокусировалось в основном вокруг одного события – победы в Великой Отечественной войне (которая, кстати говоря, по английски именуется Великой Патриотической – Great Patriotic War). Это не означает, что другие темы в этом воспитании не затрагивались – были, помнится мне, какие то робкие упоминания об «интернациональном долге» (война в Афганистане была в самом разгаре) и тема революции 1917 года тоже поднималась, но последнее было настолько далеко во времени (так мне тогда казалось в те дни наивной юности), что казалось чем-то вроде античной истории. Тема же второй мировой войны и роли в ней СССР была очень заметна не только в школе с ее учебниками литературы и истории – синемаграф тоже уделял этому большое внимание, создавая порою настоящие шедевры (до сих помню те глубокие впечатления, что оказал на меня тогда уже старый к тому времени фильм «...А зори здесь тихие»³⁵). Рассказы ветеранов, непосредственно воевавших на той войне, ярко дополняли эту патриотическую концепцию. С высоты прожитых лет, прочитанных книг и изученных документов стало ясно, что тогдашнее патриотическое воспитание базировалось на реальных фактах, причем не приукрашенных, хотя, возможно и неполных, и победа Советского

³³ Remembrance Day – праздник в Канаде (официальный выходной), посвященный всем ветеранам канадских вооруженных сил независимо от военных кампаний (от высадки в Нормандии и до миссии в Афганистане)

³⁴ Вопреки бытующему мнению о высадке в Нормандии как чисто американской операции, большая часть войск в ней была английской и канадской (Канада была тогда частью Британской Империи). Любопытно и то, что французские войска составляли лишь 0,1% от общего контингента высадки (177 человек) несмотря на то, операция была спланирована в первую очередь как кампания по освобождению Франции от нацистских оккупантов.

³⁵ По некоторым данным, фильм этот продолжает играть роль в наше время в патриотическом воспитании детей Поднебесной, будучи обязательным к просмотру и обсуждению в средних школах Китая.

Союза в той страшной войне по настоящему спасла по крайней мере Восточное полушарие от тщательно спланированной трагической участи. Иногда случается так, что приходится слышать мнения резко отличающиеся от того, чему меня учили тогда в СССР и что потом оказалось вполне достоверным. Я не имею ввиду современных почитателей Гитлера, о которых порою упоминают мимоходом в новостях, или тех, кто отрицает существование нацистских лагерей смерти. Куда более странно видеть искажения в других, казалось бы серьезных и даже респектабельных местах. Был я как-то в даунтауне Бостона. В одном из небольших парков этого замечательного города (я, признаться честно, вообще люблю Новую Англию) мы с семьей наткнулись на мемориал Холокоста, в котором увековечены шесть миллионов невинных жертв расового безумия нацистов. Пройдя его до конца я прочитал заключение на одной из многочисленных стеклянных панелей, в которой как вердикт было начертано, что конец гитлеровской Германии наступил после высадки в Нормандии и осуществила его американская армия - «с союзниками». Глядя на эту надпись я пережил небольшой шок и некоторое время даже не мог толком объяснить постоянно задававшему мне вопросы сыну почему это, мягко говоря, немного не так. Все годы моего советского патриотического воспитания были готовы разбиться об эту невинно выглядящую табличку. Очевидно, что американская версия такого патриотизма радикально отличается от советской или, теперь уже, российской.

Вообще говоря, в Северной Америке патриотизм очень часто двойственный ввиду высокого процента иммигрантов, причем как недавних так и тех, чьи предки приехали два-три (а то и больше) поколений назад. Например, в том же Бостоне с невероятной помпой отмечается День Святого Патрика, национальный праздник Ирландии. Потомки ирландцев, бежавших с родины из за голода и войн в середине 19-го века, подавляющая часть из которых видела Ирландию лишь на картах, весьма трепетно относятся к как своему происхождению, так и к ирландской культуре с ее непременным пивом Гинесс, кельтскими мелодиями и прозой Джойса³⁶. При этом они остаются американцами и звездно-полосатый штандарт для них так же дорог как и зеленый лист клевера, символа Ирландии. История ирландской иммиграции в Америку тема обширная и отражена она в американской жизни очень широко – от той дискриминации, что столкнулись тогда полуголодные иммигранты, глядя на вывески типа “*No Irish needs apply*”³⁷ и до стереотипа американского полицейского как сильного, жесткого и справедливого мужчины ирландского происхождения.

То же самое относится к американцам и канадцам итальянского происхождения. Во время крупных турниров по футболу (европейскому) улицы Ванкувера в районе Коммершл Драйв начинают пестреть синими майками «Скуадры Адзурры» и триколорами итальянских флагов. Почти никто из этих болельщиков, наполняющих бары и рестораны на время матчей итальянской сборной, не говорит по итальянски и большая часть из них носит вполне заурядные английские

³⁶ Джеймс Джойс (1882 – 1941) - ирландский писатель, один из основоположников модернизма в современной литературе.

³⁷ Эту фразу можно перевести как «Ирландцам просьба не беспокоиться». Так иногда формулировались объявления о найме на работу в 19-м веке, в том числе и в солидных (до сих пор) газетах типа «Нью Йорк Таймс».

имена, привычно сочетающиеся с итальянскими фамилиями. Это не мешает проявлению колоссального патриотического порыва, выражающегося в страстной поддержке итальянских футболистов, которые пожалуй и не слыхивали о симпатиях к ним на другом конце планеты, в Британской Колумбии. Многие болельщики патриотично потребляют краеугольный камень итальянской кулинарии – пиццу, хотя фетуччини Альфредо со странным итальянским пивом, именуемым «бирра», тоже пользуется популярностью. Но надо сказать, что в целом некоторые блюда итальянской кухни давно уже перестали быть прерогативой чисто итальянского патриотизма на американском континенте; та же пицца, в своих бесконечных инкарнациях, давно уже считается типично американским блюдом, равно как и разнообразные виды макаронных изделий, собирательно попадающих под определение «паста».

Подобную, с позволения сказать, амбивалентность можно наблюдать у массы других диаспор на этом континенте. На День Канады в районах Большого Ванкувера с большой пропорцией выходцев из Панджаба можно увидеть благообразных старцев в ярких тюрбанах и пышными бородами, энергично размахивающими канадскими флагами. Во время олимпиады в Сочи русская диаспора в Торонто устраивала красочные манифестации с российскими флагами и узнаваемой олимпийской формой от «Боско ди Чильеджи»³⁸. Греки, во время греческого фестиваля, кормят посетителей сувлаки и мусакой и бодро танцуют национальные танцы Эллады. Патриотизм канадского и американского розлива совершенно не исключает патриотической приверженности к родине предков или стране исхода и возможно эта особенность (наряду с массой других, разумеется) играет свою роль в привлекательности Америки и Канады как Мекки для иммигрантов со всего мира.

На фоне этой радужной палитры бинарного патриотизма несколько выделяется тот патриотизм, что иногда можно наблюдать у выходцев с пост-советского пространства, попавших в Канаду или Америку через Израиль. Связано ли это с тем, что Израиль как государство всю свою недолгую (новейшую) историю фактически находится на осадном положении, держа в перманентном напряжении своих резидентов, или же причину стоит искать в богатой на трагические события еврейской истории мне трудно сказать. Факт однако заключается в том, что если судить по диалогам с русскоязычными иммигрантами из Израиля, патриотическое воспитание в этой стране поставлено просто феноменально. Всплески этой страстной патриотичности можно наблюдать в разговорах, начинающимися по поводам, совершенно с ней, этой патриотичностью, не связанными. Рано или поздно диалоги эти могут повернуться таким образом, что не остается сомнений, что в Израиле самая боеспособная армия, самые развитые технологии, самый «логичный» язык (я слышал это сам), возрожденный из забвения словно птица Феникс, самые лучшие учебные заведения, самая лучшая медицина и так далее. В качестве кульминации такого диалога можно услышать, что Израиль просто самая лучшая страна в мире. Поскольку слышать это приходится от людей годами живущих в Канаде или Америке, где также живут их семьи, то бывает так, что некоторые участники диалога оказываются перед своего рода логической дилеммой –

³⁸ Несмотря на свое итальянское название, компания «Боско ди Чильеджи» является российской.

если Израиль самая лучшая страна в мире, где ты уже когда-то жил, то что побудило тебя оставить ее и мигрировать в Америку?

Надо сказать, что я спокойно отношусь к такого рода патриотизму. Я никогда не жил в Израиле и не мне судить почему люди оставляют его, пусть даже оставаясь его почти что фанатичными патриотами. Более того, какие-то из перечисляемых атрибутов Израиля действительно если не самые лучшие в мире, то весьма близки к ним (медицина, например, или развитость сектора информационных технологий). Что меня в этой ситуации впечатляет это работа по прививанию такого патриотизма в этой стране людям взрослым и зрелым, зачастую выдавшим виды на просторах пост-советского пространства; патриотизма, который они приносят с собой на этот континент и можно даже сказать в чем-то промотируют. По сути между такими бывшими израильтянами и американцами ирландского или итальянского происхождения, упомянутыми выше, только одна фундаментальная разница – последние испытывают патриотизм к стране исхода предков как к некой идее, будучи знакомыми с Италией лишь по сицилийским пейзажам из фильма «Крестный отец» или по красочным календарям, что продают перед Рождеством в моллах, с видами полуразрушенных ирландских замков на изумрудных лугах, в то время как первые имеют конкретный опыт проживания в Израиле. Это фундаментальное отличие объясняет отсутствие той логической дилеммы у таких американцев ибо невозможно относится к патриотической идее также как и к конкретной стране проживания. И видимо поэтому граждане с фамилиями типа Джулиани или Флахерти³⁹ в первую очередь патриоты Америки или Канады, а уж потом Италии и Ирландии.

Вообще говоря, патриотизм по эту сторону Атлантики доступен практически каждому, кто готов принять его в свои объятия; патриотом Америки или Канады можно быть вне зависимости от роду-племени, что хорошо заметно на праздновании Дня Независимости или Дня Канады, когда «дети разных народов» дружно несут звездно-полосатые штандарты или красно-белые флаги с кленовым листом. Ситуация в Старом Свете не всегда такая же однозначная. Бывает, что патриотизм настолько сильно смешивается с национализмом, что становится непонятным, где первое, а где второе. Причем происходит это и в многонациональных государствах. Кыргызстан государство очень многонациональное в чем может убедиться любой просто пройдясь по улицам и особенно базарам Бишкека. Однако когда дело доходит до патриотизма странным образом все замыкается на исключительно киргизов – только киргизы его проявляют и причем весьма по киргизски. И дело даже не в радикальных заявлениях наиболее яростных националистов, утверждающих порою, что в Кыргызстане все другие народы кроме киргизов это всего лишь «квартиранты».⁴⁰ Необычные проявления патриотизма можно наблюдать в местах вроде бы респектабельных, типа парламента, где бывает страстно обсуждаются нюансы полного перехода

³⁹ Руди Джулиани – бывший мэръ Нью Йорка, американец итальянского происхождения; Майк Флахерти – бывший министр финансов Канады, канадец ирландского происхождения. Оба были крайне популярными политиками в своих странах.

⁴⁰ По некоторым данным, высказывание "В Кыргызстане киргизы – хозяева дома, остальные – квартиранты" принадлежит кыргызстанскому политику Адахану Мадумарову, который впрочем утверждал впоследствии, что его слова были искажены прессой.

страны на исключительно киргизский язык или внедрения элементов национальной киргизской одежды в одеяние государственных служащих. Причем наряду с первым многие патриоты продолжают сравнивать Кыргызстан со Швейцарией, в которую он неминуемо превратится в будущем, забывая, что в Швейцарии четыре государственных языка, включая такой лингвистический реликт как ретороманский. Что касается второго, то в пример приводился Кувейт, где власть придержащие действительно одеваются также как и наверное во времена испанской Реконкисты (что, очевидно, не мешает им успешно торговать нефтью, которой в Кыргызстане все равно нет). Но это чисто утилитарные детали патриотизма, вызывающие скорее добродушную улыбку нежели страстный патриотический порыв. Все остальное глубоко связано с прошлым, причем полумифическим – фигура легендарного Манаса и киргизский каганат когда-то по некоторым данным существовавший на территории от Балхаша до Желтого моря вероятно главные столпы на котором зиждется здание киргизского патриотизма, места в котором киргизстанским гражданам, не являющимися этническими киргизами, остается не так много. Ну и конечно же особое место среди сакральных объектов киргизского патриотизма занимает мужской головной убор, киргизский колпак. Наличие колпака пожалуй что наиболее простой способ демонстрации патриотизма и среди патриотично настроенных киргизов он пользуется популярностью именно по этой причине (как предмет одежды он довольно непрактичен). Соответственно и отношение к нему должно быть не как к головному убору, а как к нечто большему в силу чего возникают любопытные коллизии, когда остракизму подвергаются те, кто носит колпак в неположенных местах (в бане например). В этом смысле патриотизм в Кыргызстане не только тесно связан с национализмом, но и является более материальным по сути нежели в Америке; в последней никому не приходит в голову сакрализировать треуголку Джорджа Вашингтона или ковбойскую шляпу, популярную в прериях.

Бывает и так, что патриотизм связан с ностальгией по ушедшему в историю государству. Как правило такого характера патриотизм довольно печальное зрелище и порою утомительное. Коллапс Советского Союза, событие яркое и запомнившееся многим, кто застал его существование, породило множество поводов для такой вот патриотической ностальгии у массы бывших граждан этого недолговечного по историческим меркам государства. Людей таких довольно много, причем не только на пост-советских просторах, но и в дальнем, что называется зарубежье. Отличительной чертой этой ностальгии является жесткая сфокусированность на исключительно положительных особенностях советского периода. Особенности эти - такие как хорошее бесплатное образование для всех, бесплатная медицина, отсутствие инфляции, гарантированные пенсии, практическое отсутствие безработицы и так далее – зачастую трансформируются в таком патриотичном ностальгировании до утопических масштабов, слыша о которых и сопоставляя с тем, что было тогда на самом деле, поражаешься мощному воображению этих ностальгирующих граждан. Как показывает практика, споры и призывы к более трезвому взгляду на наше общее прошлое (в котором много было всякого и не только однозначно хорошего) как правило подобны гласу вопиющего в пустыне. Связано это вероятно с тем, что ностальгия эта – чувство совершенно иррациональное, сродни религиозному запалу, и такой вот образ СССР подобен миражу в пустыне, который выглядит привлекательно и правдоподобно, но не является существующим на самом деле. Попытки привлечь внимание к тем плюсам, что стали

доступными после развала империи ее гражданам с высокой вероятностью будут встречены в штыки. Споры с людьми, увязшими в этой трясине ностальгического патриотизма зачастую можно описать старой узбекской поговоркой – сколько не говори «халва» во рту слаще не станет.

Вот уже много лет, как Советская империя канула в историю и зачастую молодежи в Канаде или Америке приходится пространно объяснять, что это было такое (в Канаде помогают аналогии с Британской империей, куда когда то входила и Канада, и Австралия, и даже Америка). Патриотизм советской закваски все еще встречается у ее бывших граждан постарше в форме определенных взглядов на события во Второй Мировой войне⁴¹ или же в форме ностальгии описанной выше. В России приходящая ему на смену новая концепция патриотизма не всегда выглядит убедительно, чему способствует поступки известных граждан (их еще называют элитой), публично ратующих за ультра-патриотическое отношение к стране и одновременно скупающих недвижимость, хранящих деньги и переселяющих членов семей на «ненавистный Запад». Возможно этот странный диссонанс дал повод Збигневу Бжезинскому, известному «ястребу» из администрации президента Картера, заметить, что надо сначала разобраться «чья это элита – ваша, или уже наша»⁴². Подобный скепсис был в более откровенной форме высказан много лет назад, в 1775 году, английским литератором Сэмюэлем Джонсоном – «Патриотизм – последнее прибежище негодяя» (Patriotism is the last refuge of the scoundrel). Фраза эта стала крылатой, хотя зачастую она неверно используется для характеристики патриотизма вообще, в то время как Джонсон имел ввиду ложный патриотизм, используемый для прикрытия менее привлекательной сути. Строение нового российского патриотизма представляется делом очень сложным и опора в этом строительстве на яркие эпизоды российской истории будут не всегда одинаково приемлимы для разных народов, населяющих Россию – вряд ли победа Дмитрия Донского на Куликовом поле найдет такой же позитивный отклик в Казани или Астрахани как и в Москве или Коломне; маловероятно, что фигура и эпохальные деяния царского генерала Ермолова станут популярными на Северном Кавказе. Найти что-то значимое и приемлимое для всех в качестве патриотического фундамента непросто (хотя победа в Великой Отечественной войне выглядит в этом ключе неплохо). С моей стороны было бы наивным делать вид, что мне известно как это сделать, однако весьма вероятно, что связь между выработкой грамотной политики патриотизма и сохранением государства в его текущих границах прямо пропорциональна.

Одно из фундаментальных отличий Америки от Канады или России состоит в том, что каждый штат в принципе является независимым государством со своей конституцией. Это создает иногда неразбериху и накладывает определенные ограничения в разных сферах права, экономики и

⁴¹ В понимании ценности добытой героизмом Красной Армии победы над нацистской Германией могут помочь данные о «Генеральном Плане Ост», разработанном в 1940 году в аппарате управления Третьего Рейха.

⁴² Полное высказывание Бжезинского звучит так: «Россия может иметь сколько угодно ядерных чемоданчиков и ядерных кнопок, но поскольку 500 миллиардов долларов российской элиты лежат в наших банках, вы ещё разберитесь: это ваша элита или уже наша? Я не вижу ни одной ситуации, при которой Россия воспользуется своим ядерным потенциалом»

повседневной рутины. Например, в штате Нью Йорк запрещен поворот направо на красный свет, в то время как в штате Вашингтон он разрешен. Юристы и бухгалтера, получившие лицензию на работу в одном штате, должны заново получать такую же лицензию в других штатах, потому что законодательство (налоговое, уголовное и всякое другое) может радикально отличаться от штата к штату. Отличия могут быть курьезными (ну вот скажем в штате Висконсин *не* запрещено держать енотов в качестве домашних животных, а в других штатах это запрещено) и история каждого штата во многом определяется этими отличиями и даже дает повод к своего рода патриотизму на уровне штата. Моя знакомая Мэри родом из Вермонта. Будучи истинной патриоткой Америки вообще, она к тому же и яростная патриотка своего штата. Бывает так, что второе затмевает собой первое, особенно когда разговор заходит о качественных продуктах питания.

- Самое лучшее мороженное в мире делают в Вермонте! – убеждала она меня как то раз.

Имелась ввиду компания «Бен и Джерри», чье мороженное, кстати говоря, действительно неплохое, но на мой неискушенный взгляд все же кое-где уступает нью-йоркскому «Хааген Даш». Из диалогов с Мэри я узнал и другие факты о Вермонте. Например, что город Монпелье это единственная в Америке столица штата где в принципе нет (и, видимо, не будет) вездесущих МакДональдсов. Или что Вермонт был первым штатом, официально отменившим рабство буквально сразу же после Американской Революции, в 1777 году. Последнее дает пищу для размышлений, в том числе и о том, кого можно считать образцово-показательным патриотом своей страны, но об этом чуть ниже.

Помнится мне, когда я был школьником в классе эдак четвертом-пятом, в одной из классных комнат, где нам приходилось заниматься на стене был портрет Александра Матросова. На одном из уроков (видимо, истории) нам рассказали о его подвиге, как он, защищая родину от немецко-фашистских захватчиков, бросился грудью на пулеметный бункер. «Какой должно быть он испытывал ужас перед тем как совершить свой подвиг», не переставал думать я тогда. Много лет спустя один выдавший виды ветеран той войны сказал мне, что по его мнению у Матросова не было большого выбора так как скорее всего свою роль сыграл так называемый заградотряд, о котором в школе по понятным причинам не рассказывали. Не знаю так ли это, но тот ореол вокруг его патриотического подвига стал менее ярким, после того как в девяностых появилась масса версий о том, что же все таки произошло. Но, конечно же, конкретные обстоятельства не умаляют сути – Матросов сражался и погиб как истинный патриот своей страны, даже если совершенный им поступок не был результатом сознательного выбора.

Потом, уже на уроках литературы, мы читали рассказ о подвиге Зои Космодемьянской. В доме я нашел книжку для детей о партизане Марате Казее. В классах постарше все изучали «Молодую Гвардию». Казалось, что истинный патриотизм может проявляться только во времена крайне трудные и тяжелые, типа войны. Разного рода победы советских хоккеистов в ледовых баталиях с канадцами или же трудовые подвиги олимпийцев как-то оставались в тени, хотя масс медиа делали все возможное ради подчеркивания их патриотизма.

Во время мирное можно быть патриотом своей страны тихо, без шумихи, апломба или громких заявлений, что, я думаю, и делает большинство патриотично настроенных граждан будь то Канада, Америка или Россия (или какая-либо другая страна). Но бывают ли поступки, которые могли бы подчеркнуть патриотизм в самом позитивном ракурсе, причем без какой либо личной выгоды в такое время? Я, бывало, размышлял над этим глядя на репродукцию одной литографии Морица Эшера, висящей на стене в моем кабинете (один математик как-то раз сказал мне, что графика Эшера ментально стимулирует). Изучив кое-какие данные, случайно попавшие ко мне, мне кажется я смогу привести такой пример.

В далеком 1781 году, когда Британская империя начинала свой впечатляющий подъем несмотря на изнурительную войну с американскими колониями, Францией и Испанией одновременно, воды Атлантики бороздили многочисленные британские суда с самым разнообразным грузом. Времена были другие и, соответственно, транспортируемые товары в большинстве своем несколько отличались от наших дней: сахарная патока, индиго, какао, табак, разного рода специи, драгоценные металлы и кое-что еще. Самый же ценный груз именовали «черное дерево» или просто «живое карго». Были то чернокожие африканцы, что купались в Западной Африке и перевозились на острова Вест Индии для изнурительного труда и скорой смерти на плантациях. Восемнадцатого августа того года английский работоторговый корабль «Зонг» с 442 невольниками на борту вышел из порта Аккры (территория современной Ганы) и взял курс на Ямайку.

«Зонг» был страшно перегружен, но до самого Карибского моря это не смущало капитана, Люка Коллингвуда. Когда до Ямайки оставалось совсем немного, была совершена навигационная ошибка и корабль взял неверный курс, что значительно удлинит плавание. В зловонных трюмах, где томились несчастные африканцы, началась эпидемия, усугубленная ухудшающимся питанием и нарастающим дефицитом пресной воды. Время от времени трупы умерших выбрасывали за борт, что вызывало большое оживление среди каравана акул, следовавших за кораблем от самой Африки. Наблюдая за происходящим Коллингвуд принял решение, сыгравшее колоссальную роль в последующей истории Англии.

Как и на любом другом коммерческом судне, груз «Зонга» был застрахован в Лондоне. В хитросплетениях страхового документа капитан обнаружил пункт, который регулировал выплату страховки в зависимости от конкретных обстоятельств потери груза. Если потеря была вызвана «естественной смертью», страховка не выплачивалась. Если же часть груза терялась в результате усилий сохранения большей части груза, то страховку можно было получить по определенному тарифу. То есть, если скажем груз представлял из себя бананы и часть бананов покрылась плесенью, то заплесневелые бананы и находящиеся в непосредственной близости от них можно было выбросить за борт ради сохранения остальной части груза. Коллингвуд истрактовал это положение по своему и решил избавиться от больных, по его мнению, невольников, ради того, чтобы эпидемия не унесла жизни остальных. В этом случае он планировал получить по 30 фунтов стерлингов за каждого выброшенного за борт африканца.⁴³

Замысел был претворен в жизнь (если конечно слово «жизнь» рассматривать как уместное в данной ситуации): начиная с 29 ноября и в течении нескольких дней 142 живых африканца были выброшены за борт. А 22 декабря «Зонг» прибыл в пункт назначения на Ямайке с 208 оставшимися неграми на борту, которые были проданы по средней цене в 36 фунтов стерлингов за душу. Капитан Коллингвуд умер спустя три дня после прибытия.

События на «Зонге» получили крайне широкую огласку в Лондоне ввиду того, что страховая компания поставила под сомнение применимость того пункта в страховом контракте и не стала выплачивать страховку. Владельцы «Зонга» подали на страховую компанию в суд и началось длинное разбирательство, детально освещавшееся в прессе. И тут в дело вмешался Грэнвилл Шарп, британский филантроп, богослов и общественный деятель, упоминавшийся мною выше как инициатор переселения бывших рабов американского юга в Сьерра Леоне.

Грэнвилл Шарп состоял на службе у английского правительства, занимая не особо значимый пост клерка в управлении артиллерийскими делами (Ordnance Office). Человеком он был не бедным, прекрасно разбирающимся в юриспруденции, богословии и классических языках. Был он набожен и отлично играл на кларнете и арфе. Его положение в английском обществе того времени можно было бы назвать *establishment*, и, не имея отношения к сахарному или табачному бизнесу, он не соприкасался с работорговлей как таковой.

Однако несколько громких судебных дел создали ему репутацию как «защитника негров». Шарп много занимался благотворительностью как таковой и в процессе с ужасом понял какой слой британского общества нуждается в максимальной защите. Рабство было в норме в те дни, однако оно довольно четко регулировалось английским законодательством, что дало Шарпу возможность реально помочь нескольким несчастным чернокожим. Произошедшее на борту «Зонга» дало новый импульс его правозащитной деятельности. Однако теперь он метил выше – полный запрет на работорговлю во всей Британской Империи, вот что стало его целью.

Однако, разбирательство по «Зонгу» фокусировалось не на участии преданных смерти людей, а на страховом и коммерческом аспекте событий. Понимая это, Шарп, тем не менее, активно поддерживал страховую компанию, всячески популяризируя все обстоятельства дела ради повышения информированности британского общества об истинной сути работорговли и реальной цене становившегося популярным в массах сахара. Финальный вердикт суда был вынесен в пользу страховой компании, хотя судья особо подчеркнул, что суть вопроса была не в том, что правомочно ли было выбрасывать за борт рабов, а в том была ли в этом абсолютная необходимость⁴⁴. Однако огласка которую получило дело серьезно поколебало общественное

⁴³ Интересно, что в английском языке есть специальный глагол *jettison*, буквально означающий «выбрасывание чего либо за борт».

⁴⁴ Буквальные слова судьи Мэнсфилда: “had no doubt (though it shocks one very much) that the Case of Slaves was the same as if Horses had been thrown over board ... The Question was, whether there was not an Absolute Necessity for throwing them over board to save the rest” («Вне сомнения то (хотя это звучит и шокирующе), что рабы по сути могут рассматриваться так же как и лошади в отношении их выбрасывания за борт... Вопрос,

мнение в Англии по отношению к институту рабства и заложила фундамент для полного запрета на работорговлю. Пройдет еще много лет в неустанной работе Шарпа и его сподвижников, прежде чем в 1807 году английский парламент полностью отменит на законодательном уровне торговлю рабами в Британской Империи.

Какое отношение история с «Зонгом» и деятельность Грэнвилла Шарпа имеет к понятию патриотизма? Надо сказать, что прямое. Шарп был мирным гражданским лицом, обеспеченно живущим в центре Лондона и никогда не бывавшим на войне. Англия в те времена переживала мощный экономический подъем и рост империи по всему миру. То есть обстоятельства были довольно мирными и спокойными (по крайней мере в границах Британских островов). Шарп, будучи не только государственным служащим, но и богословом, видел свой патриотический долг несколько своеобразно - искоренение работорговли было делом его правозащитной деятельности ввиду убежденности в том, что если он не добьется запрета на этот позорный вид бизнеса, то Англию неминуемо постигнет «божественное возмездие» (“divine retribution”), ниспосланное свыше. Шарп ставил знак равенства между рабовладением и каннибализмом; отведение карающей десницы господ от старой доброй Англии было его главным патриотическим приоритетом. Иными словами, главной мотивацией Шарпа в его долгой и изнурительной борьбе была любовь к родине.

Репродукция литографии Эшера, та что висит у меня в офисе, называется «Рептилии». На ней изображены небольшие крокодильчики, как бы самогенерирующиеся из сложного орнамента в альбоме для набросков, ползущие по кругу через разные предметы - включая непростую стереометрическую фигуру, именуемую додекаэдр - и в конце концов вновь растворяющиеся в этом же орнаменте. Один из крокодильчиков, как раз тот, что оседлал додекаэдр, мощно выпускает пар из ноздрей; другой с трудом взбирается на толстый томик какой-то книги. Когда глядишь на эту композицию, чувствуешь сложный венегрет из чувств, в котором восхищение от прекрасно воплощенной карандашом идеи смешивается с ощущением подлинной оригинальности (пусть даже и интеллектуально “неудобной”). И как только такой сюжет мог придти в голову художника, не устаю я спрашивать себя, глаза на этот черно-белый шедевр? (Некоторые намеки, впрочем, дает изображенная там же закупоренная бутылка с небольшой стопкой рядом).

Нечто подобное можно испытать, размышляя над патриотизмом Грэнвилла Шарпа, искренне стремящимся отвести кару божью от родной Британии. Если рай все таки существует, то было бы логичным предположить, что на райской доске почета праведники смогут увидеть имя Грэнвилла Шарпа в категории “Патриотизм”. В этом смысле поразительно то, что его имя куда менее известно, чем, скажем, имя рабовладельца Томаса Джефферсона.⁴⁵

однако, в том была ли в этом абсолютная необходимость ради сохранения остальной части [груза]» - мой вольный перевод).

⁴⁵ Фигура подписанта Декларации Независимости и третьего президента США Томаса Джефферсона крайне неоднозначна в этом ракурсе – будучи противником рабства как социального института, он, тем не менее,

Дописав параграф выше, я поехал в местный супермаркет – запасы памперсов и молока в доме нуждались в неотложном пополнении. Был теплый летний вечер и стайки оживленных тинэйджеров на паркинге лоте громко обсуждали предстоящий выпускной в местной школе. Купив все необходимое, я зашел в «Старбакс» чтобы взять чашку кофе. Выходя из него я столкнулся в дверях с тремя девчонками словно взятыми из какого-нибудь рекламного ролика о йогурте или зубной пасте, подчеркивающего доступность продукта для всех – одна была рыжеволосой с веснушками на носу, другая чернокожей с пышной прической в стиле «афро», в третьей угадывалось панджабское происхождение. Та, что с веснушками вежливо придержала дверь, чтобы я смог выйти. Я кивнул ей в знак благодарности, получив скромную улыбку в ответ. Пока дверь закрывалась я услышал обрывок прерванного моим выходом из кофейни диалога между ними.

- И помните девочки, сегодня мы покупаем только канадское! – отчетливо и немного строго сказала рыжеволосая.

- Да, конечно! – уверенно согласились с ней обе других.

«Ну вот, опять патриотизм», усмехнулся я себе под нос, отхлебнул кофе и потопал к своему пыльному седану.

Post Scriptum

Я не слышал, чтобы ликер «Блю Кюрасао» употреблялся сам по себе, как коньяк или водка, однако его значение для барной, с позволения сказать, индустрии трудно переоценить. В руках опытного бармена алкоголь этот может входить составной частью в весьма интересные коктейли многие из которых ярко-голубого цвета, как и сам ликер. Надо полагать что цвет вод Карибского моря, омывающих Кюрасао, этого крошечного форпоста Нидерландов у необъятного побережья Южной Америки, именно такой. Воды эти бороздятся голландскими судами с 17-го века, с тех самых пор как остров был отбит у испанцев. Губернаторы колонии Кюрасао (точнее Кюрасао и Аруба) присылались из метрополии, как и было принято в те лихие времена пиратства и набирающей темпы колонизации Америки. Имя одного из них оказалось навсегда связано с другим голландским колониальным форпостом, расположенном далеко к северу от антильских тропиков. Губернатора звали Питер Стейвесант (Peter Stuyvesant), а северный форпост – Новый Амстердам, расположенный на острове Манхэттен и прилегающих территориях.

Стейвесант был суровым мужчиной. Портрет кисти Хенрика Кутюрье, голландского живописца и его современника, дает возможность оценить это визуально – непреклонный взгляд чуть косящих глаз и волевой орлиный нос почти физически заставляют чувствовать, что отношение к дисциплине у губернатора было совсем не шуточным. Суровость портрета неплохо коррелирует со многими фактами из биографии этого колониального администратора. Однажды он возглавил

владел сотнями рабов и даже, по некоторым данным, являлся отцом внебрачных детей от одной из своих рабынь.

вторжение на контролируемый испанцами остров Сан Мартин. Ведя в атаку голландских солдат, Стейвесант попал под шквальный огонь; в результате неудачного (удачного с точки зрения обороняющихся) попадания пушечного ядра, ему оторвало правую ногу. Несмотря ни на что, суровый голландец продолжил управление вверенной ему колонией; когда то, что осталось от ноги подзажило, он стал использовать деревянный протез для того, чтобы иметь возможность передвигаться самостоятельно.

В 1645 году Стейвесант был переведен с Кюрасао на Манхэттен, где и возглавил колониальную администрацию. Манхэттен теснили со всех сторон – англичане с севера, шведы (поразительно, но у Швеции была колония там, где сейчас штат Делавэр) с юга и многочисленные индейские племена отовсюду (предыдущий губернатор неосмотрительно начал с ними войну). Стейвесант, сочетая дипломатию с силой, добился укрепления позиций Новых Нидерландов: с англичанами был заключен мир и очерчены признанные всеми границы, шведская колония была смята в результате военного давления, удалось наладить отношения и с индейцами.

Манхэттен переживал в ту пору мощный экономический бум благодаря своему географическому положению и новой в то время политики толерантности, привнесенной из далекой европейской метрополии. Официальным языком и языком коммерции был голландский, однако население колонии было крайне пестрым и включало в себя не только голландцев, но также и англичан, французов, немцев, уроженцев сегодняшней Бельгии, индейцев из разных племен, чернокожих африканцев (многие из которых были свободными фермерами) и евреев (первый кошерный магазин на Манхэттене, а может быть и в Америке, был открыт уроженцем Польши Ассером Леви). Такой же венегрет наблюдался по части религии – кальвинизм голландского розлива вполне мирно сосуществовал со всеми другими христианскими течениями и иудаизмом. Ко вновь прибывающим колонистам не было никакой дискриминации по части гражданства, которое можно было приобрести за 20 гульденов или эквивалентом в бобровых шкурах, при этом предоставлялась возможность рассрочки платежа. Благосостояние рядового колониста по сравнению с европейским аналогом было весьма неплохим, а во многих случаях исключительным.

Сам Стейвесант, однако, совершенно не испытывал к идеям толерантности какой либо теплоты. Напротив, он считал, что этническая и лингвистическая пестрота населения Новых Нидерландов представляет из себя угрозу безопасности и как мог старался препятствовать ее возрастанию – однажды группа прибывших в гавань Манхэттена португальских евреев, беженцев из Бразилии, просила принять и расселить их в колонии, Стейвесант им отказал и изменил решение только после прямого приказа из Амстердама. Суровый губернатор с лестью отзывался об английских колониях в этом смысле, где состав населения был практически монолитен как этнически, так и религиозно.

Гражданская война в Англии, свержение и потом реставрация монархии, спутала карты политического расклада в Северной Америке. Вместо доброго соседа английские колонии превратились в агрессора, появившись в конце лета 1664 года на Манхэттене с жестким ультиматумом губернатору сдать без боя колонию английской короне. Стейвесант,

профессиональный военный и упрямый кальвинист, совершенно не собирался этого делать, объявив мобилизацию и начав подготовку к обороне. Однако, буквально через несколько дней он подписал акт о капитуляции и передал бразды правления английскому губернатору Ричарду Николлсу. Новый Амстердам, включающий в себя Манхэттен и Брюкелен, стал с этого момента называться Нью Йорк (Брюкелен со временем превратился в Бруклин).

Почему же население Новых Нидерландов не дало должного отпора английским агрессорам? Питер Стейвесант был вынужден сдать город Новый Амстердам и всю колонию англичанам ввиду того, что подавляющая часть населения не собиралась сопротивляться и слушаться его приказа об обороне города (включая его собственного сына). Этот ярко выраженный недостаток патриотизма у населения на мой взгляд объясняется следующей причиной: полное отсутствие патриотического воспитания при системе военной диктатуры. Стейвесант, равно как и все голландские губернаторы заокеанских колоний в то время, исповедовал лишь эту форму управления. Времена были другие, это правда, однако это резко контрастировало с тем, что в этот момент происходило в Нидерландах, где даже в самых удаленных деревнях существовала система народного управления через прямые выборы. Многие образованные голландские колонисты (особенно энергично это промотировал Адриан ван дер Донк, юрист из университета Лейдена эмигрировавший в одной из первых волн), ратовали за такую же систему народной демократии в Новых Нидерландах. Однако этого не произошло и военная диктатура единственного наместника так и осталась единственным методом обеспечения закона и порядка. Никакой работы по воспитанию в новых иммигрантах какого либо патриотизма тоже не велось – все были слишком заняты торговлей. В конечном итоге жителям колонии было без разницы под чьей диктатурой существовать – голландской или английской. И поэтому никто не стал проливать кровь; перейдя под другой патронаж жители продолжили жить также как и раньше.

Считается, что переход голландских владений к Англии сыграли важную и исключительно позитивную роль в истории Соединенных Штатов. Идеи этнической и религиозной терпимости остались неизменными при английской администрации, а позже распространились и на всю Америку (с определенными исключениями такими как отношение к индейцам или неграм на Юге). После Американской Революции, военную диктатуру сменила демократия, чего так долго и безрезультатно добивались голландские колонисты во времена Стейвесанта. Терпимость и демократия в свою очередь дали толчок беспрецедентному экономическому росту, наблюдаемому до сих пор (пусть даже и с проблемами типа кризисов 1929 или 2008 годов). При этом Америка уделяет колоссальное внимание патриотическому воспитанию населения – представить себе сейчас даже гипотетически сдачу Нью Йорка кому бы то ни было без боя просто невозможно.

Факт сдачи города без боя вовсе не означает, что Нью Йорк так и не увидел кровопролития – бывали времена, когда тамошние ганги устраивали такие баталии, что Монк Истман, один из криминальных главарей Нью Йорка, побывавший на Первой Мировой войне заметил (возможно преувеличивая), что «некоторые вечеринки на Бовери опаснее, чем европейская война». Что касается Питера Стейвесанта, но его имя увековечено несколько парадоксальным образом -

знакомый голландец утверждает, что теперь так называется бренд сигарет, популярный среди нидерландских курильщиков.

Конец